

WE STAND WITH UKRAINE!
WE STAND WITH ISRAEL!

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

2 (30) 2024

ВРЕМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

Выпуск 2 (30) 2024

Бостон
2024

ВРЕМЕНА

*Международный литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Давид Гай

VREMENA

*International Journal of Fiction, Literary Debate,
and Social and Political Commentary*

EDITOR-IN-CHIEF: David Guy

Published by **M•GRAPHICS | Boston, MA**

ISSN 2575-9558

Copyright © 2024 by M•GRAPHICS

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, including photocopying, recording, or other electronic or mechanical methods, without the prior written permission of the publisher, except for brief quotations in critical reviews and certain other noncommercial uses permitted by copyright law.

For any information about obtaining permission to reproduce selections from this publication, email or call to the publisher: mgraphics.books@gmail.com / 781-990-8778 or editor-in-chief: guydavid094@gmail.com / 646-270-9615.

Printed in the U.S.A.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ИРИНА БАСОВА-ЗАБОРОВА	(ФРАНЦИЯ)
ВЛАДИМИР БАТШЕВ	(ГЕРМАНИЯ)
МАРК ВЕЙЦМАН	(ИЗРАИЛЬ)
СЕМЁН КАМИНСКИЙ	(США)
ГЕННАДИЙ КАЦОВ	(США)
ГАРИ ЛАЙТ	(США)
АНДРЕЙ ОСТАЛЬСКИЙ	(АНГЛИЯ)
ЛАРС ПОУЛЬСЕН-ХАНСЕН	(ДАНИЯ)
СЕМЁН РЕЗНИК	(США)
ЭЛЛАЙДА ТРУБЕЦКАЯ	(США)
МАРИНА ТЮРИНА-ОБЕРЛАНДЕР	(США)
ЕВСЕЙ ЦЕЙТЛИН	(США)

В апреле текущего года нашему коллеге, писателю и издателю, члену редакционного совета журнала «Времена»

СЕМЁНУ КАМИНСКОМУ
исполняется **70 лет!**

Поздравляем юбиляра
с пожеланиями здоровья,
благополучия и творчества!

*редакция журнала «Времена»
издательство М•GRAPHICS*

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий СОЛОДКИН <i>ПАМЯТИ ЮРИЯ ОКУНЕВА</i>	7
---	---

США: ГОД ВЫБОРОВ

Яков ФРЕЙДИН <i>КОЗЫРНОЙ ТУЗ ТРАМП</i>	9
---	---

Александр ПУМПЯНСКИЙ <i>НОВЫЙ ДЕНЬ ТРАМПЕИ</i>	24
---	----

ВОЙНА В УКРАИНЕ

Павел ВЫШЕБАБА <i>МАРСИАНЕ</i>	39
---	----

Нина ГЕЙДЭ <i>В ЯНТАРЕ ПАМЯТИ</i>	54
--	----

ПРОЗА

Валерий БОЧКОВ <i>ВИСТА БЕЛЛА</i>	62
--	----

Эрих и Лиллиан фон НЕФФ <i>НОВЕЛЛЫ</i>	80
---	----

Андрей БЕЛОЗЕРОВ <i>ШПИОН ТУРЕЦКИЙ</i>	92
---	----

Эмилия ПЕСОЧИНА <i>АНГЕЛАМ НЕЛЬЗЯ ОПАЗДЫВАТЬ</i>	114
---	-----

Зинаида ВИЛЬКОРИЦКАЯ <i>МЕНЯ ЗОВУТ БАСЯ</i>	124
--	-----

Екатерина СЕРВАНТЕС <i>ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН</i>	138
---	-----

ПОЭЗИЯ

Михаил КОВСАН	42
-------------------------	----

Геннадий РУСАКОВ	72
----------------------------	----

Борис КАМЯНОВ	107
-------------------------	-----

Григорий ОКЛЕНДСКИЙ	155
-------------------------------	-----

Ольга ШЕНФЕЛЬД	165
Юрий КАЦНЕЛЬСОН	197
ЮБИЛЕИ	
Александр ПОЛОВЕЦ <i>ОБЕД В ЦДЛ (К 100-ЛЕТИЮ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ)</i>	174
ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ	
Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН <i>ТАТЬЯНА АИСТ В СОДРУЖЕСТВЕ С ИОСИФОМ БРОДСКИМ</i>	179
ИМЕНА В ЛИТЕРАТУРЕ	
Ксения ГАМАРНИК <i>ЮРИЙ ОЛЕША (К 125-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ)</i>	188
Семён РЕЗНИК <i>ОН ВСЕ УСПЕЛ... (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЮРИЯ ДРУЖНИКОВА)</i>	203
ПЕРЕВОДЫ	
Михаил РЫКОВ <i>«ПЕРЕВОЗРОЖДЕНИЕ» — ЛЕОНАРД КОЭН</i>	221
СУДЬБЫ	
Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН <i>ИВАН ЕЛАГИН: ДОЛГОВЕЧНОЕ СЛОВО.</i>	229
ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ	
Владимир ФРУМКИН <i>ОН НЕ ПРОШЕЛ МЕЖ СТРУЙ</i>	246
Александр ПОЛОВЕЦ <i>АННА СЕМЁНОВНА.</i>	252
Инна ТРУФАНОВА <i>КИТЕЛЬ.</i>	264
КУМИРЫ	
Виктор ДАЛЬСКИЙ <i>МОЯ ФАИНА (ХУЛИГАНКА)</i>	268

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Дорогие читатели!

Мы продолжаем подписку на журнал на 2024 год (4 номера), начавшуюся в ноябре прошлого года. По просьбе наших читателей и в связи со значительным увеличением стоимости печати и, особенно, почтовой доставки журнала, мы приняли решение о выпуске журнала с 2024 года также в **электронной версии**, которая будет рассылаться нашим подписчикам (вместо печатной версии) по электронной почте в формате ПДФ.

Для получения всех номеров журнала за текущий год выпишите чек на имя компании-издателя: **M•Graphics**:

- на сумму **75** (семьдесят пять) долларов (**печатная версия с доставкой по США**)
- на сумму **85** (восемьдесят пять) долларов (**печатная версия с доставкой в европейские страны — возможность доставки в Украину, Израиль и некоторые другие страны пока неясны**).
- на сумму **50** (пятьдесят) долларов — **для получения всех выпусков журнала в электронном виде (ПДФ) в любой стране мира**.

Обязательно укажите полное имя, точный почтовый адрес, включая страну доставки, адрес электронной почты (для получения электронной версии) и телефон получателя (если отправка бумажной версии идет за пределы США).

Вложите чек в конверт и отправьте по адресу:

Mr. David Guy 97–07 63rd Road, Apt. 11H Rego Park, NY 11374
Телефон для справок: **646–270–9615**.

Для тех из вас, кто предпочитает электронные методы оплаты, подписку также можно оформить на нашем вебсайте:

vremena.mgraphics-books.com/subscription

Юрий СОЛОДКИН

ПАМЯТИ ЮРИЯ ОКУНЕВА

В канун Нового года, 31 декабря, я позвонил ему и поздравил с днём рождения. Ему исполнилось 86 лет. Разговор был коротким. Он неважно себя чувствовал. А через неделю его не стало. Для меня это невосполнимая потеря близкого друга.

Мы познакомились в Америке, и с момента первого знакомства обнаружилось столько общего по жизни, столько одинакового восприятия окружающей среды, что близкая дружба возникла сразу. Оказалось, что и до эмиграции мы хоть и не были лично знакомы, но пересекались в его родном Институте связи им. Бонч-Бруевича, в котором Юра учился, затем работал и сделал блистательную научную карьеру. Более того, его друг, проректор Института связи, был одним из оппонентов на защите моей докторской диссертации. Мир тесен!

Эмиграция не была простой. Английский, который, как нам казалось в России, мы хорошо знали, оказался в Америке мало кому понятным. Предыдущие заслуги никого не интересовали. Амбиции пришлось умерить, и Юра, сейчас очевидно, что это было большой удачей, начал работать в Bell Labs рядовым инженером.

Поначалу было очень тяжело. Приходилось осваивать компьютер, американскую техническую литературу и... английский язык. А дальше? Однажды я услышал от Юры: «Маховик иммигрантского вызова начинает раскручивать скрытые возможности личности». Я бы только добавил — такой личности, как Юрий Окунев.

Он получил более тридцати патентов на изобретения, написал на английском и издал монографию, участвовал в разработках новейших технологий: компьютерных модемов, высокоскоростных систем передачи данных в Интернете, первых мобильных систем радиосвязи, лежащих в основе всем ныне хорошо знакомым WiFi и EZ Pass. Впечатляющая карьера, начатая в солидном возрасте — от простого инженера до Senior Scientist.

Уже этого достаточно, чтобы сказать — человек состоялся. Но если про Юру, то этого мало. Он талант многогранный, и все грани его таланта заслуживают высокой оценки.

Юрий Окунев замечательный писатель. Он автор многочисленных книг, статей, очерков, эссе. Здесь и мемуарная литература — история семьи, включая далёких предков. Здесь роман «В немилости у природы» и повести. Здесь и большое число очерков о писателях и учёных, об исторических событиях. Круг его интересов впечатляет. Бабий Яр и Шестидневная война, Лунная гонка и Ленинградская симфония Шостаковича, творчество и судьба знаменитых писателей Гроссмана, Кафки, Жаботинского.

Особое место в творчестве Юрия Окунева занимает «еврейская тематика». Об этом говорит солидный том «Ось всемирной истории». Эта книга была издана три раза на русском языке и два раза в переводе на английский — «The Axis of World History». В 2008 году она получила награду «The National Best Book Awards» и вошла в число лучших книг США в категории «Мировая история».

Юрий Окунев, и это не менее важно, чем всё предыдущее, был главой замечательной семьи. Он был счастлив с женой Светланой. У них успешные и любящие сын и дочь, и обожаемые внук и внучка. Глубочайшее им соболезнование, а Юре светлая память!

Яков ФРЕЙДИН

КОЗЫРНОЙ ТУЗ ТРАМП

Мнение автора может не совпадать с мнением редакции

По-английски «trump» значит «козырь». В бизнесе, которым прежде занимался Дональд Трамп (недвижимость и индустрия развлечений), он вполне соответствовал своему имени и вёл себя как козырная карта: мог побить любую масть с немалой для себя выгодой. Что и говорить, для бизнеса фамилия у него вполне подходящая — прямо по русской поговорке «Бог шельму метит». В 2016 году в политической игре под названием «Президентская гонка» он даже стал козырным тузом — Президентом США, неожиданно победив злого джокера по имени Хиллари Клинтон. Победа эта была лишь первым шагом, хотя далеко не гарантией, чтобы войти в историю Америки как самый успешный Президент. У Трампа для этой желанной цели были все задатки (а против были все его недостатки). Несмотря на отчаянное сопротивление своих врагов, он действительно смог сделать кое-что весьма существенное на пути к этому триумфальному титулу, но на перевыборах 2020 года споткнулся о лежащий камень по имени Джо Байден. В этом году приближаются новые президентские выборы, и он решил сделать ещё одну попытку, снова стать козырным тузом и продолжить то, что ему либо не удалось закончить за его время в Белом Доме, либо впоследствии было разрушено его противниками.

В весенние дни 2024 года, когда я пишу эти заметки, предвыборная суматоха раскручивается полным ходом, и пока неясно, к чему она приведёт. Страсти бушуют, а враги Трампа, как и прежде, повсюду используют любые методы для его устранения. Не без основания опасаясь, что он снова может победить, в некоторых управляемых демократами штатах (Мэн и Колорадо), копируя тактику Путина по удалению политических соперников перед выборами, его даже пытались

исключить из списка кандидатов. Ненавистники Трампа применили **в прошлом независимую судебную систему, которую они смогли политизировать**. Идут многочисленные судебные тяжбы, цель которых лишить Трампа его финансового благополучия и даже отправить за решётку — что угодно, лишь бы не допустить появления его имени в избирательных бюллетенях и, в крайнем случае, отвратить от него потенциальных сторонников.

Время летит быстро, до выборов в ноябре остаётся не так уж много времени, и у меня в этой связи есть лишь два вопроса:

1. Хочу ли я Трампа моим Президентом?
2. Сможет ли он победить на выборах и вновь попасть в Белый Дом?

Ответы на эти вопросы не лежат на поверхности, а требуют размышлений и анализа, поэтому, прежде чем делать какие-то выводы, давайте сначала поговорим о том, каким он был Президентом. Тут важно не поддаваться соблазну пойти по лёгкому пути — оценивать эту личность по внешним атрибутам, как положительным, так и отрицательным. Куда разумнее, хотя и сложнее, для оценки его действий попытаться сфокусироваться на целях и конечных результатах, к которым он стремится, а не на путях, по которым он к ним шёл, и не на его характеристиках как личности. В конце концов, история всегда судит политических деятелей по тому, что им удалось сделать на своём посту, а не по тому, были ли они честными людьми или ловчилами, хорошо ли обращались с подчинёнными, была ли у них культурная речь и художественный вкус, не изменяли ли жёнам, и прочим личным качествам, не имеющим отношения к их политической деятельности.

Я не припомню ни одной значимой исторической фигуры, которая была бы столь противоречива, как этот человек. В его характере и поступках есть контрасты невероятной амплитуды, а его поведение почти в каждой ситуации пугающе непредсказуемо. Никогда не знаешь, чего от него ждать. Что же это за контрасты, и каким он был Президентом?

Начнём наши рассуждения с того положительного, что ему удалось сделать для страны и мира за его время в Белом Доме.

ПЛЮСЫ

За четыре года президентства у него были впечатляющие успехи как внутри страны, так и за рубежом. Несмотря на яростное сопротивление левых либералов («либералов» — в современном смысле этого слова, не имеющего отношения к прежнему определению как «сво-

бодомыслящих людей») Трамп начал строительство защитной стены вдоль южной границы против нелегальной миграции. Он отменил множество бюрократических препятствий, которые мешали бизнесам свободно развиваться, дал разрешение на строительство нефтепровода из Аляски и на массовую добычу ископаемого топлива. При нём цены на бензин стремительно падали, США впервые за свою историю стали энергонезависимы, что вызвало панику у мировых экспортёров нефти (мусульманские страны и Россия). США процветали, экономика поднималась, рабочие места увеличивались, доходы росли, фондовая биржа была в отличной форме, несмотря на пандемию Ковида американцы чувствовали себя комфортно и с надеждой смотрели в будущее.

На международной арене, если судить по традиционным меркам, Трамп проявлял себя весьма «недипломатично» — стал проводить в жизнь свой главный принцип «Америка на первом месте» (скажите мне, на каком ещё месте должна быть собственная страна для её Президента?), что вызвало недовольство и растерянность у многих американских союзников, которые годами привыкли жить припеваючи под крылышком Америки. До Трампа военные расходы во всех странах НАТО, за исключением США, были сведены к минимуму (например, Австрия 0,77% от ВВП, Италия 1,68%, Германия 1,39%, и т.п.), никто не хотел раскошелиться на требуемые 2% от ВВП. Вся Европа наслаждалась мирной жизнью под американской защитой и за счёт американских налогоплательщиков (военные расходы в США 2,8% от ВВП). Трамп потребовал от союзников раскрыть кошельки, увеличить военные расходы и озаботиться собственной безопасностью, что союзникам совсем не понравилось.

До Трампа Америка тратила баснословные суммы на помощь всевозможным диктаторским и социалистическим режимам (включая даже богатый Китай!), опять же за наш счёт. Трамп решил с этим покончить, что тоже, разумеется, не понравилось тем, кто жил припеваючи на дармовые американские доллары. Мало того, он стал самым израильским президентом за всю историю и перенёс посольство из Тель-Авива в Иерусалим. За захват Крыма он наложил на Россию серьёзные санкции («Северный Поток-2», отменил катастрофическое эмбарго на поставки летального оружия в Украину, введённое администрацией Обамы-Байдена, передал Украине противотанковые ракеты Javelin), хотя в то же самое время публично играл с Путиным в политический покер — делал вид, что по-дружески относится к российскому диктатору. Все эти безусловно положительные действия воодушевили

многих избирателей и, если верить статистике, примерно половина населения страны поддерживала его тогда, да и сегодня Трампа хотят видеть Президентом огромные массы населения.

МИНУСЫ

У этого неординарного человека есть и другая сторона, которая вызывает неприязнь и отталкивает многих, даже тех, кто при других обстоятельствах мог бы стать его сторонником. В силу своего эксцентричного, неуживчивого, а порой и хамского поведения он растерял многих друзей и нажил себе врагов во всех эшелонах государственной власти. Реальная власть в любой стране (США здесь не исключение) в руках сравнительно небольшого класса бюрократов и профессиональных политиков, с которыми он вдрызг разругался и остался в одиночестве против всего вашингтонского болота, которое он безуспешно пытался осушить. Его попытки лишить власти и доходов массу дармоедов, сидящих на государственной шее, вызвали их яростное сопротивление, и они объявили ему войну не на жизнь, а на смерть.

У Трампа были прекрасные идеи *MAGA (Make America Great Again — Сделай Америку Снова Великой)*; для достижения своих целей он был превосходным стратегом, однако плохим тактиком. Проводя в жизнь свои благие намерения, он использовал негодные средства. Он вёл себя как слон в посудной лавке, говорил там, где лучше было бы промолчать. Не мозг управлял его языком, а болтливый язык вёл мозг. Он стал своим худшим врагом. Будучи Президентом, он восстановил против себя всё руководство страной: госдепартамент, министерства финансов, юстиции, образования, командование вооружёнными силами, ЦРУ и ФБР. В своей борьбе он остался совершенно один без влиятельных друзей и соратников, а один, как известно, в поле не воин.

Я могу привести большой список его неудач на посту Президента, включая катастрофическую кадровую политику. Великий диктатор Сталин во главу своего правления ставил принцип: «кадры решают всё», и он, конечно, был прав; в подборе хороших кадров — залог успеха любого руководителя. Трамп, будучи до корней волос бизнесменом, тем не менее постоянно нарушал этот важнейший принцип: за малейшее несогласие безжалостно выгонял лояльных сотрудников и продвигал совершенно негодных людей. На выборах 2020 года он поддерживал лояльных ему, но негодных кандидатов, которые проиграли, а потому во многом из-за него Конгресс остался под контролем демократов. За два с половиной года он уволил более 30 своих ближай-

ших помощников. А что стоит, например, его выдвижение мошенницы Ронны МакДэниел (потратила более \$2 миллионов республиканских денег на роскошные путешествия и частные самолёты, \$300 тысяч на цветы, \$75 тысяч на «косметические и курортные процедуры» и \$1280 на регистрацию ЛБГТК+). Трамп хотел и добился своего, чтобы эта воровка возглавила Республиканскую партию вместо супер-юриста и кандидатки движения MAGA Хармит Диллон.

Мало того, Трамп умудрился восстановить против себя многие бизнесы, особенно хайтек. За последние полвека лет левые политики так основательно разрушили этику труда и соблазнили народ лёгкой жизнью, что в стране сегодня очень мало собственных учёных и технических специалистов высокой квалификации. Зайдите в любой университет на негуманитарные кафедры, и вам непросто будет найти там профессоров, учёных и студентов, рождённых в Америке. По этой причине все хайтек-бизнесы вынуждены нанимать иностранцев. В Кремниевой Долине 70% всех специалистов — это не граждане Америки. Трамп необдуманно подписал президентский указ, резко ограничивший въезд в страну по рабочим визам, что привело IT компании в состояние шока и ударило по их кровным интересам — своих-то американских специалистов днём с огнём не сыскать! Работники из Индии, Китая, Тайваня, Белоруссии и других стран боялись поехать домой в отпуск, опасаясь, что их не впустят обратно в США. Стоит ли удивляться, что Google, Facebook, Apple, Amazon и прочие медийные и информационные мега-бизнесы восстали против Трампа и повели против него войну не на жизнь, а на смерть. Ему бы следовало не рубить с плеча, а начать долгий и трудный путь перестройки системы американского образования и развернуть ментальность населения к традиционным ценностям. Воссоздание своего собственного контингента специалистов — это очень долгий процесс, наверняка более одного поколения. Трамп, однако, захотел невозможного — немедленных результатов, но лишь восстановил против себя всю индустрию.

На волне глобализации в погоне за быстрой прибылью масса американских компаний прекратила собственное производство и стала на путь аутсорсинга. Почти всё, что сегодня продаётся в Америке, сделано в Китае, Вьетнаме, Индии и других азиатских странах, где более дешёвая рабочая сила: от одежды до компьютерных чипов и выплавки стали. Вместо того, чтобы начать долгий и трудный процесс возвращения производства обратно в страну, воспитания специалистов и снижения себестоимости, Трамп требовал от бизнесов не покупать товары

за границей, а производить у себя дома. Он, как Путин, решил ввести в стране совершенно нереальную политику «импортозамещения» задолго до того, как появятся свои человеческие ресурсы, сырьевые и производственные мощности. Он, резко повысив тарифы на импорт, преждевременно начал экономическую борьбу с Китаем, чем накликнул на себя китайскую кибер-войну.

Будучи в прошлом успешным бизнесменом, он решил, что страной можно править теми же методами, как бизнесом. Но не учёл, что любой бизнес — это авторитарная структура, где слово начальника имеет силу закона, тогда как США демократическая страна, которая требует совершенно других методов управления. Руководителя любой фирмы в первую очередь заботит ближайшее будущее: увеличить прибыль на следующий год или два, от силы три. Редко какой бизнесмен будет вести свой бизнес в расчёте на прибыль в отдалённом будущем, скажем, через 10 или 20 лет. Трамп, с его благими намерениями и будучи бизнесменом, решил, что может получить быстрые результаты. Однако то, что годится для бизнеса, из-за несопоставимости масштабов в огромной стране так не работает. В этом он стал похож на Хрущёва с его «волюнтаристскими» методами правления и потому разделил его судьбу — потерял власть.

Среди избирателей он настроил против себя миллионы испаноязычных, когда воспротивился интеграции в американское общество «мечтателей» (dreamers) — детей нелегальных мигрантов из стран Латинской Америки. Этих людей незаконно ввезли в страну их родители, причём при полном попустительстве прошлых администраций. Вина за это незаконие лежит не на мигрантах, у которых было естественное желание перебраться в страну с лучшими условиями жизни, и уж тем более не на их детях, а на демократах и республиканцах, которые не держали границы на замке. «Мечтатели» выросли в Америке, так к чему теперь через столько лет разрушать жизни этих людей? Трамп не проявил понимания и сочувствия, а потому нажил себе дополнительных врагов.

За время его президентства самым яростным его врагом оказался Конгресс, управляемый демократами. Вместо того, чтобы как-то с законодателями договариваться, искать компромиссы, да вообще вести себя хотя бы для видимости цивилизно, он на всех своих противников навесил оскорбительные ярлыки и грубо нападал на них с поводом и без повода.

Впрочем, чисто по-человечески его озлобленность можно понять — его поведение было естественной ответной реакцией, ибо сразу же после выборов 2020 года, ещё даже до инаугурации, демократы напали

на него самым оскорбительным, бесчестным и злобным образом. Они всячески показывали своё презрение к нему, навалили на него бесчисленные судебные иски, обвиняя его во всех мыслимых и немыслимых грехах: от неуплаты налогов и сексуальных посягательств до попытки организовать антиправительственный мятеж. Каждый его шаг встречался в штыки не по тому, хорош этот шаг или нет, а лишь потому, что это шаг делал Трамп.

Его противники использовали локдауны пандемии Ковида и разожгли беспорядки чёрно-белых активистов (Antifa/BLM) в связи со смертью наркомана Флойда, погрузив страну в хаос и беззаконие. Для Трампа, как для лидера, это был серьёзный экзамен, и он его с треском провалил. В США существует Акт о Мятеже (The Insurrection Act), принятый ещё в 1792 году, который даёт президенту право использовать внутри страны войска для подавления беспорядков и восстановления законности. Трамп повёл себя нерешительно и не использовал эту законную возможность, опасаясь, что демократы объявят его «диктатором». Он этого не сделал, но его всё равно объявили. Нелишне напомнить, что президенты Рузвельт, Кеннеди, Джонсон и Буш-41 успешно использовали войска для подавления гораздо меньших беспорядков, но никто их диктаторами не называл. Почувяв слабину, демократы спустили на Трампа всех собак, и он отбивался от них вяло и безрезультатно. Он не стал ни Терминатором, ни Геркулесом — не смог победить не только Немейского льва, но и демократического осла.

Практически отрезав себя от Конгресса, он решил действовать в обход законодателей — претворять свои идеи в жизнь через президентские указы. Эти указы, хотя формально имеют силу закона, могут быть заблокированы любым федеральным судьёй. Многие его, по сути, прекрасные указы были в первый же день отменены следующим Президентом, причём не потому, что они чем-то были плохи, а просто в качестве яростной мести Байдена и демократов за прошлые обиды. Ну, и какой прок был от всех его усилий, если их можно было отменить одним росчерком пера? Чего он добился за своё время в Белом Доме, если следующий Президент в первый же день отменил большинство его достижений, подписав 40 новых контр-указов?

Сегодня, почти четыре года спустя можно по пальцам одной руки посчитать, какие полезные достижения Трампа пережили его поражение на выборах 2020 года: 1) он ввёл в Верховный Суд трёх новых судей консервативных взглядов и назначил 226 федеральных судей — пожизненные должности, которые никто не вправе отменить; 2) пере-

нёс американское посольство из Тель Авива в Иерусалим; 3) подписал указ о создании «Космических вооружённых сил»; 4) запустил мирный процесс между Израилем и арабскими государствами («Соглашение Авраама»). Вот, пожалуй, и всё — не припомню больше ничего значимого, что пережило его президентский срок.

Пройди он на второй срок, многие его достижения могли бы закрепиться, но этого не получилось во многом по его вине, ибо в последний год он ничего не сделал, чтобы сохранить за собой президентский пост. О том, что голосование по почте — самый лёгкий путь к фальсификации выборов, он говорил давно, но не предпринял никаких шагов, чтобы этого не допустить. Когда появились факты, что на выборах в некоторых округах за его противника была вброшена масса фальшивых голосов, он постоянно об этом говорил, а его адвокаты заявили, что у них есть абсолютно надёжные доказательства подлога. Было много шума, но ничего никому не было представлено — гора родила мышь.

За четыре года президентства он выигрывал много сражений, но, к великому сожалению примерно половины избирателей, проиграл войну.

ВТОРАЯ КАДЕНЦИЯ?

История дала Трампу уникальный шанс стать величайшим Президентом в истории страны, и первую пару лет в Белом Доме для многих он так и выглядел. В 2020 году шанс был утерян. Появится ли у него такой шанс снова в 2024 году?

Сегодня Америка серьёзно больна левизной. Эта, в прошлом «детская болезнь» (по выражению Ленина), уже перешла в зрелый возраст, стала злокачественной, дала метастазы во все органы американской жизни и угрожает самому существованию США. Некоторые штаты (например, Техас) уже поговаривают о выходе из Союза. Из-за болезни левизны в стране идёт деградация в самых критических областях: в образовании, науке, промышленном производстве, социальных отношениях, и даже в искусствах. Границы страны по сути дела открыты для нелегальной миграции. Забыта важнейшая Первая поправка к Конституции — свобода слова, страной правит политкорректность, людей ценят не по их способностям и достижениям, а по цвету кожи (чем темнее оболочка, тем важнее начинка) и приверженности левой идеологии. Америка уже не такая великая мировая держава, какой была ещё полвека назад. Можно, конечно, на всё махнуть рукой и сказать себе: «Будь что будет, ничего уже изменить нельзя, жаль только наших детей и внуков», однако

можно попытаться остановить эту разрушительную болезнь. Шансы на это невелики, но и не нулевые. В демократическом обществе население, участвуя в выборах (если выборы честные), в состоянии как-то влиять на политический процесс и, как следствие, на судьбу страны.

Как это порой случается в истории, Провидение по непонятным человеческому разуму соображениям выбрало для миссии спасения Америки такую странную фигуру, как Трамп. В нём необычно всё: как он говорит, что он говорит, его внешний вид, его подход к сложным мировым проблемам. Его речь — не язык политика, а малограмотного простолюдина, его *modus operandi* прямолинеен, порой груб, хамоват и резок, но именно благодаря этим качествам ему нередко удавалось добиться успехов там, где других ждала неудача, ибо «против лома нет приёма». Благодаря своей непохожести на никого и своему неординарному поведению, не исключено, что он может оказаться как раз той едкой химиотерапией, которая способна хотя бы частично вытравить рак левизны и направить страну на путь излечения.

Мы можем быть чистоплюями, умыть руки и гордо сказать себе: «С таким типом нам не по пути!», но разве не разумнее хотя бы из чисто прагматических соображений не обращать внимания на внешние атрибуты этого странного человека, а поддержать его усилия для достижения наших с ним общих целей? Спасение Америки куда важнее той отталкивающей мишуры, которую он сам на себя навешивает. При всей его грубости, эксцентричном поведении и отвратительном характере, по странному вывиху судьбы получилось так, что Трамп — это единственный из возможных претендентов на пост Президента, кто искренне нацелен на то, чтобы вернуть Америке её прошлое величие.

Самое главное, что отличает Трампа — он не просто один из кандидатов на пост Президента — это идейный руководитель массового движения за возврат к прежним американским ценностям. Как в своё время сказал один классик: «Идея тогда становится силой, когда она овладевает массами». Трамп — это единственный, у кого есть простая, незатейливая и понятная широким массам идеология (MAGA). Все остальные претенденты на Белый Дом отличаются друг от друга лишь деталями своей политической программы, но никто из них, кроме Трампа, не имеет ауру «вождя». Способность Трампа вернуть Америку к прежним ценностям и «сделать её снова великой страной» чувствуют миллионы избирателей. Неудивительно, что сегодня его популярность в стране больше, чем когда-либо прежде, и массы избирателей готовы голосовать за него при любом раскладе.

В начале этой статьи я задал два вопроса. Первый — хочу ли я иметь такого Президента, как Трамп?

Мой и многих читателей эмоциональный ответ будет — да! Мы хотим Трампа в Белом Доме, ибо верим, что он нацелен на расчистку вашингтонского болота и сможет отодвинуть страну подальше от левой пропасти. Но подчеркну — это не логичный ответ, а всего лишь эмоциональный.

А вот прагматичный и логичный ответ зависит от одного критического условия, при котором я хотел бы видеть Трампа Президентом. Без выполнения этого условия он будет безоружен, и его миссия MAGA не сможет быть выполнена. Условие такое: у Трампа, стань он Президентом, появится реальная возможность претворить в жизнь его программу, только если Конгресс (Палата представителей и Сенат) после выборов 2024 года целиком перейдёт в руки республиканцев, на что, кстати, надежда слабая. В этом случае, имея за своей спиной законодателей, он сможет сделать много хорошего не только внутри страны, но и на международной арене. При таком идеальном раскладе мой ответ будет — ДА: если с 2025 года правительство США станет консервативным, я хочу, чтобы Трамп снова был Президентом, несмотря на его болтливый язык и отвратительный характер. Мне будет не важен его стиль, который скрепя сердце я смогу вытерпеть, а важно реальное достижение тех целей, каких я от него ожидаю.

Если же Конгресс хотя бы частично останется в руках демократов, а Трамп всё же станет Президентом, то мы увидим ужасное *déjà vu*, когда единственный заботой Конгресса снова будет борьба с Трампом. У него, как и прежде, окажутся повязаны руки и все его благие усилия станут бесплодными. В этом печальном случае ответ на вопрос «хочу ли я видеть Трампа Президентом?» — будет НЕТ, не хочу. При таком раскладе моим желанием будет иметь в Белом Доме некую более цивилизованную версию Трампа: с его благими целями, но без его разрушительных противоречий.

При управляемом демократами Конгрессе я бы хотел бы видеть Президентом человека, который поддерживает главные идеи MAGA и сможет продуктивно работать со всеми структурами государственной власти. К сожалению, такой личности среди республиканцев пока не видно и, пожалуй, единственный кандидат, хотя и весьма далёкий от идеала, но ближе других подходящий к этой роли — бывший посол США в ООН Никки Хэйли. Однако с ее уходом из гонки номинирование Трампа как республиканского кандидата практически гарантировано .

Давайте пофантазируем, какие цели перед своим правительством поставит Трамп, если он опять займёт Белый Дом и Конгресс будет на его стороне.

На мой взгляд, вот самые важные из этих целей для внутренней жизни США:

1. Уменьшение бюрократии и снижение государственных расходов;
2. Борьба с инфляцией, которая при Байдене достигла невероятно высоких размеров;
3. Наведение порядка в иммиграционной политике. Прекращение нелегальной миграции и закрытие границ для людей, представляющих для США потенциальную опасность, и депортация мигрантов, которые проникли в страну незаконно.
4. Возвращение к масштабной добыче американских ископаемых энергоресурсов (нефти и газа) и превращение страны в ведущий экспортёр горючего (что, кстати, окажет колоссальное влияние и на международные отношения);
5. Уменьшение аутсорсинга и возвращение в Америку промышленного производства, особенно микроэлектроники и металлургии.
6. Попытка навести порядок в школьном и университетском образовании, где обучают левой идеологии и проводят дискриминацию и харассмент учёных и студентов по этническому и религиозному принципам. Задача это чрезвычайно сложная, и у федерального правительства есть мало рычагов для воздействия на систему обучения, кроме, пожалуй, финансового давления на штаты, которые питают левой индокриной.
7. Запрет пропаганды и практики «критической расовой теории» (КРТ) во всех федеральных организациях, включая вооружённые силы; восстановление эффективности Первой поправки (свобода слова) и искоренение политкорректности.

На международной арене Трамп также сможет добиться значительных успехов, которые будут благоприятны Америке и другим цивилизованным государствам. Не будем забывать, что все четыре года его президентства на нашей планете не произошло ни одного значительного по масштабам вооружённого конфликта — непредсказуемость поведения Трампа сдерживала политических авантюристов и потенциальных агрессоров от рискованных шагов.

Для контраста, при оwoщеподобном Байдене наш мир вплотную подошёл к горячей 3-й Мировой войне, ибо авантюристы и религи-

озные фанатики разного пошиба прекрасно знают боязливость, нерешительность и слабину его администрации, поведение которой очень даже предсказуемо. Уже идут кровавые войны в Украине и на Ближнем Востоке. Иран задействовал и активно поддерживает свои марионеточные прокси-армии (Ливан, Сирия, Йемен, и пр.) для нападения не только на Израиль, но и на территории других государств.

Накануне президентских выборов мир пребывает в опасном турбулентном состоянии, и будущий Президент США может сыграть решающую роль в развитии событий — либо он (она) своим попустительством, вялостью и боязнью смелых шагов подведёт нашу цивилизацию на грань горячей 3-й Мировой войны (холодная уже идёт), или же, используя всю экономическую и военную мощь Америки, удастся загасить огонь войны. Судя по его прошлым шагам, именно Трамп может оказаться таким пожарным.

Итак, что бы он мог сделать на мировой арене?

- Война России против Украины. Здесь большой знак вопроса — что предпримет Президент Трамп? Пока что есть неясность в его целях по отношению к российской агрессии. Из-за политических причин (грядущие выборы) он пока темнит и на эту тему ясно не высказывается, но как-то похвастался, что может закончить эту войну за 24 часа. Безусловно, он в состоянии это сделать, причём двумя диаметрально противоположными способами. Первый способ: он прекратит военную и экономическую помощь Украине (кстати, Байден это уже сделал), принудит её пойти на территориальные уступки и одновременно нажмёт на Путина для подписания мирного договора. Это будет самый неразумный и даже трагичный ход, ибо принуждение к миру ещё никогда в истории не приводило к долговременному миру, да и любой договор с Россией не стоит бумаги, на которой будет стоять подпись Путина. Надеюсь, что Трамп это прекрасно понимает.

Не будем забывать, что Трамп — личность эксцентричная и непредсказуемая, и он, как «ванька-встанька», может кувырнуться и выбрать совершенно иной способ прекращения войны. Например, а) сообщит Путину и его когорте, что если они немедленно не отведут российские войска к границам до 24 февраля 2022 года, то он оживит Ленд-лиз и резко увеличит передачу Украине новейшего вооружения, включая точное дальнобойное. Это даст возможность украинской армии бомбить цели на всей российской территории, включая Сибирь, Москву и Питер, и тем

быстро лишит агрессора желания продолжать войну; или б) введёт в Украину «миротворческие» силы НАТО, чего само по себе будет достаточно для остановки российской агрессии — воевать против армий НАТО Россия не рискнёт при любом раскладе.

- Трамп сможет разрубить гордиев узел на Ближнем Востоке. К примеру: в каждом случае нападения иранских прокси (вроде Хезболлы в Ливане или Хуситов в Йемене) на объекты Израиля или прочих стран, Америка будет отвечать массивными ракетными ударами не по марионеточным государствам, а непосредственно по целям в Иране.
- Он мог бы оказать сильное экономическое и военное давление на Египет, чтобы тот выделил северо-восточную секцию Синайского полуострова для переселения туда арабов (т.н. «палестинцев») из Газы и, возможно, из Западного берега реки Иордан.
- Он подтолкнёт европейских союзников к резкому увеличению военных расходов для собственной защиты. Ввиду нынешней российской угрозы это будет много проще по сравнению с тем, как происходило во время его первой каденции.
- Он будет успешно противостоять Китаю, защитит Тайвань и выведет из-под китайского контроля ряд стран Латинской Америки.

Пока что это лишь благие намерения, которые, повторю ещё раз, будут возможны лишь при одном условии: если демократы полностью потеряют Конгресс.

Что касается ответа на второй вопрос: «есть ли у Трампа шанс снова стать Президентом?», то на сегодняшний день ответ весьма туманный: шанс есть, но величина его находится под влиянием двух факторов.

Первый фактор: позволят ли Трампу выйти на финишную прямую? Против него идёт ряд судебных процессов, самый серьёзный касается обвинения в том, что он якобы провоцировал вторжение его сторонников в здание Капитолия 6 января 2020 года. Антитрамписты резонно опасаются, что Трамп может стать следующим Президентом и пытаются через суды не допустить его к выборам под разными предлогами, в том числе на основании 14-й Поправки к Конституции как «участника мятежа». Однако 4 марта этого года Верховный Суд вынес решение в пользу Трампа, отменив судебный вердикт, согласно которому Трамп был исключен из избирательного бюллетеня штата Колорадо на основании 14-й поправки к Конституции о подстрекательстве к мятежу в связи с нападением на Капитолий 6 января 2021 года.

Другие судебные процессы будут пытаться не только лишить его финансового благополучия, но и отправить за решётку до того, как он поселится в Белом Доме с президентским иммунитетом. Полагаю, что у них с этим ничего не получится, поэтому, если не произойдёт чего-то непредвиденного, Трамп почти наверняка будет кандидатом на выборах 2024 года.

Второй фактор, который повлияет на шанс избрания Трампа, это фигура его противника, то есть кандидата на пост Президента от демократической партии. Во время написания этой статьи единственным реальным кандидатом от демократической партии пока что является престарелый Джо Байден. И дело вовсе не в возрасте, а в его физическом и когнитивном состоянии. К началу нового президентского срока в январе 2025 года ему стукнет 82 года. Трамп тоже, по американской поговорке, не «весенний цыплёнок» (ему в то время будет 78), но у него нет и намёка на физическую или умственную слабость, по крайней мере, его болтливый язык так же резв, как и прежде.

Для основной массы демократов, Трамп — ненавистная фигура, хотя и Байден своей немощью вызывает у них серьёзную озабоченность. То есть, оба кандидата для них непривлекательны, а поэтому из двух зол (как они понимают зло) демократы проголосуют за меньшее, а меньшим злом для них является Байден. С другой стороны, большинство республиканцев, многие независимые и даже некоторые думающие демократы видят в Байдене либерального коррумпированного бюрократа и дряхлую марионетку в руках закулисных кукловодов, а потому Трамп, несмотря на все его негативные стороны, лучший для них кандидат в Президенты и серьёзный конкурент Байдену. Это значит, что при условии честных выборов у Трампа есть немалый шанс.

Демократы прекрасно понимают риск, связанный с Байденем, и в последний момент попытаются найти способ выдвинуть более молодого кандидата. Пока что на их горизонте маячат (хотя пока формально ещё не кандидаты) две фигуры, причём одна хуже другой: это губернатор Калифорнии Gavin Newsom (которого за бездарность прозвали «Nuisance» — неприятность) и Мишель Обама, главное достоинство которой демократы видят в её фамилии, ибо иными полезными качествами она не обладает.

Главная опасность для Трампа в том, что может возникнуть серьёзный кандидат от независимых, например бывший сенатор-демократ Джо Манчин, который выиграть выборы не сможет, но сыграет роль

«спойлера» — помехи. Если демократы в последний момент вместо Байдена выдвинут кого угодно из своих кандидатов, да ещё те независимые, которые прежде могли бы проголосовать за Трампа, отдадут свои голоса Манчину, шансы Трампа на победу резко упадут, поскольку именно независимые обычно определяют, в какую сторону склонятся весы выборов.

В заключение скажу: если хотите видеть Президентом человека, который сможет способствовать излечению Америки от болезни левизны (неважно, Трамп или другой республиканский кандидат, поддерживающий идеологию MAGA), молитесь, чтобы от демократов на финальную гонку вышел Байден, но главное — голосуйте за консервативных законодателей. Стране нужен консервативный Конгресс даже больше, чем консервативный Президент.

Однако, если вас гложет ностальгия по СССР, если вы не прочь, чтобы Америка превратилась в социалистическое государство и вам не жаль своих детей и внуков, голосуйте за любого кандидата-демократа.

ОБ АВТОРЕ

Яков Фрейдин (Jacob Fraden) закончил Уральский Политехнический Институт и специализировался в области медицинской электроники и биокибернетики. Кандидат технических наук.

Одновременно работал на телевидении кинокорреспондентом, снимал как режиссёр короткометражные фильмы, писал статьи в местной печати.

В 1977 г. эмигрировал в США, где работал исследователем в CWRU (университет в Кливленде) и ряде американских компаний. Автор более 90 научных статей и популярного учебника по датчикам (*Handbook of Modern Sensors*), который выдержал 5 изданий и переведён на несколько языков, включая русский. Русский перевод этой книги завоевал в Москве первое место на конкурсе «Лучшие книги года — 2021». Автор 60 изобретений. Опубликовал книгу воспоминаний (по-английски) «Приключения Изобретателя — *Adventures of an Inventor*» и несколько сборников своих рассказов.

Публикует рассказы, статьи и эссе по-русски и по-английски в Америке, Европе и Австралии.

Александр ПУМПЯНСКИЙ

НОВЫЙ ДЕНЬ ТРАМПЕИ

Мнение автора может не совпадать с мнением редакции

Президентский историк Майкл Бешлосс подвёл итоги: два импичмента, два развода, пять уклонений от военной службы, шесть банкротств, двадцать шесть обвинений в сексуальных домогательствах, четыре тысячи судебных процессов. Послужной список Дональда Трампа внушительен. (И это не считая расследований и судов последних месяцев, а их немало).

Сейчас, когда в эпопее Трампа наметился новый заоблачный взлёт, нелишне вспомнить про былое падение.

Что было худшим днём Трампеи?

Первый вторник после первого понедельника 3 ноября 2020 года? Безусловно. В этот день американцы преподнесли Трампу избирательную урну с прахом его надежд.

Президентские полномочия Трампа однако истекли тремя месяцами позже, 20 января 2021 года. Так что день инаугурации президента Байдена? Конечно. С уточнением: начиная с вечера накануне, когда Трамп ретировался из Белого дома, сбежав с церемонии, соблюдавшейся всеми уходящими президентами на протяжении всей истории этой страны.

Есть, однако, ещё одно предложение — взрывной вторник 16 февраля 2021 года. Как выразился корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Трейси Талли, «необыкновенный утренник в Атлантик-Сити». Вот его репортаж.

«Это не был самый большой или самый выдающийся взрыв в истории. Аукцион на право подорвать динамит, чтобы снести отель и казино Trump Plaza в Атлантик-Сити, штат Нью-Джерси, не вызвал особого энтузиазма. Но за десять долларов — недорого за возможность увидеть символический финал игровой империи бывшего президента, каждый желающий мог расположиться в своём автомобиле на стоянке по

соседству, которая в эпоху пандемии использовалась как место раздачи продуктов питания, а по такому случаю превратилась в смотровую площадку.

Trump Plaza был первым из трёх казино, которыми владел мистер Трамп, прежде чем его игорный бизнес в Атлантик-Сити обанкротился окончательно и бесповоротно, оставив вереницу обманутых подрядчиков и поставщиков и стойкое отвращение к бренду Трамп в этом приморском курортном городе с населением 38 000 человек.

34-этажную башню Трамп Плаза разобрали до каркаса, большую часть бетона вывезли. На зияющей железобетонной конструкции установили 3000 динамитных шашек.

Взрыв был назначен на 9 часов утра. Несколько минут спустя под радостные крики собравшихся башня рухнула наземь, оставив за собой лишь огромное облако пыли».

Громкое событие, которое прошло тихо. Карьера Трампа началась с казино и закончилась им. На самом деле она вся — казино.

Отец Трампа, как мы знаем, был успешный риэлтор. От отца Трамп унаследовал деньги, недвижимость и дело. Правда, как реальный предприниматель — творец недвижимости — он шестикратный банкрот.

Прибыль принесла ему роль предпринимателя в реалити-шоу «Ученик» (Apprentice). Мало того, что она помогла ему покрыть убытки в сотни миллионов долларов от собственно предпринимательской деятельности. Выдуманная роль идеального предпринимателя создала ему бренд, торговля которым и стала его настоящим бизнесом.

Имидж не дороже денег, это сами деньги. Бренд — внушение.

Выдающийся риэлтор — это в действительности герой реалити-шоу, выдающий себя за риэлтора.

Шоу затмевает реальность. Суть дела не в деле, она в роли.

Но и у самого успешного телешоу есть недостаток, оно не вечно. Что дальше?

Когда бизнес — золотая пыль в глаза, панацея — паблисити. Самая известная площадка на юру — политика.

Политика — это телевидение, реклама, скандалы, шум-гам — всё, о чём только можно мечтать. Это представление, которое собирает больше зрителей, чем любой спектакль. И Трамп решительно шагнул в политический театр, прямо на его авансцену, в дамки, в премьеры. Он кандидат в президенты США! Играть, так играть.

То, что политика — это тоже шоу, давно известно. Хотя вообще-то она ещё немножко про другое. Про социальные проблемы и их решения. Про государственную ответственность. Трамп свободен от этих предрассудков. В этом суть казуса Трампа, или, если хотите, принципиальная новизна фигуры Трампа. Для него поход в политику — экстравагантный коммерческий ход. Фокус-покус, оригинальный жанр — способ поднять бренд Трамп на недостижимую высоту, символически связав его с самым известным почтовым адресом в стране — с Белым домом. Знак избранного. Важна не победа, важно паблисити: — уникальная возможность сверкать в софитах, что горят в тысячу солнц.

Беспроегрышная игра.

И тут выпадает джекпот. Остановись, мгновение! Этот момент в казино надо зафиксировать.

Впервые в истории этой страны, во многих отношениях авангардной, высшую политическую позицию занял человек, для которого существо политики — пустой звук. И ничто не помешало. Ни святочная мудрость отцов-основателей. Ни признанные/хвалёные совершенства американской демократии.

Оглушительный дефолт политической системы — в политике победило «политическое антитело». Такое, казалось, невозможно. Между прочим, как и восемью годами раньше, когда в Белом доме появится хозяин с черной кожей — хотя, конечно, совсем по другой причине...

Когда вдруг фокус-покус удался по полной — к его смятению, Трамп не переqualificировался в управдомы. Он не стал государственным деятелем в одночасье — с какой стати? Он затеял новое реалити-шоу на новый сезон в четыре года POTUS.

Смешное словцо сплошь из заглавных букв — аббревиатура President of the United States, Президент Соединённых Штатов.

Ночь, принёсшую ему триумф над Хиллари Клинтон, Трамп поминал на всех своих митингах. «Это была одна из величайших ночей в истории телевидения» — с гордостью заявил он на митинге в Миннеаполисе. Он живёт не в стране, он живёт телевидением.

В Белом доме Трамп вёл себя как ведущий «Apprentice». Одним пальцем в Твиттере каждое утро определял общественную повестку дня, увольнял и назначал министров, убирал неугодных, включая законодателей-республиканцев, которые посмели отклониться от линии, изобличал вредных журналистов, «врагов народа».

Как написала журналистка Мэгги Хаберман, утром он запускал твиты, а днём и вечером отслеживал по телевизору их эффект.

POTUS — невиданное шоу, это точно. Рейтинги противоречивые. Рейтинг общественного удовлетворения от его деятельности на посту обычно находился на уровне 40 процентов, ни разу не поднявшись выше 50-процентной отметки — худший результат в новейшей истории США. При этом в ноябре 2020 за него проголосовали 70 миллионов американцев — лучший результат в новейшей истории США, не считая Байдена. Разница всё объясняет. 70 миллионов — это число зрителей и участников реалити-шоу POTUS — Трамп в Белом доме. 40 процентов — рейтинг реального президентства, и он сильно завышен.

В книге своих Белодомовских мемуаров Джон Болтон пишет: «На протяжении всего моего пребывания в Западном крыле Трамп хотел делать только то, что он хотел делать, основываясь на том, что он знал, и на том, что он считал своими личными интересами». В изображении бывшего советника по национальной безопасности Болтона «неустойчивый», «импульсивный» и «потрясающе неосведомлённый» Трамп мог принимать «иррациональные» решения и «видел заговоры за каждым кустом».

Научился ли Трамп политике? ОК, какой политике?

В Америке, как мы знаем, две политики — politics и policy. Первая — образ поведения на поле власти, способы и приёмы её обретения и удержания. Вторая — искусство и наука решения государственных задач и общественных проблем. На самом деле эти две политики есть везде. Но в англо-саксонском мире это признано на лингвистическом уровне, вот вам два слова, не путайте. В русском понятия изначально не расчленены.

«Мне трудно определить какое-либо важное решение Трампа во время моего пребывания в должности, которое не было продиктовано его расчётами на переизбрание», — пишет Болтон. Он пришёл к выводу, что Трамп «не подходит для должности» и не обладает «компетенцией для выполнения этой работы». Это уже из интервью ABC News. И дальше: «На самом деле (у него) нет никакого руководящего принципа, который я смог бы разглядеть, кроме одного: что хорошо для переизбрания Дональда Трампа».

Так что повторю вопрос: о какой политике идёт речь?

В politics Трамп преуспел сверх всякой меры. В конце концов — это род делячества. Тут его барыжный опыт конвертировался по высшему курсу. С policy всё гораздо сложнее.

«Для Трампа всё — politics, и вся politics носит личный характер», — свидетельствует обозреватель Майкл Герсон. И добавляет: «Несогласие

с его порывами воспринимается как предательство. Инакомыслие — это нелояльность. Президент Соединённых Штатов допускает только то, что подкрепляет его инстинкты».

Очень наглядный авторитаризм — «реалити-шоу авторитаризм».

В действительности для Трампа нет policy. Политика, по существу, со всем её мегагрузом задач, проблем и решений — в его обиходе приложении к politics, её средство, колода разменных карт.

Шедевр жанра — телефонный разговор с президентом Украины Зеленским. США поставят оружие, если и когда Зеленский поставит компромат на Байдена. А «мыльная опера» с северокорейским Кимом Третьим! «Любовный роман». Сексуальные выяснения, у кого ядерная кнопка больше. Шоу на весь мир, ноль отдачи в реальной политике. А что за любовь без отдачи?.. Разорвать ядерное соглашение с Ираном... Выйти из Парижского соглашения по климату. Из Транстихоокеанского партнёрства. Из Договора о ракетах средней и меньшей дальности и Договора по открытому небу. Из ЮНЕСКО, ВОЗа. Каков мачо! И пусть теперь обо всём этом болит голова у Байдена.

И эти свои правила игры: ловкость рук и способность к втиранию очков он навязал американской политике как таковой. Он установил знак равенства между приёмами барыги и политикой. В том числе и международной.

Когда Трамп только появился на политической авансцене в 2016 году, его «МАГическую» бейсболку приняли за шутовской колпак. При этом цену его носителю в истеблишменте республиканской партии знали.

«Этот человек, — говорил сенатор Тед Круз, — патологический лжец. Он не знает разницы между правдой и ложью. Он лжёт практически в каждом слове, которое слетает с его уст».

«Мы на пороге того, что во главе консервативного движения окажется мошенник», — предупреждал сенатор Марко Рубио. Трамп — «самый вульгарный человек, который когда-либо стремился к президентству».

Трудно найти слова сильней. Сенатор Линдси Грэм находил: «Он расовый фанатик, ксенофоб, религиозный фанатик. Он не представляет мою партию».

Следующее четырехлетие эта выдающаяся сенатская троица соревновалась за место как можно ближе к Трампу. Что-то изменилось? Politics заменила policy. Для всего республиканского истеблишмента.

«Партия, которая когда-то стояла за порядок, традиции и мораль, приняла в качестве своего лидера человека, который был преступником, который воплощал беспорядок, непристойность и этику „сила есть право“», — пишет консервативный публицист, бывший спичрайтер трёх республиканских президентов Питер Венер. Он, естественно, диссидент в республиканской партии.

«Одна из двух крупнейших политических партий Америки рассталась с фактами, логикой и демократией, и назад она не вернётся». Это уже колумнист, нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман.

Politics и policy разделяет одна малость — реализм. Policy, во всяком случае здоровая, приносящая плоды политика может быть только в реальном мире. Politics тяготеет к реалисти-шоу. Идеальная среда для politics — альтернативная реальность. Альтернативная реальность складывается из альтернативных фактов. Которых не бывает. Но их можно создать.

Реальность — та, за которой события и факты, в просторечии именуемые твёрдыми, и созданная великим комбинатором, махинатором, манипулятором альтернативная реальность существуют вместе и даже не в параллельных мирах квантовой физики, а в одном политическом поле.

Свою книгу о любимом дядюшке «Слишком много и всё равно недостаточно» Мэри Трамп начинает с описания того, как Дональд собрал родню в Белом доме показать своё новое жилище, но прежде поселил в своей гостинице. Вот это описание.

«Моя комната была не лишена вкуса. Если не считать того, что моей фамилией было облеплено всё вокруг: шампунь Трампа, кондиционер Трампа, шлёпанцы Трампа, шапочка для душа Трампа, крем для обуви Трампа, набор для шитья Трампа, банный халат Трампа. Я открыла холодильник, схватила маленькую бутылочку белого вина Трампа и опрокинула её в своё (трамповское) горло с тем, чтобы оно могло начать своё путешествие по моей (трамповской) кровеносной системе и угодить в центр удовольствия моего мозга (понятно, тоже трамповского)».

Образ идеального мира по Трампу.

Картинка глазами политического наблюдателя несильно и отличается. Марк Фишер из «Вашингтон пост»:

«Привычные ритуалы Вашингтона тонут в ярком сиянии президента Трампа в центре сцены. Пресс-конференции, дипломатические саммиты, отношения с конгрессом, митинги в стиле предвыборной

кампании — публичные аспекты президентства раздуваются до небес, всё ставится с ног на голову, всё превращается в платформу, на которой мастер маркетинга полирует свой бренд.

Самое важное для человека в Овальном кабинете в президентстве — это то, как он выглядит. Он был и должен оставаться единственным центром внимания».

Все победы Трамп безоговорочно приписывает себе. Любые поражения отвергает, он к ним не имеет никакого отношения. Любое поражение он немедленно объявляет победой. Заранее и первым, словно гвоздь вбивает в общественное сознание.

Трамп — торговец успехом. Лучше всего он продавал свой успех. Тот, который есть и которого нет. Дорого продавать успех, которого нет, — вот это настоящее искусство.

Правление Трампа необыкновенно успешно, ибо это — каждодневный хэппенинг. Митинги, энтузиазм, весёлое отчаяние, всё на одной волне. Вечный праздник, который он дарит своим сторонникам. Это реальное созидание альтернативной реальности. С оговоркой, что само понятие реальности отменяется.

Его золотая жила — золотое свечение, которое слепит человеческие души, аура богатства и славы, безотказный культ успеха. А он — аватар всех этих невысказанных желаний и грёз, которые он выпускает на волю. Для него нет никаких препятствий, он может всё. Он сделает несчастных свободными, Америку великой, поставит врагов на колени, а мир на место. Он вернёт то, чего никогда не было. Он сделает Землю снова плоской.

И ведь он выполнил свои обещания. Почти. Отменил ковид. Отменил кризис. Не говоря уже о политкорректности. Нормах. Фактах. Союзнических и прочих международных обязательствах. Отменил климатические изменения.

Он лучший президент за всю историю США — ни тени сомнения. Что бы он ни сделал — мир такого не видывал, он сам объявляет об этом громогласно.

Идеальную картинку портила журналистика. Постоянный свидетель и вездливый рецензент, пресса вела критический счёт его причудливой речи: то — искажение истины, а се неправда, ну а это уж прямая ложь. Что ни день, по несколько раз на дню. На цифре 20000 счётчик, видно, сломался. 20 тысяч лжей за четырехлетний срок в Белом доме!

По-русски слово ложь существует только в единственном числе, но можно сказать: монументальная ложь. Американцы конкретней. Фак-

тический итог президентства Трампа — 20 тысяч лжей. Тоже памятник нерукотворный.

Колочая Барбара Стрейзанд оставила на нём свою метку. В 2018 году она выпустила альбом со стреляющим названием «Не лги мне». «Ты можешь строить башни из бронзы и золота. Ты можешь строить замки в небе. Ты можешь укрыться в дым, кривые зеркала и старые клише... Не лги мне». «Почему ты не можешь просто сказать мне правду?.. Как ты выиграешь, если мы всё проиграем?» Слова из заглавной песни, подстрочник. «Этот альбом, — пояснила певица, — начался с того, что на маленьком клочке бумаги я записала: „Верх — это низ, неправое — право, факты — фейки, друзья — враги“. Этот человек отвергает то, что факты имеют значение, что слова имеют значение. Лжец — недостаточное слово для него. Должно быть более подходящее слово для того, кто лжёт обо всём».

Трамп живёт в альтернативной реальности собственного производства. При этом окружающим он не оставляет альтернативы: они должны быть с ним, в его дивном новом мире. Никаких уступок реальности.

Своё окружение Трамп инструктировал: они «должны думать о каждом президентском дне как об эпизоде телевизионного шоу, в котором он побеждает соперников».

Существование в альтернативной реальности — фантом, производящий реальные последствия. Перемещаясь с митинга на митинг со скоростью звука — Air Force One и собственного, — не вылезая из атмосферы обожания поклонников, он, вполне возможно, уверовал, что климат страны таков.

Помните его эстрадный номер — о Байдене как о «худшем кандидате в истории политики»? И о том, как ему, Трампу, «придётся уехать из страны» в случае исключительно гипотетического проигрыша. Когда выборные счётчики дали другой результат, он, не исключено, даже искренне был потрясён. Впору держать слово, но нет, не такой исход он имел в виду. Спасительный выход — в альтернативной реальности. А он вовсе не проиграл выборы, их у него украли.

Проиграв, остаётся в ампула победителя.

Как случай индивидуальной патологии — чистый анекдот. Но казус похуже, две трети республиканцев были уверены, что выборы у них украли. Синдром помрачения сознания в национальном масштабе. Таков резонанс альтернативной реальности.

Диагноз катастрофический событий 6 января 2021 года ровно таков: гипнотический сеанс, бунт альтернативной реальности. «Прауд бойз» и их вечно готовые к бою братья дождались команды. Но «гордыми мальчиками» ощутили себя все, кто с Эллипса двинул на Капитолий. Эти люди поверили, что они — патриоты из американской хрестоматии, призванные спасти страну.

Эффект в буквальном смысле слова умопомрачительный. В стране, которая меньше всего себя считает тоталитарной, это, наверное, самое поразительное.

Тьмой лжи, вечным митингованием и комикованием, заведомым отказом от норм, ловкостью рук и втиранием очков, он-таки создал альтернативную действительность по своему образу и подобию. В этой альтернативной действительности прописались 70 миллионов голосующих американцев. Результаты голосования тут равнозначны переписи населения. Тех, кто проживает в реальной реальности, оказалось 78 миллионов. На восемь миллионов больше — какая удача!

Аристократия не помогла Америке в преодолении Дональда Трампа. Это сделала демократия.

Вот только уйдя, Трамп остался. Видные фигуры республиканского истеблишмента ездят в Мар-о-Лаго, как в Каноссу, целовать туфлю побеждённого. Массовка предана без лести. Массовка верит ему, потому что верит, что он знает главное про неё — знает её недовольства.

Недовольство — дремучая сила. Зарождается на подсознательном уровне. Вырываясь наружу, переворачивает сознание.

Ничто не бывает так массово, как недовольство. При этом оно глубоко индивидуально.

С того момента, как он сошёл с эскалатора Трамп Тауэр на 5-й авеню, с первой манифестальной фразы про иммигрантов-насилльников и криминальные отбросы из Мексики Трамп знает, как капитализировать недовольства.

Не так давно у республиканцев в моде было словосочетание, которое нынче полностью вышло из употребления — «сочувственный консерватизм». Джордж Буш-младший исходил из того, что республиканцы — партия силы, богатства, успеха, не должна забывать о слабых и нуждающихся. После поражения Ромни на выборах 2012 года национальный комитет республиканской партии подготовил проект решительной реформации. Партия обязана развернуться к женщинам, расовым меньшинствам, к молодёжи, иначе она обречена оставаться в меньшинстве уже по демографическим причинам.

Трамп в 2016 году всё это перечеркнул. Он сделал ровно наоборот. Он поставил на критическую массу белых низов, на взрывную силу их недовольства, страхов и предрассудков. И ведь добился успеха!

Ставка на будущее не состоялась. Лицом нынешняя республиканская партия повёрнута в прошлое.

В Америке хватает поводов вздохнуть по старым добрым временам. Когда Рах был Americana. Когда мужчины работали и хорошо получали даже не за самый квалифицированный труд, а женщины были только матери и жёны, и когда каждое следующее поколение жило лучше предыдущего. И когда «чёрные жизни (не) имели значения». Когда национальные и сексуальные меньшинства были тише воды, ниже травы. Которая, естественно, была зеленой, а уголь белей.

Ностальгическое прошлое — род альтернативной реальности.

Ностальгия звучит почти идиллически, но на дне уязвлённого массового сознания собирается муть и ртуть: расизм, ксено, гомо и иные фобии. Вот уж кто артистически кочегарил этот котёл, так это Трамп. Собственно, в этом и состоит его политическое ноу-хау. Недовольства как средства массового поражения, которые сильно превосходят обычное оружие политических кампаний.

Гложущие души ностальгии, массовые недовольства — суть реакции на разительные исторические перемены. Идеология республиканской партии соткана из этих реакций. Нынешний республиканский консерватизм Трамп не выдумал, но он стал его аватаром и брендом.

Республиканский истеблишмент с облегчением бы избавился от Трампа. Но куда деваться от бренда? И как выиграть выборы 2024 без его ража и антуража!?

Исторический анекдот — в строку. Что общего между политиком и саламандрой? Американцы нашли. В 1812 году законодательное собрание Массачусетса приняло закон о новых границах избирательных округов в штате. Смысл закона был сугубо политический (от politics) — создать максимум преимуществ для правящей в штате партии. Границы с этой целью перечертили так затейливо, что один из округов напоминал саламандру. Этот процесс остроумцы немедленно обозвали «саламандрить». Губернатора штата звали Элбридж Джерри, и он тут же попал в ощиц. «Саламандрить» трансформировалось в «джерримандрить».

Так появился термин «gerrymandering». И практика избирательно-го мухлеза — перечерчивания карт округов как это удобно правящей партии.

Республиканцы не держат монополии на рисование саламандр. Этим творчеством наперегонки занимались обе партии. Но сейчас республиканцы лидируют с большим преимуществом. У них больше возможностей — больше власти на местах. А мотив так силён. «Gerrymandering» — реальный формат создания альтернативной реальности.

2021 год не успел закончиться, как 19 штатов, сплошь республиканские, по данным Центра правосудия Бреннана, приняли 33 закона, которые... затруднят само голосование. Демократам слишком легко досталась победа, кусают себе локти проигравшие. Под шумок — информационный шум об «украденных выборах» — республиканские законодатели на местах объявили войну заочному голосованию, «избыточным» избирательным участкам, «ненужным» почтовым ящикам. Всё это, как известно, демократические каналы для злостных нарушений, которые надо срочно закрыть.

Помните, как Джулиани объявлял голосования целых городских агломераций неправильными? Если новые законы устоят в судах, «неправильные» голоса можно объявлять недействительными на законном основании. Другой формат создания альтернативной реальности.

Несравненным мастером создания альтернативной реальности была святая инквизиция. В преддверии выборов 2022 и 2024 в республиканской партии проходит нечто похожее. Людей с незамутнённым сознанием среди избранных республиканской партии и без того было не слишком много. Как показало голосование по импичменту Трампа, в палате представителей таких нашлось десять. Всех их Трамп предал персональной анафеме, в партии они парии.

Особое чистилище под огненным знаком «Найти альтернативу Раффенспергеру!» учреждено для душ председателей избирательных комиссий штатов. Этот упрямый RINO — «носорог — республиканец только по имени» из Джорджии — как известно, совершил непростительный грех: не нашёл голосов, нужных Трампу. Таким не место в 2024 году. Если и когда в следующий раз Трамп — с этой фамилией или иной — отвергнет результаты президентских выборов, на этом месте должны находиться люди крепкие в святой вере.

Республиканский истеблишмент экстренно готовится к выборам 2024. Создаёт альтернативную реальность вручную.

С Трампом или без.

В 1800 году второй президент США Джон Адамс, баллотируясь на второй срок, проиграл Томасу Джефферсону. Он передал Белый дом (к слову, он был его первым жильцом) победителю и удалился из по-

литики. С тех пор мирная передача власти — незыблемая традиция в США. За 220 лет никто ни разу на неё не посягал. Не пытался удерживать власть. Не требовал отменить выборы. Не старался реформировать Коллегию выборщиков. Трамп тут первый.

Он безусловный, безапелляционный президент. В своей альтернативной реальности. Он ещё не сделал Америку великой. Он не может уйти.

Дамы и господа! Перед вами президент в изгнании и будущий президент Соединённых Штатов Америки! Говорят, что чудес не бывает. Ещё какие! Чудо — старый рекламный трюк.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. ПОКУДА АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО НЕ ПОБЕДИЛА

«**MOSCOW** (*The Borowitz Report*):

In unusually emotional remarks at the Kremlin, the Russian President, Vladimir Putin, said that he „deeply missed“ a former interlocutor.

„I remember one time, in Helsinki, when I told him that I didn’t meddle in the American election, and he obediently repeated what I said,“ Putin recalled. „I knew then and there that I had found a very special interlocutor.“»

«В необычайно эмоциональном выступлении в Кремле президент России Владимир Путин сказал, что он „глубоко скучал“ по бывшему участнику диалога.

„Я помню, как однажды, в Хельсинки, я сказал ему, что не вмешивался в американские выборы, и он послушно повторил то, что я сказал“, — вспоминал Путин. „Тогда и там я понял, что нашёл совершенно особенного участника диалога“».

Так три года назад Энди Боровитц из «Нью-Йоркера» откликнулся на уход Дональда Трампа из Белого дома. Нечто подобное может быть опубликовано нынче в любой день. И это будет не фельетон, а действительно корреспонденция — о радостном ожидании в Москве второго пришествия «very special interlocutor» в Белый дом. Кроме смеха. Всё всерьёз.

Написав книгу «Незаконнорождённый президент», в которой бездна информации о Дональде Трампе, его характере и модусе операнди, амбициях и реальности, и которая событийно кончается январём — февралём 2021 года, я не буду досаждать читателям новыми подробностями. Ограничусь одной символической картинкой.

После поражения Трамп продолжал активно продавать себя публике. Например, выбросив на рынок свои цифровые визитные карточки «ограниченной серии» по девятидесяти девяти долларам за штуку, иллюстрированные его портретами в роли астронавта, шерифа, супергероя. С оригинальным представлением: «Всем привет, это Дональд Трамп, надеюсь, ваш любимый президент всех времён, лучше Линкольна, лучше Вашингтона».

Неважно, что он никогда не был ни астронавтом, ни шерифом, ни супергероем. Ни дня не служил ни в армии, от которой ловко откосил в годы Вьетнама, ни на каком государственном посту. Это не помешало ему стать президентом США. В тот момент это хотелось назвать случайностью, причудой политической фортуны. В действительности же это дефолт системы, которая должна была воздвигнуть преграды на пути этой случайности.

А ещё он лучший и самый любимый президент в истории США. Кто это решил? Он сам. История слишком серьёзное дело, чтобы оставлять её историкам, журналистам, общественному мнению, народной памяти. Он сам себе окончательный арбитр, а заодно и американской политике и всемирной истории. Вот уж абсолютная узурпация власти.

Можете вы назвать в истории США деятеля, который бы позволил себе нечто подобное?

Ну, хорошо, в 2016 году это была «игра на новенького», иллюзион с неизвестным. Сегодня нет в Америке человека, который не знал бы Дональда Трампа. Его послужной список, можно сказать, выбит на скрижалях. Повторюсь. 6 банкротств (для тех, кто полагается на его предпринимательский гений). 3 брака (специально для благочестивых евангелистов). 2 импичмента. 4 уголовных дела: 91 обвинение в диапазоне от подстрекательства и поддержки мятежа до сексуального насилия и налогового мошенничества. В былые времена любая из этих цифирек означала бы немедленную политическую дисквалификацию. А тут сверхкритическая масса, и она нисколько не мешает ему (а то и помогает) в баталии за Белый дом.

Что за чудо? То ли это провал американской системы — никакие рычаги не работают, все сдержки и противовесы вышли из строя... То ли альтернативная реальность победила.

Есть надежда, правда, что пока неокончательно. Спросите Руди Джулиани.

Променяв звание America's Mayor на статус консьюльери («личный адвокат») президента Трампа, он кажется, уверовал, что может всё. И кон-

чил гомерическим банкротством. Свидетельство тому — 148 миллионов долларов, которые он обязан выплатить двум жертвам его «защиты» президентства Трампа по решению суда присяжных в Джорджии.

А началось всё с незатейливого твита.

«СМОТРИТЕ: на видеозаписи из Джорджии видно, как чемоданы, наполненные бюллетенями, достают из-под стола ПОСЛЕ того, как наблюдатели велели работникам избирательных участков покинуть помещение, а 4 человека остались, чтобы продолжить подсчёт голосов».

Каждое слово этого твита Руди Джулиани элементарно выдуманно. И все они потом многократно повторялись на все лады и на всю страну как доказательство того, что у Трампа «украли выборы».

Банальная ложь и клевета? Бери выше! Это большая политика в эпоху Трампа! Джулиани в данном случае длинный язык и alter ego Дональда Трампа. Парадокс в том, что один при этом банкрот, а другой 45-й и возможный 47-й президент США.

Ну а Дональд Трампа нашёл-таки способ дезавуировать предъявленные ему 91 уголовное обвинение. Весьма своеобразный. Ссылкой на Путина. (Алаверды Энди Боровитцу).

«Даже Владимир Путин говорит, что политически мотивированное преследование Байденом своего политического соперника очень хорошо для России, потому что это показывает гнилость американской политической системы, которая не может претендовать на то, чтобы учить других демократии», — сказал Трамп, ссылаясь на одно сентябрьское выступление Путина.

Как и Трампа, Путина часто надо переводить, в том числе на русский язык. Это неблагодарная работа, но в данном случае попробую перевести на язык действительности обоих сразу — в симбиозе.

В передаче Трампа Путин выступает как борец против политически мотивированного преследования политических противников. Очень правдоподобно... Интересно, в России или только в Америке? На самом деле это фигура речи, знак солидарности, который Путин посылает единственному американскому деятелю, с которым он хотел бы иметь дело — Дональду Трампу. Он мастер таких фигур речи. И как мы видим, сигнал дошёл до адресата.

А вот про то, что «Америка прогнила», и что «не Америке учить нас демократии», Путин говорит через день. Разоблачение «так называемого свободного мира» — нынче главный пафос его речей. На самом деле это старая традиция — весь коммунистический агитпроп держался на этом. В пору Горбачёва и Ельцина шквал было поутих, в пу-

тинские времена возродился — с нарастающей силой. Хорошо ли это для России? А что тут может быть хорошего? Правильней сказать, это имманентная черта и потребность тоталитарно-авторитарных режимов — выискивать слабости и пороки демократии и устраивать на них половецкие пляски.

Между тем, в некотором конкретном смысле Путин прав! А что такое отказ Дональда Трампа и половины республиканской партии от признания итогов выборов 2020 года, что такое очевидно лживая (спросите Джулиани) всеамериканская кампания «Stop that steal», что такое все бесчисленные юридически задокументированные фокусы Дональда Трампа как не фиаско американской политической системы!? Их же не Байден придумал. То, что авторитарии всего мира могут спекулировать на этом — полбеды. Беда в том, что американская демократия действительно порой проявляет черты банкротства. К всеобщему огорчению тех, кто хочет в неё верить. В том числе в России.

ОБ АВТОРЕ

Александр Пумпянский — известный советский и российский журналист, редактор, сценарист. Окончил МГИМО.

С 1963 по 1978 год работал в газете «Комсомольская правда». Стал собственным корреспондентом газеты в Нью-Йорке. Был отозван из страны пребывания за статьи, в которых пытался дать объективную картину жизни в США, и вынужден уволиться из редакции. Работал зам. главного редактора газеты «Московские новости», в 1985 году перешёл на аналогичный пост в журнале «Новое время». В августе 1990 года стал главным редактором «Нового времени». С 2007 года — независимый журналист, сотрудничает с «Новой газетой».

Автор ряда публицистических книг сценариев и текстов к ряду документальных фильмов. Награждён дипломом Университета Джонса Хопкинса «За высшие достижения в международной журналистике».

Сравнительно недавно в России увидели свет новые книги Пумпянского: «Звёздный мир Михаила Горбачёва», «Незаконнорождённый президент (Обама. Трамп. Байден)», «Еврей на крыше»...

Павел ВЫШЕБАБА

МАРСИАНЕ

Рассказ украинского писателя и военнослужащего Павла Вышебабы «Марсиане» включили в учебную программу по украинской литературе. Школьники будут изучать его в 7 классе.

В сообщении на Facebook военный вспомнил, как однажды читал текст этого рассказа на творческом вечере в Ужгороде. «Первый командир моей бригады, полковник Юрий Беляков, вышел на сцену с мокрыми глазами и сказал в микрофон: „всё так и было“, — написал автор «Марсиан». Он надеется, что подростков этот текст также впечатлит.

Рассказ «Марсиане» основан на реальных событиях. Автор написал его в начале полномасштабного вторжения россиян в Украину. В тексте говорится о пребывании бригады писателя в Донецкой области, во время которого военные решают переночевать в пустом детсаду, где ещё утром были дети.

Рассказ входит в сборник Павла Вышебабы «Только не пиши мне о войне». Вот перевод на русский.

Мы с бригадой продвигались моей родной Донетчиной в сторону передовой, в подкрепление нашим бойцам, которые уже держали оборону. Ребята из разных уголков Украины впервые видели терриконы и снимали их на телефон.

— Любимая, смотри, мы высадились на Марсе, будем колонизировать. Это идеальная планета, потому что здесь нет русских, — комментировал один из них свою съёмку для жены под гиканье других. Оранжево-рыжие насыпи действительно напоминали марсианские пейзажи.

Солнце уже было на уровне терриконов, а это означало, что нам нужно срочно искать ночлег. Вокруг — поля и дороги с голыми деревь-

На фото — автор

ями по бокам. Ни намёка на лес или посадку, где можно незаметно для вражеских дронов разбить палатки.

Офицеры приняли решение переждать ночь в ближайшем населённом пункте, а на рассвете двинуться дальше.

Заезжаем в село: у части домов выбиты взрывной волной окна, у других — проломленные крыши, у третьих — пожилые люди сажают огород, ладят теплицы. Узнаём у них, что абсолютное большинство жителей уже эвакуировалось.

Заходить к людям во временно брошенные дома — даже мысли не возникает, ищем что-то другое. Часть наших расселяется в крохотной амбулатории, нам же остаётся единственный вариант — детский сад.

На двери находим записку на украинском, как будто написанную именно для нас: «все работники садика эвакуировались, но мы верим, что вернёмся. Если вам нужно переночевать, пожалуйста, не ломайте дверь, ключи спрятаны там-то. Вода включается там-то (потом перекройте)».

Открываем ключом дверь и заходим внутрь. Там молочный запах, маленькие стульчики, мягкие игрушки, манежи и крошечные кровати с белыми простынями. Как будто дети были здесь ещё утром.

Мы с нашей камуфляжной одеждой и грязными бёрцами, с нашим оружием и небритыми лицами выгядим здесь как пришельцы с другой планеты. Теперь уже мы чувствуем себя марсианами, прибывшими на укронную Землю.

Захожу в актовй зал, где стоит фортепиано, на стенах искусственные цветы, розовые ленты и детские рисунки. Харьковчанин Ромчик сидит среди всего этого на стульчике и взялся руками за голову:

— Ребята, вас не накрывает? Меня накрывает! Этого всего не должно быть. Здесь должны играть дети, а не мы — ходить с автоматами. Мы сейчас здесь всё испортим.

У всех подобные Роме ощущения... Первым делом все снимают обувь. Находим пылесос и тряпки для пола и убираем то, что мы уже успели натоптать. Скручиваем ковры, складываем в сторону игрушки и бельё, чтобы вдруг ничего не вымазать.

В памяти навсегда отражается такая картина. Я сделал свою часть работы и играю ребятам на фортепиано случайный саундтрек к этому сюрреалистическому действию. Под музыку кипит работа — кто-то складывает пылесос, кто-то замечает, кто-то несёт тазик с тряпкой, другой подбирает на подоконник шторы, ещё один скручивает ковры. Финальный аккорд — и мы раскладываем спальники под нарисованным очагом папы Карло.

Эти стены, привыкшие к тихому детскому посапыванию, вскоре начинают аж вздрагивать от мужского храпа всех возможных тоналностей.

Помню, прежде чем провалился в сон, подумалось, что за этим нарисованным очагом на стене может быть дверь в один из вариантов мультивселенной, в котором на этом полу не спят военные с автоматами под головой, а учат очередной танец дети, готовясь к «Празднику Весны».

Мы не успели оставить записку-ответ и пожалели. Но если бы смогли, написали бы такое: «Дорогие дети, к вам прилетали марсиане. Извините, что по опрометчивости сломали один подоконник, среди наших марсианских инструментов не было таких, чтобы починить. Всё остальное убрали, как для своих детей. Если вы читаете это, значит, на Земле закончилась война и мы вернулись на Марс. Мечтаем залететь к вам в гости на концерт в актовом зале, так что готовьтесь хорошо!».

Михаил КОВСАН
ПРОСТИ, ИВАН

В КОНТЕКСТЕ БЕЗУМИЯ

МОЛОХ ПРОЖОРЛИВ, ЕМУ ПЛОТЬ СЛАДКА

Сеанс закончен. В сонной синеве
Восходят запоздало клубы дыма,
Возносят приношение, в огне
Восходят жертвы ввысь неустойчиво.

Молох прожорлив, ему плоть сладка
Солдатская, безмерно молодая,
На грёзы падкая и на ногу легка,
Восходит дымом, в небе пропадая.

Ей бы не в небе — на земле пропасть,
Лицом к лицу, плоть к плоти припадая,
Ничком и навзничь сообща упасть,
Не думая о дыме, не гадая.

Под ними воды Борисфен струит,
Горят над ними вечные Стожары,
Единая меж ними плоть парит,
И неразумные хранят полёт хазары.

ЖИТЬ ПО ЗАКОНАМ ХАММУРАПИ

Жить по законам Хаммурапи или кого-то ещё,
Главное — не по понятиям сраму не имущего,
но, увы, ещё не мёртвого быдла,
Не закусывать же тёплую водку холодным борщом,
И многое в запиканных многоточиях прочее,
что вусмерть обрыдло.

Стихами не рыдать с толпой в унисон,
Не рвать рубаху на груди, подражая
Генералам, их на три буквы сослать в отдалённейший гарнизон,
Перестать на баб уповать, что ещё бойцов нарожают.

Те всё равно будут рожать, сколько хотят,
Конечно, если случатся им эти три буквы,
А иначе молоком будут до смерти поить слепых и глупых котят
И кисель варить из свежемороженой клюквы.

Её нынче на все буквы, как точных рифм, хоть отбавляй,
Знак нехороший: стихов будет пропасть, но жрать будет нечего,
Так что давай, барахло собирай,
чеши отсюда со сводней-просодией, короче, валяй,
Ведь варят уже из протухшего, всё пересолено и переперчено.

Эту рыгаловку давно надо закрыть,
Поваров-поварят разогнать, а шефа на поварёшке повесить,
Или живьём в песочке по горло зарыть.
Помните? А потом в пустыне, пока не убьют, куролесить.

А что прикажете делать ещё?
Если другое не пляшет, а протухшее вусмерть обрыдло?
Не закусывать же тёплую водку холодным борщом
Под надзором сраму не имущего, но, увы, ещё не мёртвого быдла.

НЕРАЗЛИЧИМО ВДАЛЕКЕ

Неразлично вдалеке,
Земно к закату припадая,
Вдвоём, лишь с тенью, налегке
Я исчезаю, пропадаю.

Устало к пропасти припасть,
Точнее к краю, дня краюху
Притырить, унести, украсть
У духоты для духа вьюгу,

Для бодрости, чтоб прорасти
Сквозь слой безумия кровавый,
Завалы трупов разгрести
В надежде и добра, и славы.

Холмы над ними возвести,
И — тризна дымным коромыслом,
И — память унести в горсти,
О вечном мире горько мысля.

Хоть бы не зло и не позор,
Подешевело всё, надежды
Не исключение, Босфор —
Пролив турецкий, как и прежде.

А в остальном всё суета,
О, матушка-императрица,
Туда-сюда снуют суда,
И вширь и ввысь растёт столица.

По-прежнему в чести ворьё,
Вот только очень поглупело,
Клюками ворошит старьё
И голосит. Такое дело,

Что хочется одно — пропасть,
О славе и добре не думать,
И к смерти, примостясь, припасть,
Чтобы сквозь дуло жизнь не дула.

ЦЕЛЕБНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ПЛОТИ

Целебные движенья плоти,
Звуки, ласкающие слух,
Глаза огромные напротив
И возносящий тело дух —

Всё длится, длится, длится, длится,
Всё глубже, громче, всё сильней,
Всё ближе, ближе, ближе лица
И неродная плоть родней.

Граница тел неразличима,
Сильней слиянности восторг,
Вовек болезнь неизлечима
И нескончаема, как торг —

Рядом с судьбой гремит цветасто,
Дурманами заморозив,
Славя скуласто и горласто:
Жизнь нескончаема, ты жив!

Глаза огромные напротив
И возносящий тело дух,
Целебные движенья плоти,
Звуки, ласкающие слух.

И БУДЕТ ИМ... КУРЬЁЗ

Слепых язычников слепой
Вожак и поводырь,
Тупого скотства скот тупой,
Пахан и Мойдодыр

Во славу скотного двора
Пел песни натошак,
И радовалась детвора:
«Заливисто! Нищак!»

Весь день клевали корм скоты
И пили — что нальют,
И по двору туды-сюды
Шагали, на салют

Глядели, головы задрав,
Гадая: в честь чего,
Благословляя мудрый нрав
Начальника всего

На свете белом, от зверья
До малости малой,
От очень крупного ворья
До мелочи какой.

Жили-жевали до тех пор,
Пока не грянул гром,
И поражённый главный вор
Не гикнулся. Багром

Его поддели поутру,
Швырнули труп в навоз,
Шептали тихо: «К топору,
И будет им... курьёз».

ДРУГОЙ ВЫ ОЖИДАЛИ ПРИГОВОР?

Идёт поэт, роня семя оземь,
Идёт-бредёт безумец и святой,
И Бог за ним подглядывает в прорезь
Жестоких туч нелепости густой.

На что Ему безумный путник бледный,
Тем более не конный, пеш и тих,
Не царь и не король, не принц наследный,
Бедный поэт шутов без и шутих?

На что, почто — какое дело наше?
Кто мы, чтоб замысел Господень разгадать?
По пепелищу шествует весь в саже,
Наивно мысля: сеет благодать.

Может, и сеет, но на пепелище
Взойдёт лишь прах и пепел, боль и гарь,
Из дури — дурь, из крови — лишь кровище,
О чём толкует юный пономарь,

Оставшийся один за всё в ответе:
Убит священник, умер в муках дьяк,
Черным-черно — звонит — на белом свете,
Ужас и тьма, безумие и мрак.

Поэт и Бог? Они во тьме исчезли,
У них о вечности неспешный разговор,
Явили слово — и врата отверзли.
Другой вы ожидали приговор?

ПОКУДА ЧУДОВИЩЕ ГЕРОЙ НЕ УБЬЁТ

Реки не воды— кровь реки несут,
Дроги, как водится, трупы везут
Не по степи — но по звёздному небу,
Хоть и звучит это страшно нелепо.

Но не нелепей, чем тьма городов,
Но не ужасней стенания вдов,
Но не безмерней, чем мщения страсть,
Но не кровавей, чем отверстая пасть:

Плотью нажралась и боле невмочь,
Сытость кровавую не превозмочь.
Заныкать назавтра? Зачем? Ни к чему!
Кровавая сытость не на кону!

Пока жив безумец, глухой и слепой,
Бойне кровавой не объявят отбой,
Кровь льётся и пьётся — всяк её пьёт,
Покуда чудовище герой не убьёт.

ГЛОДАЕТ ГОЛОД ГОЛЫЕ ГОДА

Глодает голод голые года,
Голь городскую годы горько гложет,
Безумствует бездушная беда,
Кружит, корёжа, и, кружа, корёжит.

Война и голод, голод и война,
Брат и сестра, кровавый пыл умерьте,
Кровавы ангелы, пьяны не от вина,
Не жизни ангелы, не бытия — но смерти.

И БЫЛ ГЛАС СОВЕСТИ ГУГНИВ

Во глубине, о нет, не руд,
Степей, холмов и междуречий,
Во глубине родных наречий
Творите вы неправый суд!

Ваш сумасшедший судия,
Облѣкшись в мантию пророка,
По воле дьявольского рока
Вас зашвырнул сюда, гудя,

Шли танки пьяною толпой,
По топкости земной кочуя,
И, в дохлой тучности ночуя,
Шли человечешки гурьбой,
Чтоб, дух от плоти отделив,
Тела снаряды расчленили,

Слова последние линияли,
И губы цветом спелых слив
Лиц белоснежность оттеняли,
И звёзды слёзы не роняли,
И был глас совести гугнив.

Во глубине, о нет, не руд,
Во глубине бесчестной брани,
До смерти мёртвые, заране,
Творили вы неправый суд!

ВОЙНУ СНИМАЕТ МАЛЬЧИК ИЗ ОКНА

Войну снимает мальчик из окна,
Бесстыжую, безбашенную шлюху,
Снимает руки, ноги и дома,
О чьих жильцах ни слуху и не духу.

Долог ли, короток, не кроток его фильм,
Но с каждым кадром жутче и жесточе,
Отсутствует на объективе фильтр,
Жизнь делающий хоть на йоту кротче.

Снимает он дрожащею рукой,
Под окнами другими папа гибнет,
Мальчик всю жизнь не обретёт покой,
К его судьбе месть навсегда прилипнет.

ЯЗЫК ВОЙНЫ ЗЕЛО МУЖИКОВАТ

Язык войны зело мужиковат,
На тропы не богат, точнее беден,
Не слишком чист, неряшлив, мешковат,
Хотя румян, сказать точней, не бледен.

Он сам себя от гнусности хранит,
Он сам себя от грязи отмывает,
Он твёрд и непреклонен, как гранит,
Сентиментально ласковым бывает.

Он эротичен, словно юный паж,
К груди мадонны ревностно склонённый,
Он казановен, ухватив кураж,
И, вообще, он как пирог слоённый.

Казалось бы, ничем не отличим
От мирного, но это заблужденье,
Неистовый — из жизни он гоним,
Сгорающий от внутреннего жженья.

Не слишком чист, неряшлив, мешковат,
На тропы не богат, точнее беден,
Язык войны зело мужиковат,
Хотя румян, сказать точней, не бледен.

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ — С НЕЙ ЖИЗНЬ ВСЮ ЖИТЬ

Взвалив на плечи, дотащить судьбу
До места, где осколком не заденет,
Где парка нить в неё покрепче вденет,
Чтоб вынести с самой собой борьбу

Под солнцем, под звездой, под луной,
Под властью сумасшедшего тирана,
Бой с искушением самообмана
Ради себя, единственной, одной,

Дарованной. Ты волен не тащить,
Оставить всё как есть, и будь что будет,
Плевать, что скажут люди, не убудет
От петуха, попавшего в ошип.

Ощипанному встать и дотащить,
Как бы кому-то уболтать не тщиться,

Встать и взвалить, идти и дотащиться,
Не поле перейти — с ней жизнь всю жить.

С КЕМ ХАРОНА СВЕСТИ, КОГДА МНЕ СЛУЧИТСЯ?

Точность рифмы — как скользкая точность судьбы,
Словно точность слепая бесстыжего рока,
Неизбежная тщетность о мире мольбы,
Как гаданье на мёртвых о жизненных сроках.

Всемогущая дерзкой рукою ведёт,
Как судьбу, твоё слово сквозь ушко продевает,
Подведёт к краю бездны, укажет — и вот,
Ни вперёд, ни назад, жизнь на миг продлевая.

Может, раб стихотворный уже отработал ресурс,
Не годится совсем для перенастройки,
Чего доброго, защитится как скунс,
Аромат ещё тот, и очень уж стойкий.

Делать стойку на рифму — врождённый инстинкт,
От него даже прозой не излечиться.
Может, рифму пропустим, или всё-таки Стикс?
С кем Харона свести, когда мне случится?

ПРОСТИ, ИВАН, МОЙ ВРАЖЕСКИЙ ЯЗЫК

Прости, Иван, мой вражеский язык,
Я на ином стихи писать не смею,
Сказать точнее, просто не умею,
Пытался — получался волчий рык.

Нет, не сбросить мне шубу сибирских степей,
Не занывать себя в ледовитый рукав,
Но не волк я, не волк я по крови своей,
Хоть на плечи мне кинулся век-волкодав.

А НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ

А на войне, как на войне:
Небо в дыму, земля в огне,

Вольная воля, смех и грех,
Война не время для потех.

Война, ваще, ни для чего,
Она — сплошное мочево,
Война для тех, кто затевал,
Им бы и падать наповал.

Здесь всё по морде, всё под дых,
Не до красот, до речевых,
Тем бы не жить, не затевать,
Самим с собою воевать.

ОБ АВТОРЕ

Михаил Ковсан родился и вырос в Киеве. Закончил филологический факультет Киевского педагогического института. Был старшим научным сотрудником музея Книги и книгопечатания УССР, заведовал отделом Киевского музея А. С. Пушкина.

В 1991 г. репатрировался в Израиль. Живёт в Иерусалиме.

Окончил институт имени Соломона Шехтера (филиал Еврейской Теологической семинарии, США) по специальности исследователь иудаизма и получил звание раввина.

Автор комментированного перевода ТАНАХа на русский язык, ряда книг по иудаизму и литературоведческих статей (русская литература, теория литературы). Прозаик, поэт. Автор многочисленных публикаций в бумажных и электронных журналах, нескольких книг прозы и поэтических сборников.

Постоянный автор журнала «Времена».

Нина ГЕЙДЭ

В ЯНТАРЕ ПАМЯТИ

Что я помню о том далёком времени? Преувеличенность жизни до бессмертия. Мне восемнадцать. Я в Киеве. Я влюблена в этот город и в своего спутника, и эта двойная влюблённость сводит с ума. Все чувства обострены до предела. Многоцветие впечатлений. Густая жара на Крещатике. Счастливое южное солнце, расплавляющее нас в своей янтарной нежности, отдающее памяти в вечное пользование прозрачный слепок с того легкокрылого, юного, летнего дня. Украина укрывает нас покоем, одаривает неторопливым уютом.

Я уже была в Мариуполе — городе, навсегда оставшемся в подростковом возрасте — любящем морскую переменчивость, разноцветные лодки, цветастые платья. А в Киеве я первый раз. Зачитываясь Булгаковым, давно хотела приехать к нему на родину, в сердце Украины. А в моём сердце эта земля была уже с раннего детства. Мама часто пела мне украинские песни. Украина влилась в моё сердце песенной рекой, став неотъемлемой частью бытийных первооткрытий. Я сразу полюбила украинский язык. Русский был языком ежедневным, обыденным, бытовым, заезженным, как рабочая лошадка. А украинский — особенным, небудничным, щемяще проникновенным. Он возвещал об ином, сокровенном смысле жизни, в котором радость и печаль удивительным образом сосуществовали.

Мама родилась за несколько лет до Второй мировой, хлебнула горя, потеряла родителей. Ужас войны был растворён в каждой её клетке. Нося меня под сердцем, она передала мне генетическую память искалеченного войной поколения. До самой смерти повторяла: «Всё правильно, только бы не война...» Я изначально знаю, что наивысшая ценность на Земле — человеческая жизнь. А тяжелейшее преступление — убийство. Мама умерла за два года до первой бомбёжки Киева 24 февраля 2022 года. Я рада, что она никогда не узнает об этой войне и о том, что Мариуполя больше нет. Но я это знаю и знаю ещё многое

из того, что заставляет увидеть мир другими глазами, попав в камеру обскура нового века, ничему не научившегося у своего кровавого предшественника.

В Датском королевстве теперь повсюду слышна русская и украинская речь. Тысячи беженцев пытаются начать здесь — нет, не новую жизнь — просто жизнь. Новой жизни уже не будет никогда. Её трудно начать не по собственной воле. И невозможно начать с раненой душой. Расселить всех по социальным квартирам миниатюрная страна не в состоянии, поэтому в Дании в спешном порядке открываются центры временного проживания украинских беженцев. Я работаю в одном из них. Моя жизнь тоже необратимо изменилась, глубокая трещина разделила реальность на до и после войны. Война проходит через моё сердце, смешивая песенную реку украинского языка с обломками навсегда утраченного прошлого, с отчаянием, ужасом, беспомощностью, стыдом.

Война рядом со мной, её гарью пропитан каждый мой день, потому что пятьсот беженцев в этом огромном, безликом общежитии, похожем на шумный улей, прежде всего обращаются к тем, кто может поговорить с ними на родном языке. А таких людей в администрации очень мало. Я каждый день решаю бытовые проблемы украинцев, помогаю с переводом документов, налаживаю контакты с официальными организациями, волонтерами. Но беженцы приходят ко мне не только за этим. Им необходимо почувствовать почву под ногами в чужой стране, примирить прошлое с настоящим, определить контуры будущего, а главное — с кем-то разделить пережитое. И я разговариваю с ними, невзирая на неудовольствие датского начальства, эмоционально далёкого от происходящего. Я хочу понять, как могло случиться то, что случилось, как может происходить то, что происходит. Как может страна с живой генетической памятью о миллионах пострадавших от фашизма хладнокровно уничтожать соседнюю страну, вместе с которой она этот фашизм победила? Это всё равно, что вести на расстрел свою семью, которая сама хочет решать, как ей жить.

— Миша, Люда, идёмте обедать, — зовёт своих детей беженка из Волновахи Ирина. У неё была большая семья — муж и четверо детей: Миша, Люда и трёхлетние близнецы Виталик и Валерик. Война хорошо знает науку вычитания и деления. Половина семьи погибла под обстрелом Волновахи, когда от Иринино дома за несколько минут остались одни развалины. Она показывала мне довоенную фотографию дома с большим ухоженным садом, с бытовыми пристройками,

сапожной мастерской мужа, к которому приходил весь город чинить обувь. И ещё — фотографию всей семьи за месяц до трагедии. Я не могу смотреть на эти фотографии, я не могу говорить о случившемся, потому что для этого не существует подходящих слов, я не могу смотреть в глаза этой женщине — заглядывать из своего благополучия в её ад. Но и не делать этого я не могу. Ирина приглашает меня пить чай в свою крошечную восьмиметровую комнатку, куда с трудом уместилась двухъярусная кровать: внизу валетом спят Миша и Люда, а наверху — Ирина.

— Надо жить ради детей, оставшихся в живых. Может быть, когда-нибудь удастся съездить на могилу к мужу и мальчикам, перезахоронить по-человечески. Всё было как в бреду, наспех, надо было уезжать. Знаете, мы же чудом выехали. Вещей с собой не взяли, не успели, только документы. Автобус, который ехал за нами, расстреляли. А мы вот проскочили... Я вот ещё о чём попросить хотела. Вы не договоритесь, чтобы нам, наконец, окно починили? Зимой был сквозняк, окно не закрывалось, пришли, заколотили его, а теперь жара, дышать нечем.

Валентина — беженка из Днепра. Она уже несколько месяцев ждёт вестей о сыне, пропавшем без вести. В Украине остались его жена и двухлетняя дочь. Они не захотели уезжать.

— Невестка говорит, что будет ждать Петра дома, уверена, что он вернётся. А мой второй сын Иван воюет, был ранен, а после госпиталя сразу вернулся на фронт. Душа изболелась за моих мальчиков. Проклятая война.

Марина жила в Новой Каховке. После взрыва Каховской ГЭС её дом затопило, и только благодаря соседу, у которого была лодка, она и её сын-подросток спаслись. Долго добирались до Дании. Не было ни денег, ни документов. Помогали гуманитарные организации, волонтеры в разных странах.

— Мы рады, конечно, что живы, что смогли уехать, — рассказывает Марина. — Всё могло быть по-другому. Когда плыли, видели трупы людей, они качались на воде совсем близко от нас, я ещё удивилась, почему не тонут. Страшно было очень, казалось, что вижу кошмар и надо скорее проснуться, но проснуться не получалось. Сейчас всё это позади. Живы, есть всё самое необходимое. Но никак не привыкнем жить вдвоём в маленькой комнатке. У сына переходный возраст, да и всё пережитое тяжело действует на нас обоих. Часто ссоримся. В Новой Каховке у него была своя комната, друзья в гости приходили, сейчас со многими из них нет связи. У нас вообще дом был большой, красивый,

мой муж его своими руками построил. Убило его в первые дни войны. Мне жалко очень, что нет больше наших свадебных фотографий, вообще жалко пропавшего семейного альбома. У меня дед всю Вторую мировую прошёл. Знал бы он, что сейчас происходит...

Ольга — из Бучи. Она не спит уже больше года. Оккупанты изнасиловали и убили её подругу, расстреляли соседей. Ольга живёт на тяжёлых антидепрессантах, живёт с трудом, через силу. Два раза в неделю у неё сеансы с психологом, несколько раз я была её переводчиком. Единственная радость этой женщины в том, что у неё не может быть детей.

— Господь отвёл, — в который раз повторяет Ольга. — А то бы оккупанты насильовали мою дочь на моих глазах. И снова вспоминает, чему была свидетельницей:

— Когда эти звери ушли, мы стали свободно заходить в дома, проверять, кто жив, кто убит. В одном сарае я увидела сложенные штабелями тела женщин и девочек со следами побоев. Они лежали, как дрова, одна на другой. Некоторых я знала...

...Мне тоже кажется, что я сплю, вижу страшный сон и не могу проснуться. Я знаю, что уже никогда не вернусь в своё счастливое прошлое. Знаю, что ничего уже не исправить, потому что война — случилась. Я никогда столько не плакала в своей жизни, как сейчас. Часто плачу вместе с женщинами в нашем центре, слушая их истории — веду себя не совсем профессионально. Но не могу по-другому. Работа с беженцами, действительно, выходит для меня за рамки служебных обязанностей, потому что война в Украине — это моя личная трагедия, и я уже много месяцев существую в режиме «последняя перегрузка». Я боюсь сойти с ума, слушая рассказы о войне, а если бы я оказалась там? Если бы ждала с войны своего единственного сына, не забывая ни на секунду о том, что могу его потерять, что, может быть, уже потеряла, и чёрная весть вот-вот постучится в дом? Если бы сидела под бомбами в подвале дома в Мариуполе с ребёнком, умирающим от обезвоживания, экономя каждую каплю воды из ржавой батареи? Что бы я чувствовала тогда?

Нет ответов на мои вопросы, потому что они абстрактны, а значит, всё-таки условны. Страдания украинских женщин, всей Украины сейчас — безусловны, реальны, непостижимы для других. Это нечеловеческие страдания, потому что война мгновенно выносит взрывной волной за границы мирного бытия — туда, где привычная система мировосприятия разрушается так же быстро, как стены родного дома. Спешно похоронив близкого человека в братской могиле во дворе взо-

рванного дома, увидев своего ребёнка с оторванными конечностями, получив весть о гибели мужа или сына, невозможно вернуться в обычную жизнь, в её естественное мирное течение. Не помогут ни переезд в другую страну, ни беседы с психологом. Война убивает не только физически. Сухие цифры не отражают реальную картину военных смертей. Многие оставшиеся в живых — мертвы морально, даже если они стараются этого не показывать

Я каждый день встречаю женщин с невидящими глазами, с окаменевшими лицами-масками. И не нахожу слов утешения. Таких слов не существует — война выталкивает за границы языка, нарушая его естество. Словарь войны, смерти, жестокости — противоестественен. Язык по сути своей человечен: он поводырь жизни, любви, созидания, ежедневных мирных забот. Слово — это Бог. Война — ад. Как говорить о войне? С какими словами обращаться к тем, кто вынес непереносимое, кто пережил непереживаемое?

Недавно, как на ржавый гвоздь, напоролась на комментарий: «Почему эти украинцы жалуются? Ведь так рвались в Европу. Война им только помогла достичь заветной цели. И всё им теперь подносят на блюдечке с золотой каёмочкой. И бассейн бесплатно...» Поймала себя на том, что во мне появилось чувство, которого раньше не было никогда: ненависть. Это тоже тяжёлое последствие войны — начинаешь ненавидеть не только военных преступников и убийц, но и тех, кто позволяет себе циничные высказывания о происходящем. После начала войны мир поделился для меня на людей и нелюдей — существ, внешне похожих на человека, но нравственно не имеющих с человеком ничего общего. Теперь я смотрю вокруг и гадаю, кто передо мной: человек или его подобие? Знакомясь с кем-то, обязательно спрашиваю об отношении к войне в Украине. Иначе не получается.

Всегда отличалась многокрасочностью мировосприятия. Но в отношении войны не признаю «многоцветия». Коробят промежуточные тона и оттенки — «с одной стороны, а с другой стороны, есть разные правды, всё неоднозначно...» Да однозначно всё. Просто и страшно однозначно. На этой почве прервала отношения с некоторыми бывшими знакомыми, впавшими в политический импрессионизм. Ибо разных правд нет. Есть христианская заповедь: «Не убий». Есть война и военные преступления. Есть вещи в мире, которые просты и неоспоримы, свободны от противоречий, прозрачны, как слеза ребёнка, ярки в чудовищной очевидности, как кровь невинно убиенных.

В переполненном общежитии для беженцев мало места. Для детей нет игровых комнат — они носятся друг за другом в узком коридоре, галдят, что опять-таки вызывает неудовольствие начальства: не положено. Нет игровой площадки и во дворе нашего центра, изначально не приспособленного для жилья. Ещё недавно здесь размещалась какая-то организация, потом выехала, здание предназначалось под снос, а тут война, беженцы, потоком хлынувшие из Украины. Пришлось в срочном порядке превращать конторы в жилые комнаты, оборудовать кухни, сооружать в подвалах душевые. Только беженцам тяжело туда спускаться — для многих это болезненный триггер: уже насиделись под землёй. Новый год с петардами и салютами тоже стал испытанием — у многих начались панические атаки. Пока Копенгаген гулял и праздновал, «скорые» ездили к нам всю ночь.

Украинские дети хотят домой. Им в Дании неуютно — здесь всё чужое и язык непонятный. Они скучают по оставленным друзьям, по своим игрушкам, книжкам на родном языке, привычной обстановке, деревьям за окном, любимому коту, которого не удалось взять с собой. Но они дети, и они продолжают играть и находить в жизни что-то интересное. Они начинают ходить в датскую школу, учить трудный датский язык. Но какое будущее их ждёт? Останутся ли они навсегда в этой маленькой, холодной скандинавской стране или вернутся домой, в Украину? Война выхватила их своим чёрным сачком, как золотых рыбок, из привычной среды и запустила в аквариум эмиграции. Хватит ли им воздуха, упорства, жизненной силы и стойкости выжить в чужой культуре? Смогут ли они склеить две половинки своей жизни — украинскую и датскую — так, чтобы трещина была не очень заметна? На этот вопрос тоже нет ответа, как и на многие другие.

Я прошу беженцев говорить со мной на украинском. Я, как и в детстве, всё понимаю по-украински, но говорю ещё не очень складно. Но я научусь. Мне по-прежнему очень нравится этот язык. Только теперь это не песенный язык любви — это язык боли, мужества и ненависти к врагу. И к тем, кто самонадеянно решил, что может поставить перед собой мольберт бытия, открыть многоцветную палитру субъективных толкований и малевать свои маленькие уродливые «правды».

Что я знаю о времени сейчас? Обесценивание жизни до привычности смерти, до привыкания к тому, что каждый день в Украине от российских бомб и снарядов умирают мужчины, женщины, дети с такими же именами, как в России. Многие из них были русскоговорящими и, возможно, перед смертью звали жену, мужа, маму по-русски... Киев

сегодня — сердце страны, которая на глазах у всего мира истекает кровью, и ограниченной помощи недостаточно, чтобы победить абсолютное зло, расчеловечивающее мир. Наблюдать за этим — мучительно, привыкать к этому — безнравственно. Но у меня, как и у других, нет ясного ответа на вопрос, как остановить это военное преступление, как избежать стремительного прироста цифр убитых и покалеченных в этой бойне? Не зная ответа на главный вопрос — когда же кончится эта варварская война? — невозможно жить прежней жизнью. Много потеряло смысл. Трудно погружаться в ежедневные дела и заботы, находить вдохновение для творчества, радоваться солнцу, пению птиц, цветению садов. Я слишком хорошо знаю, как выглядят разрушенные дома и сгоревшие сады Украины с разорёнными птичьими гнёздами, как выглядят останки Мариуполя, Марики, где я провела столько счастливых дней в детстве, во что превращается смех убитых в Украине детей — в град пуль, каждый день заново изрешечивающих сердца матерей.

Знала бы я тогда, в Киеве моей любви, моей юности, моего очарования жизнью, что несколько десятилетий спустя я буду слушать рассказы украинцев, против которых Россия развязала агрессивную войну, и оказывать им гуманитарную помощь в одной из европейских стран, куда занёс меня ветер перемен, недолго, впрочем, освежавший мою бывшую Родину. Всё вернулось на круги своя — к диктатуре, насилию, гражданскому бесправию. Страна-агрессор хладнокровно бросает в топку войны и своих молодых мужчин, русские жёны и матери получают извещения о гибели родных и тоже выплакивают свою боль, свою собственную преждевременную смерть, а языческий бог войны Арес, не знакомый с христианскими заповедями, требует новых жертв.

Река времени перенесла челнок моей судьбы в новую перевёрнутую реальность, где души людей заражены вирусами лжи, где зло и добро переставлены местами — в реальность, с которой я не могу ни сжиться, ни смириться, но и разойтись с которой не могу. Единственное, что сейчас в моей власти — не привыкать к абсолютному злу, не признавать будничности, обыденности войны, не терять в себе человека и ту нравственную систему ценностей, которая уже более двух тысячелетий не позволяет нам пересекать границы моральных заповедей.

А ещё очень важно надеяться на то, что придёт победа, что флаг Украины будет водружён над поверженным злом, что грянет Суд Божеский и человеческий над преступниками. И я снова приеду

в Киев — обожжённый войной, но всё так же обожаемый, выстоявший, ставший сильнее и ещё прекраснее. Я приеду в этот город со своим взрослым сыном и поклонюсь всем воинам, мёртвым и живым, которые подарили Украине вторую жизнь, а мне — радость возвращения в юность. Я возьму с собой тот старинный солнечный янтарь, с частичей моей души, который память бережно хранила все эти годы, и брошу в Днепр с надеждой на то, что буду ещё не раз возвращаться в этот вечный город.

ОБ АВТОРЕ

Нина Гейдэ родилась в Москве, окончила факультет журналистики МГУ им. Ломоносова, защищала диплом на кафедре литературной критики. В 1994 году переехала в Данию.

Занималась радиожурналистикой, возглавляла Русское общество в Дании. Основатель первого в Скандинавии русскоязычного журнала «Берег» (ныне — «Новый Берег»). Председатель Европейского творческого союза «Огниво», созданного в Копенгагене с целью объединения творческих людей независимо от национальности.

Писатель, журналист, литературный критик, переводчик с датского. Автор пяти сборников стихотворений, лирической прозы и переводов датской поэзии: «Тень незабудки», «Билет на „Титаник“», «Чёрный махаон», «Флорентийские полдни», «Беглый луч». Статьи, проза и стихи, включая переводы датской поэзии, публиковались в разных российских и зарубежных журналах и коллективных сборниках.

Лауреат международных литературных конкурсов «Под небом Балтики — 2013» (поэзия), «Русский стиль — 2014» (поэзия), Епархиального литературного конкурса «Преображение» (Тула, 2015, поэзия).

Член Международной ассоциации писателей и публицистов, Европейского конгресса литераторов и Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Живёт в Копенгагене.

Валерий БОЧКОВ
ВИСТА БЕЛЛА

Тихие — они самые опасные. Так сказали мне, когда брали на работу. Почему — спросил я. Лично мне наоборот нравится тишина, а вот шум я ненавижу. Не выношу любой шум, так что шумные мне лично гораздо противней. Ещё я ненавижу яблоки, особенно красные. Но это к делу не относится.

Ладно, сказали они, просто будь начеку.

Начеку? Что ты, дура, знаешь про «быть начеку»? Я всегда начеку, даже когда сплю! Дура!

Ничего этого, разумеется, мной произнесено не было. Мне нужна была работа. Меня спросили насчёт ночных смен. И ещё — могу ли я успокоить человека. Уточните, — не понял я. Она: пациент может нервничать и его необходимо успокоить. Физически.

Физически?

Да, применить силу.

Это можно, — уклончиво согласился я. По личному опыту степень физического успокоения человека может быть от подзатыльника до контрольного выстрела в голову. Об этой градации тоже не стоило говорить тут. Повторяю, мне нужна работа.

1

Я ненавижу шум. Слишком много шума было в Малешках. Поэтому я люблю, когда тихо. Катька сказала — ты всё время молчишь. Ты ничего не рассказываешь. Ты стал такой тихий.

— Что рассказывать? Как было в Малешках?

— Что такое Малешки?

— Понятия не имею. Но я там был.

Когда Катька сердится, она повышает голос. Я ей говорю — не повышай голос. Я не повышаю, — орёт она в ответ. Тебя вечно нет! Что это за работа — три ночи в неделю? Три ночи в неделю тебя нет дома! Неужели другой работы нет? Сторож в психушке!

— Дежурный ночных смен, — спокойно возражаю я. Не повышая голос.

— А когда ты тут, тебя всё равно что нет. Сидишь и молчишь! Что ты есть, что тебя нет!

Тут она права, тут мне нечем крыть, и я не спорю. Меня нет — иногда мне кажется, что этот вариант был бы наилучшим. Прошлым мартом мы расписались, было бы глупо потерять контрактные. Я отдал деньги Катьке, она пришла меня провожать в новом красном платье — сказала, итальянское. Красивое платье, только яркое очень. Сейчас, когда она его надевает, у меня начинает шуметь в ушах. Шуметь и звенеть — такой невыносимо громкий цвет.

— Цвет не может быть громким. Он просто красный.

Не спорю. Молчу. А сам думаю: вот поэтому, милая, меня и нет дома три ночи в неделю. Я там. Там тихо. Почти всегда. А если кто-то нервничает и начинает шуметь, я успокаиваю. Когда меня брали на работу, они не спросили, есть ли у меня специальная тренировка. Конечно, есть. Даже если в анкете не написано, я всегда могу определить по человеку. Это ж видно.

— Да? — Катька уже рычит. — Или нет?

Я прослушал, пропустил вопрос. Теперь лучше просто молчать. Не буду же переспрашивать, когда она в таком состоянии.

— Да или нет? — кричит она мне в лицо.

В принципе, я считаю, что любое «да» должно быть железобетонным, на все сто нужно верить в своё «да». Сказал — как отрубил. Я снял с крючка свою куртку и вышел из квартиры. Дверью даже не хлопнул, тихо прикрыл. Замок щёлкнул, как автоматный затвор. На улице было темно и сыро. Я натянул куртку и застегнул молнию до горла. На улице было холодно.

Тихие — самые опасные? Чушь. Да и буйные тоже не проблема. Я редко применяю силу, они хоть и психи, но явно чувствуют, на что я способен. Впрочем, у нас в Черкизовской всё культурно, никого психами не называют — упаси господь, никаких сумасшедших или шизиков, только пациенты. Да и больница — не дурдом, а клиника по реабилитации. Клиника, мать твою... с тюремными решётками на окнах.

Катька мне говорит — тебе в храм надо — исповедаться и покаяться. Отец Алексей, говорит, такой замечательный. Видел я, как этот замечательный на вдов пялится. Пошёл как-то с Катькой, а там церковь битком бабьём набита. И поп этот, что твой султан в гареме. И глазки масляные так и бегают. Исповедаться и покаяться — кому? Батюшке? Отцу Алексею? Мне моего родного батяни позарез хватило.

Я не против религии или церкви, сам иногда захожу в нашу. Они ж не могут тебя выгнать, правильно? Когда там нет службы и людей мало, в храме очень даже прекрасно. Тихо. Воском пахнет. Деревянный Иисус в натуральную величину на кресте висит. В темноте лампадки горят, и все шёпотом разговаривают. Можно исповедаться и получить отпущение грехов. Тоже шёпотом. Как к этим попам обращаться — товарищ священник? Ваше преосвященство? Святой отец? Батюшка Алексей, разрешите исповедаться и получить отпущение грехов?

- Разрешаю, сын мой! В чём грешен?
- Грех убийства, ваша светлость, на мне.
- Тяжкий грех, сын мой.
- Но я был в армии. В другой стране. И почти год назад.
- Ну это другое дело. Грех отпускаю — ступай с миром, сын мой.
- Можно вопрос, товарищ поп?
- Спрашивай, раб божий.
- А вы всех вдовиц ебёте или только которые помоложе?
- Всех, сын мой! Это ж мои овцы, а я их пастырь.

Прохожу как раз мимо церкви, там поют. Можно подумать, ангелы — нежно и сладко, точно ты уже в рай попал. На деле — старухи в тугих платках. Я проверял. Да и с остальным в жизни точно такая же петрушка. Проверял тоже.

2

Поначалу ничего необычного я и не заметил. Они часто над нами летали, шли на посадку. До аэропорта километров десять там, может, пятнадцать. Мы стояли глубоко в тылу, зэки латали мост, был там и стройбат, и горлохваты из вохра. Машин нагнали прорву — бульдозеры, экскаваторы, грузовики туда-сюда шныряют. Наша братва держала периметр, на том берегу выставили две «Осы», на нашем вкопали «Тунгуску». Обход по периметру делали нарядами по парам, три часа один круг. «Кусок» объезжал периметр дважды в день на «мотолыге».

Было тихо, жаркий август, рядом лесок, речка течёт — почти курорт. Глубокий тыл, говорю.

— Гляди, Фролов, — Лютый ткнул стволом «ксюхи» в небо, — летят, сучки. Это чё, ан или тушка?

Вроде пассажирский «ан», я с родителями на таком, только старой модели, летал в Сочи, верней, до Адлера, а оттуда уже на такси. Батя любил проснуться рано, будил меня, и мы бежали на пляж у «Приморской», пока ещё все спят. Мы бежали аллеями через парк — тёмный и пустой. Шире шаг, пехота! — кричал мне отец. Пахло магнолиями. Всё от росы было мокро, листья, скамейки, пятнистые стволы платанов, на мокрой дорожке валялись шишки кипарисов, похожие на липипутские футбольные мячики. В просвете деревьев появлялось море, каждый раз как чудо. Мы бежали на пирс, батя гнал уже во все лопатки, на конце волнореза он застывал на миг, взмахивал руками, точно собирался взлететь, пружинисто отталкивался и нырял. Через минуту его голова показывалась где-то вдали, у самых буйков. Я не решался нырять головой и поэтому прыгал в воду «солдатиком». Батя был майором и считал, что лучше службы в армии ничего на свете быть не может.

— Щас бы по нему из «Тунгуски» жахнуть, — Лютый вскинул автомат, — шарах! И в ключья!

Лютому даже кличку не нужно придумывать — с такой-то фамилией. Думаю, он в жизни не летал на самолёте. Я б не удивился, узнав, что он не умеет читать. Лютый шёл чуть впереди, мы спускались с холма, дальше периметр шёл через лесок, на той неделе Гуня из второго набрал там опят, от которых всё отделение чуть не передохло. Опята в августе — грибок, твою мать.

— Фрол! — заорал Лютый, задрал голову. — Гляди!

«Ан» был прямо над нами, но Лютый тыкал в другую сторону. Сперва я увидел инверсионный след, а после и саму ракету. Её траектория лежала по курсу самолёта. Ракета быстро приближалась.

— Это ж с нашей...

Ощущение было странным, будто во сне. За секунду я успел представить салон и удобные кресла, холодный кондиционированный воздух, пилот только что объявил о времени приземления, стюардессы собирают подносы, а пассажиры уже пристегнулись и планируют, как будут добираться в город из аэропорта.

— Нет... — я инстинктивно поднял автомат, стараясь преградить путь ракете.

Огненный шар, ярче солнца, полыхнул и погас, и только потом долетел гром взрыва. «Ан» дёрнулся, будто споткнулся, потом начал заваливаться на бок. В брюхе чернела дыра, оттуда показалось пламя, повалил жирный чёрный дым.

— Люди... — пробормотал Лютый, — падают...

Из рваной прорехи в фюзеляже полетел то ли мусор, то ли обломки — куски чего-то тёмного, но после я разглядел руки и ноги. Внезапно «ан» переломился пополам, мне показалось, что хвостовая часть падает прямо на нас, но она спикировала и рухнула где-то за лесом километрах в трёх. Мы рванули туда.

Высокая трава путалась в ногах, «ксюха» колотила по спине, я перекинул автомат на грудь. Лютый бежал впереди, он изредка оглядывался и коротко матерился с каким-то восторженным испугом.

Первое тело лежало на боку, руки прижаты к бёдрам, правое плечо ушло в землю, в двух шагах валялись очки. Лютый подбежал, присел на корточки, развернул тело. Это была пожилая женщина учительского типа с седой стрижкой, глаза широко раскрыты. Седина отливала голубым. Я зачем-то подобрал очки. Их дужки были ещё тёплыми.

— Я думал с такой высоты всмятку, — Лютый вырвал серьги из её ушей. — Как арбуз...

Другое тело оказалось мужским, оно упало в куст малинника, подбегая, я не понял, это ягоды или брызги крови на листьях. В хорошем костюме со стальным отливом, видать, дорогой был костюм, рукава пиджака были надорваны, точно кто-то пытался их вырвать. Я перевернул тело, колючки малинника царапали руки. Лысый, нос на лице был вдавлен в череп, но крови не было. Лютый тянул труп за руку, пытаясь снять перстень с мизинца. Я сунул руку во внутренний карман пиджака и достал бумажник. Тугой, с золотой застёжкой, внутри была фотография каких-то детей под мутным пластиком, водительские права и толстая пачка денег — стодолларовые купюры были совсем новыми, от них пахло машинным маслом.

— Барыш по чесноку, Фрол, — Лютый пыхтел, расстёгивая браслет часов. — Бимары-то — рыжуха! Во масть попёрла!

— Ты знаешь, кто это? — я прочитал фамилию на карточке водительских прав.

— Без понятия.

— Это Кулемеков.

— Ни хера себе! Это с Москвы который?

3

Я сунул пачку денег в карман. Закрыв бумажник и застегнул на кнопку. Одновременно две мысли, нет — три, возникли в голове: в пачке должно быть не меньше тридцати тысяч — это раз. Кулемекова сбили наши — два.

— Лютый, отсюда валить нужно! — это была третья мысль. — Срочно!

— Погоди, братан... — Лютый выхватил у меня бумажник, впихнул в свой подсумок. — Такой фарт!

На ходу он сорвал крупную малинину и сунул в рот, вскочил и кинулся в сторону леса. Я побежал следом. Опушка была усеяна каким-то белым мусором, точно свора собак драла тут журнал или газету. Из растерзанного чемодана торчали разноцветные тряпки, под ногой что-то хрустнуло — женская сумка. Я раскрыл и вывалил содержимое на траву. Помада, пачка жевательной резинки, мелочь и несколько мятых купюр, презерватив в фольге, зажигалка. Я сунул зажигалку в карман и увидел женскую фигуру. Она стояла метрах в пятнадцати, согнувшись, точно пыталась что-то отыскать в траве. Земля там была мягкой, рядом тек ручей. Тело вошло в грунт по колени. Она падала вертикально — «солдатиком». От удара её лицо как бы сползло с черепа, самым страшным были глаза. Нитка её бус лопнула от удара, и жемчужины валялись в грязи. Зачем-то я начал собирать эти бусины, грязь чавкала, я старался не смотреть ей в лицо, но каждый раз наткался на жуткие глаза.

Коллекция моих ночных кошмаров весьма богата: я видел, как эки из «Вагнеров» отрезали своему голову, отрезали обычным кухонным ножом. На моих глазах живьем сожгли старуху и её внука. Я видел трупы, раскатанные танками, целое отделение салаг, впрессованное в жирную коричневую глину. Кровь, смерть и грязь перестают пугать — к ним человек привыкает просто. Но вот, что действительно страшно — это люди. На что они способны.

Труп стюардессы лежал на пригорке. Тугое платье морковного цвета задралось, босые розовые ноги, прямые и длинные, были разведены в стороны, точно она собиралась делать упражнение для укрепления пресса. Лютый, по-звериному, на карачках суетился вокруг тела. Вырвал серьги, пытался снять цепочку, она запуталась в волосах. Оборвал, запихнул всё в подсумок.

— Ты что? — крикнул я, подбегая. — Совсем сдурел?

— Краля какая! — Лютый оглянулся, он стягивал с трупа трусы.

Не стягивал — рвал, материя трещала. Отбросил тряпку в сторону.

— Она же мёртвая! — заорал я.

— Нормалёк! Ещё тёплая!

Лютый, стоя на коленях, расстегнул ремень и быстро спустил штаны. Я хотел что-то сказать, но издал лишь какое-то блеяние. Лютый подался вперёд, его зад, тощий и бледный, начал рывками дёргаться. Ноги стюардессы дёргались в такт. У неё был маленький размер ноги, почти детский, а ногти аккуратно покрашены рыжим лаком — в цвет униформы. Из-за леса вставал столб серого дыма. Туда упала носовая часть самолёта. Где-то уныло выла сирена, снова и снова. Я снял с плеча автомат, перевёл предохранитель на одиночный огонь и сделал три выстрела в спину Лютому. Под левую лопатку, где у людей обычно бьёт сердце.

Сирены стали громче. Я уже бежал через лес. Послышался треск вертолёта, он тоже приближался. Лес редел, за деревьями показались ряды яблонь, оттуда поднимался густой дым. Сирены теперь были не переставая, точно тут решили собрать всех пожарных на свете. Я выскочил на опушку, над макушками яблонь из клубов дыма торчало крыло самолёта, вдали темнели деревенские крыши с кирпичными трубами и кривыми антеннами.

«К самолёту не подходить!» — прогремел голос сверху. — «Всем отойти от самолёта!»

Я задрал голову и увидел вертолёт. Это был «Аллигатор», совсем новой модели, такие показывали только на параде.

«Очистить зону катастрофы! Всем немедленно очистить зону! Виновные будут арестованы!»

Место крушения напоминало огромную горящую помойку. Вокруг сновали гражданские, явно из местных. Тощий дед в шинели тыкал длинным дрыном в ворох чадящего тряпья. Дранный пёс вертелся рядом и угрюмо тявкал. Белобрысый пацан в солдатских сапогах волок здоровенный чемодан. Две крепких бабки тащили вырванное с мясом самолётное кресло в синей обшивке, кресло ещё дымилось. Среди обломков лежали мёртвые тела, но на трупы никто внимания не обращал. Вертолётный винт поднимал с земли мелкий мусор, трепал ветки яблонь, закручивал ключья дыма в смерчи.

«Очистить зону катастрофы! Немедленно очистить зону!»

Вертолёт не мог тут приземлиться из-за яблонь, пилот зависал, после делал круг, возвращался и зависал снова. Голос гремел, динамики трещали от перегрузки. Местные уже не обращали внимания ни на

голос, ни на вертолёт. Я наступил на что-то мягкое, это был портфель. Я наклонился и в этот момент услышал очередь. Били из крупнокалиберного пулемёта. Тут же раздались крики, визг. Деревенские бросились врассыпную. Я упал в траву, отполз за ствол яблони — через полгода такие действия уже совершаются инстинктивно. Вертолёт сделал круг, снизился, пулемёт заколотил снова. Я думал, что они просто пугают, но с вертолёта били по людям. Местные бежали к домам, оттуда послышался вой сирены и короткие автоматные очереди.

Ползти было сложно из-за яблок. Трава была усеяна крупными красными яблоками, яблоки врезались в живот, в пах, я их давил коленями и локтями. Я знал название этого сорта — Виста-Белла, у нас на даче росла такая яблоня. Зреют яблоки эти к концу лета, но мы с Колькой обдирали всё ещё в июле. Кислющие, блин, до оскомины.

Вертолёт теперь кружил над деревней, они больше не говорили, только стреляли. Сад примыкал к лесу. Перебежками от яблони к яблоне я добрался до опушки. Нырнул в лес. За сосной наткнулся на мальчишку, я его видел там — тот самый, что тащил чемодан. Чемодана с ним не было, не было и сапог. Босой и грязный, он сидел сторбившись, как маленький зверь.

— Беги отсюда! — я дёрнул его за рукав. — Беги!

Он вытаращил на меня глаза.

— Беги! — гаркнул я.

Мальчишка вздрогнул, точно проснулся.

— Это ж наши, — тихо проговорил он и повторил. — Это ж наши?

— Наши-наши! Ты не ранен?

— Бабусю там... — он шмыгнул носом. — Я видел...

— Парень, не сиди тут! — я хлёстко шлёпнул его по щеке. — Они будут прочёсывать, понимаешь?

Он отрицательно мотнул головой.

— Пристрелят! — крикнул я. — Найдут и пристрелят.

— Зачем?

Со стороны деревни слышались выстрелы. Одиночные, иногда короткой очередью. Шла зачистка. Я никогда не принимал участия, но, конечно, слышал про такое.

— Зачем? — повторил парень.

— Тебя как звать?

— Витёк.

— А деревня как называется?

— Малешки...

Я взял его за тощие плечи, потрянул.

— Витёк! Запомни — ты никогда не видел этого самолёта. Ты никогда не был в Малешках. Ты ничего не знаешь вообще! Понял?

4

Конец октября. Воскресным утром в Москве пусто, светло, тополя стоят серые и голые, на бульварах листья шуршат под ногами, от тополиной листвы сладко тянет брагой, запах мешается с городской гарью и почему-то напоминает кладбищенский дух. Почему от запаха такого мне становится мутрно и пакостно на душе — это же всего лишь запах?

Катька уверена, что она спасла мне жизнь. Я не спорю — молчу. Тогда Катька каждый день ходила в храм, ставила свечки у иконы Богородицы «Взыскание погибших», читала специальную молитву у ног распятого Христа. У них там в церкви на стене висит Иисус в натуральную величину, он вырезан из дерева и покрашен розовой краской, из ран стекают капельки красной крови — не очень реалистично, замечу мимоходом, но зато гвозди, вбитые в руки и ноги, самые настоящие, — здоровенные железные костыли, какими прибивают рельсы к шпалам. Намертво приколотили Христа в нашей церкви.

Катька и после моего возвращения продолжала читать эту молитву перед сном. Я лежал в кровати, она стояла на коленях в углу и бубнила: Господи, сохрани моего воина силою Честного и Животворящего Креста Твоего под кровом Твоим святым от летящей пули, стрелы, меча, огня, от смертоносной раны, водного потопления и напрасной смерти. Господи, огради его от всяких видимых и невидимых врагов, от всякой беды, зол, несчастий, предательства и плена.

Не хочу обижать Иисуса, но чудо моего спасения я бы записал всё-таки на счёт Бенджамина Франклина, чей портрет нарисован на сто долларовых купюрах. Вот где сила чудотворная! Из полевой лечебки меня мигом перекинули в Подольск. Три недели пролежал в психиатрии и был комиссован. Категория «В» ограничено годен, статья — 18Б. Всем спасибо!

Да, и ещё: Кулемекова похоронили на Новодевичьем с воинскими почестями. Посмертно наградили звездой героя. Проводившая расследование комиссия установила, что авиационное происшествие произошло в результате «несимметричной потери несущих свойств крыла самолёта на этапе выполнения посадки».

* * *

Я ненавижу шум. Я не люблю красных яблок. Больше всего на свете я боюсь, что у меня будут дети. Что у нас родится сын.

Катька никогда не видела своего отца, знала только имя — Иван. Екатерина Иванна — простовато, но ничего. Ивановна — так получше. У нас в Черкизовской главную ординаторшу зовут Валентина Викентьевна — во как! Катька выросла без отца. Понятно, факт этот не прошёл бесследно. Теперь вот и мне приходится отдуваться за Ивана тоже.

Я рос с отцом. Он был майором, вышел в отставку и через месяц умер от сердечного приступа прямо в ванне. Думаю, его сердце не вынесло разлуки с армией. Иногда я думаю, проживи отец подольше, он бы смог предупредить меня, что армейская служба запросто может привести тебя в Малешки. Что рано или поздно ты окажешься там.

Когда Катька сообщила, что беременна, я встал на колени и начал молить её, чтобы она родила девочку. Катька рассмеялась и сказала, что она постарается. Сильно постарается.

ОБ АВТОРЕ

Валерий Бочков — известный русский и американский писатель и художник-график.

Автор более десяти романов и сборника рассказов, завоевавших большую читательскую аудиторию и принесших автору заслуженную популярность. Лауреат «Русской премии» и «Премии имени Эрнеста Хемингуэя».

Его писательский стиль характеризует гармоничное сочетание философской глубины и психологизма с дерзкой остросюжетностью, динамикой и ярко-фактурными образами. Но главное свойство творчества Валерия Бочкова — абсолютная и вдохновляющая свобода, поднимающая читателя над условностями и страхами.

Валерий Бочков — постоянный автор нашего журнала.

Геннадий РУСАКОВ
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Есть странная печаль в ямбическом стихе,
в его сцепленье слов — лексического ряда.
(И даже иногда в обычной чепухе,
которую в стихах терпеть зачем-то надо ...).
Мне с ямбом хорошо. Он уважает слух.
В нём сила и покой пожившего мужчины,
усмешка, иногда ребяческий испуг,
а то и просто сбой без видимой причины...
Мой ямб поверил мне, а я, в ответ, ему.
Как всё же хорошо найти свою опору
в немыслимой стране, где страшно самому —
среди её страстей, притом в такую пору!
...За воздух уцеплюсь — опоры снова нет.
Глупеют мудрецы и старятся поэты.
И только этот стих весьма преклонных лет
стоит и слушает плесканье вечной Леты.

* * *

С годами время улучшает.
...Опять январь и снега хрусть.
И снова душу посещает
не предусмотренная грусть —
от скособоченности века,
от мимолётности побед...
Ах, эта жизни дискотека,
её спасительный щербет!
Тут хочешь стать хотя бы добрым,
не жить в обычном мандраже,
а вдруг к тебе приходят с ОБРОМ
(не к нам — на третьем этаже).
И кто-то рыжий лезет в фортку
(как в двадцать третьей, наверху).
Да, век сменил свою обёртку...
И кто в нём есть сегодня ху?

* * *

Снова сны без товарных составов,
без Рузаевки, без Лозняков,
без шкетов, от рожденья неправых
перед самым срамных из веков
(не ко времени или не к месту —
накануне великой войны
и героев, готовых к аресту,
но не знавших размаха страны...).
...Снова этот укол узнаванья
то, что лучше бы не узнавать:
этих станций дурные названья
и всего, что хотел забывать —
что прожито, зачёркнуто, смято,
что зовётся судьбой и страной...
Что моё — и попрежнему свято.
И уйдёт, как и должно, со мной.

* * *

Я ещё до ухода осилю
эту жизнь, что мелеет сама...
Было время — размером с Россию:
опустели мои закрома.
Где оно, загорелое лето
и его голенастые дни?
А за ним — то ли то, то ли это
снова с кучей сезонной херни:
эти ночи в тепле до заклёба,
эти звёзды размером с меня...
И любовь непременно до гроба,
то есть просто до третьего дня.
Раньше хоть петухи голосили
и с утра начинались стихи...
Было время — размером с Россию.
И отбыло за наши грехи.

* * *

Я в прошлое открыл некстати дверь
и заглянул через порог — некстати:
а там осеннего рассвета серь
и мелкий дождь, и стынувшие гати,
киоск, Терновка с ворохом газет,
какой-то растопыр пристанционный:
наверное, сортир, а может, нет...
(Ну, то, что называют «павильоном».)
...Зачем я тут? Я помню весь мой век.
Он тоже здесь, а мне его не надо:
свистки, менты и ошалелый бег...
(Опять возьмут, заучат до упада).
Да к чёрту школу! Учат дураков.
Я сам с собой, я из блатного класса.
...Бегу, бегу с толпой стариков,
боясь конца назначенного часа.

* * *

...А я скажу на голубом глазу,
что всё вернётся: мы ещё побудем.
Возьмём бабла, девчонок привезу
и обеспечим пребыванье людям.
Уже с утра идёт активный движ:
все тучи клубом, ветер — низким лесом.
Барсеточники двинулись в Париж
(который раньше звался Мелекессом).
А жизнь хлопочет, шнарит, гомонит
и вслед за ветром время догоняет...
Себя ни в чём, как прежде, не винит,
лишь на ходу методику меняет.
Они такие, наши времена...
У них на всё продуманный гексаметр:
то тишь и блажь, то сборы и война.
И женщины с припухшими глазами.

* * *

Ещё прохладная земля,
но жарко на припёке.
Вскочил, усами шевеля,
кузнечик волоокий.
Всё просыпается вокруг,
и всё пришло в движенье.
Вон оживившийся петух
на куриц смотрит с уваженьем.
Всё совершается кругом
по непонятному раскладу —
и обязательно бегом...
Я лучше, граждане, присяду:
всё, отспешил, отмельтешил —
душа к покою привыкает.
...Я б малость всё же погрешил:
уж больно нынче припекает.

* * *

Затрёпаннные снимки их альбома:
деды в фуражках и мальцы в соплях,
шпана спас-клепиковского детдома
и прямо в детство уходящий шлях.
Всё позабыл, но очень чётко вижу.
Совсем оглох, но всё же услышал:
там воротилось то, что стало ближе...
Неужто я столетье отмахал?
Почти что: остаётся кочерыжка,
совсем ничто... Но, Господи, зачем?
Дописана прощательная книжка
и не осталось позабытых тем.
Всё сделано, подсчитано, допето
и просится к Владыке на постой —
когда б не это бешеное лето
с его почти похабной красотой!

* * *

Нам трудно жить, но всё же продолжаем,
от времени привычно сторонясь.
Расти́м детей и женщин обижаем...
Они ответно обижают нас.
А жизнь, похоже, не спешит кончаться:
всё тренькает, стрекочет, шебуршит,
пытается на рысь переключаться...
Хотя порою даже насмешит.
С ней связываться вроде неохота
(ведь жить полезно, чтоб не умереть).
На ней ишачишь до седьмого пота —
она, увы, не повторится впредь:
сезоны, хвори, холода, мокрети,
январь с мешком, а то и с кирпичом...
Вон сколько дел у нас на белом свете!
А я тут совершенно ни при чём.

* * *

Она пройдёт — и я в гусиной коже:
аж холодом восторга обдало!
Но что же в ней особенного, что же?
Вон даже губы жаждою свело!..
...Поэзия — Лаура в затрапезе.
Я столько лет за ней приударял!
(притом в ООН! Прилюдно и в Совбезе!)
И, в результате, место потерял...
А ничего не жалко для красивой!
(Я однолюб, но дважды был женат).
Стихи, по сути, это просто ксивы,
но часто эффективнее гранат.
...Порой события долги на раскачку.
Я их давно за это не сужу:
хожу с одышкой, с дрыном, в раскорячку...
Лауру в двух шагах не разгляжу.

* * *

Упрямый старый человек
живёт в захламленной квартире.
Упрямый старый человек
глядит на мир в упор и шире.
Он доживает сотый год,
не доверяет интернету.
Он никого к себе не ждёт,
с утра купаться ходит в Лету.
Упрямый старый человек
переругался со врачами,
устроил в клинике побег
и пил перцовку с москвичами.
Упрямый старый человек
был, по рассказам, ровня детям.
И тихо умер в новый век...
Так тихо — мало кто заметил.

* * *

Мы все нужны, хотя и в разной мере...
Поди пойми, кто тут нужнее всех!
Наверное, сидящие в партере,
не утрашаясь жизненных помех...
А я боюсь: не за себя — за время.
(Я из него уже вот-вот уйду).
Оно ведь надо всем и надо всеми,
но стало спотыкаться на ходу:
уже враздрызг разболтаны погоды,
земля трясётся, страшен лик небес.
Друг друга снова пожирают годы,
и дотлевают мой соседний лес.
...Все катаклизмы списаны с Писанья:
всё видели Умевшие глядеть.
А нас теперь легко (в одно касанье!)
почти без кипежа куда-то деть.

* * *

Я живу и привыкаю к жизни,
и хочу прожить свои сто лет,
что при современном пофигизме
просто неприличный марафет.
А пускай! Чего себя стесняться?
Жить так жить, притом не мелочась...
Я и не подумаю меняться!
(Ну, по крайней мере, не сейчас).
Может, что-то скину в этой сотке,
не теряя жизнеаппетит:
убирая прошлого ошмётки:
вон как время с пятницы летит!
Стало меньше близких и знакомых
(может, узнаю их не всегда).
Я теперь влюбляюсь в насекомых...
Даже в земноводных иногда.

* * *

Ах, эти девки-огнедышки,
по первопутку, в самый раз!
Не написавшиеся книжки,
любовь, что рушилась на нас...
И где всё это в это лето?
Где счастья спрутная струя,
где коробчонки бересклета?
И где, в конце концов, сам я?
В чужих годах, в чужом прикиде,
чужая речь на языке...
И век в его постыдном виде,
и день в дурацком колпаке...
Всё в жизни валит без разбора
и всё, конечно, не по ней!
А мне с ней нынче не до спора:
Мне б лишь подольше, посильней...

ОБ АВТОРЕ

Геннадий Александрович Русаков (1938) — советский и российский поэт, переводчик. Из семьи педагогов. Отец погиб на фронте в 1941, мать умерла в 1943. Учился в Литинституте, закончил Первый Московский педагогический институт иностранных языков (1966).

Работал переводчиком-синхронистом в Секретариате ООН в Нью-Йорке, в Москве в Комитете за европейскую безопасность, в Секретариате ООН в Женеве.

Печатался в периодике с 1955. Вторую книгу его стихов (1980) горячо приветствовал Арсений Тарковский, оказавший младшему собрату большую поддержку.

Автор переводов с нескольких европейских языков — современников Шекспира, старых и новых итальянских поэтов, французской лирики (А. Шенье, В. Гюго, М. Деборд-Вальмор, А. Рембо, Аполлинер и др.).

Автор более десяти книг. Лауреат нескольких престижных литературных премий, в том числе Национальной премии «Поэт» (2014). В настоящее время живёт в США, штат Нью-Йорк.

Эрих и Лиллиан фон НЕФФ

НОВЕЛЛЫ

НАПИСАНО КРОВЬЮ

Тем вечером, по своему обыкновению, мой дед читал Монтеня. Одетый в нательную сорочку, с надвинутым на лоб зелёным козырьком газетного редактора, Уолт сидел в кресле с раскуренной трубкой в одной руке и книгой — в другой. Я только что вернулся с прогулки по маршруту «Край света» в парке Золотые Ворота и поднялся наверх, чтобы принять душ и переодеться. Затем я спустился в кухню и, заглянув в ледник, обнаружил, что бабушка оставила для меня половину окорока, кувшин простокваши и свежеспечённый яблочный пирог. Она постоянно готовила мне столько еды, словно я был вечно голодным фермерским мальчуганом с Дикого Запада. Поскольку я вырос на такой еде, то и думал, что по возвращении домой весьма неплохо угоститься пирожками, кукурузным хлебом с чёрной патокой, простоквашей, куском ветчины или любой другой пищи, что поможет нарастить мяса на костях.

Пирог я не доел. Мне не нужно было непременно съесть всё, и меня не угнетал страх голода, который, возможно, испытывали другие дети. Я точно знал, что завтра будет свежий пирог. Убрав остатки обратно в ледник, я помыл тарелки. В период с 1907 года и вплоть до Второй Мировой войны Уолт с семьёй жил на Филиппинах; посудой нам служил великолепный китайский фарфор, купленный в Кантоне. Разглядывать роспись на тарелках во время еды было одно удовольствие. От чего-то я считал, что у всех дома есть тарелки, как у нас, и тарелки эти никогда не бьются. Не то чтобы мы были исключительно аккуратны со своим фарфором, просто он как будто и не требовал особо бережного обращения.

— Эрих, — позвал меня дед.

Он пересел за стол в гостиной, и я придвинул кресло, чтобы сесть рядом. Когда я возвращался домой по вечерам, Уолт часто устраивал мне книжный час. Недавно мы закончили с «Робинзоном Крузо» и начали «Приключения Гекльберри Финна». Уолт продолжил читать с того самого места, где мы остановились прошлым вечером.

— «Ну вот, мы соберём шайку разбойников и назовём её „Шайка Тома Сойера“. А кто захочет с нами разбойничать, тот должен будет принести клятву и подписаться своей кровью», — прочитал Уолт.

Я спросил:

— А зачем они писали кровью?

— Ну, — сказал Уолт, — помнится в 1893-м я и один парнишка из племени чероки тоже написали свои имена кровью.

Что же, раз уж Уолт и его индейский друг подписались кровью, то в этом наверняка имелся какой-то смысл. Уолт принялся читать дальше:

— «Тут все стали колоть себе пальцы булавкой и расписываться кровью, и я тоже поставил свой значок на бумаге»...

Вскоре он начал сбиваться, и я понял, что Уолт потихоньку задрёмывает. Всё же мне хотелось, чтобы он продолжал чтение. Трубка Уолта прогорела и погасла, однако он продолжал держать её в зубах. Потом он всё-таки отложил книгу, положил трубку сверху и о чём-то крепко задумался.

Мне нужно было сходить в туалет. Когда я вернулся, Уолт возился на кухне. Открыв дверку ледника, он крикнул мне:

— Эрих, помоги-ка!

Сказано это было таким тоном, словно я был подсобным рабочим на ранчо в Оклахоме.

— Достань голубой сыр и пару бутылочек пива.

Уолт сел за стол, а я принёс ему сыр и пиво «Сан-Мигель», затем сходил к сушилке за ножом. Нож тоже был особый, филиппинский боло. Уолт сцапал нож и отхватил два здоровенных ломтя сыра, а я тем временем разлил пиво по кружкам. Мы сидели, тянули пиво в полном молчании. Затем Уолт, раскрасневшись, рявкнул:

— Тащи сюда копчёного лосося!

Я принёс лосося и ещё две бутылки пива. Уолт отрезал кусок балыка, передал нож мне. Я тоже отрезал себе кусочек.

— Эрих, — громко промолвил Уолт, — дай-ка я расскажу тебе кое-что про генерала Макартура...

Он не договорил. Отчего-то слова давались ему с трудом. Генерал Дуглас Макартура был хорошим другом Уолта ещё в довоенные времена.

Я покивал, давая понять будто понимаю, о чём Уолт хотел мне сказать. Часто, пока мы ели, дед заводил речь о политике, через четыре фразы на пятую поминая крепким словом сенатора Маккарти и стуча кулаком по столу. В общем, словно подлинное застолье в чертоге Беовульфа: вкусная еда, хмельные напитки и громкие разговоры со стуком кулаков по столу.

Поев, я принялся носить посуду в мойку. Уолт мыл тарелки, а я их протирал. Мы никогда не оставляли грязную посуду, чтобы её пришлось мыть бабушке Долли. Когда мы закончили с тарелками, Уолт вернулся в свой кабинет, чтобы послушать репортаж с бейсбольного матча и почитать ещё немного из «Опытов» Монтеня. Мне пора было отправляться спать. У меня было целых три комнаты на выбор. Чаще всего я предпочитал свою комнату в подвале, которую Уолт обустроил специально для меня, чтобы можно было уходить из дома и возвращаться когда захочешь. Но иногда я ночевал в комнате по соседству со спальней бабушки, просто чтобы Долли знала, что я рядом, и не беспокоилась. Не знаю, почему я так решил, ведь бабушка ложилась рано и вряд ли даже слышала, как я поднимаюсь по лестнице. В общем, я пошёл наверх.

Следующим утром я вышел к завтраку в половине седьмого. Дедушка с бабушкой уже были за столом. Казалось само собой разумеющимся, что они всегда встают раньше и готовят мне завтрак. Они уже пили кофе, когда я вошёл. Долли встретила меня улыбкой, должно быть, она знала, что я ночевал в соседней комнате. Я сел за стол, и бабушка принесла мне остатки окорока и вчерашний пирог. По радио шли новости с ведущим Гэбриелом Хитером, дедушка с бабушкой говорили о политике. Я ел со всегдашним аппетитом, иногда приостанавливаясь, чтобы рассмотреть драконов и другие затейливые фигуры на расписной тарелке.

Я отнёс посуду в мойку. Поцеловал Долли в знак благодарности; Уолт просто потёрся своей колючей щекой о мою. Бабушка подала мне пакет с ланчем: большой маринованный огурец, два сваренных вкрутую яйца и сэндвич с ветчиной. Я взял учебник по грамматике с обеденного стола и вышел из дома.

До начальной школы Лафайетт было не больше мили, и я пошёл пешком. Где-то на полпути я заметил своего друга Льюиса Спекера, плетущегося впереди, и прибавил шаг. Льюис, по обыкновению, завёл речь о своей главной страсти, истории. Я с восторгом слушал, как он рассказывает о Чингисхане и монгольской Золотой Орде.

Мы вошли на школьный двор как раз перед звонком и выстроились в линейку с другими учениками нашего класса. Как только звонок от-

звенел, миссис Грин, наша учительница, повела нас в классную комнату.

Первым делом миссис Грин спросила:

— Ну что, все готовы писать диктант?

Весь класс заулыбался. Я тоже, хотя где-то в животе появилось странное ощущение. Я достал из парты чистый лист бумаги, взял чернильное перо. Обмакнул перо в чернильницу, но оказалось, что чернила высохли. Я поднял руку, чтобы спросить, что мне делать. Но миссис Грин лишь отмахнулась. Она раскрыла свою методичку, и стало ясно, что сейчас она начнёт диктовать. Не знаю почему, но миссис Грин всегда требовала, чтобы задания были выполнены пером и чернилами, правда, она не уточняла, какого цвета должны быть чернила. Накануне в парке я ссадил руку о камень, ссадина только слегка зажила. И тут я вспомнил про Тома Сойера и Гека Финна, и их кровную клятву в пещере.

Я сильно надавил на ссадину. Из раны тут же выступила кровь, и я обмакнул в неё перо. Я попробовал написать своё имя в самом верху листа. Получилось. Миссис Грин начала зачитывать диктант.

— Например... скрытый... погреб...

Всякий раз, как она делала паузу, я обмакивал перо в свою кровь. Никто вокруг ничего не заметил; я сидел в крайнем ряду, возле стены, и все остальные дети были слишком сосредоточены, чтобы обращать на меня внимание. Я не таился, учитывая обстоятельства, собственное поведение представлялось мне совершенно логичным. А кроме того, я же подписался собственной кровью. Здорово, правда?

Диктант закончился на слове «эстакада». Я заметил, что на бумагу попало несколько капелек моей крови. Мальчик по имени Майк, который сидел позади, передал мне исписанный лист. Я положил его диктант сверху своего и передал оба листа мальчику, что сидел передо мной. Скоро все диктанты были собраны и сложены в стопку на учительском столе.

Я принялся рассматривать свою рану. Было ясно, что после того, как я расковырял ссадину, она будет заживать дольше. И я отвернулся к окну, желая, чтобы этот урок поскорее закончился.

* * *

На следующем уроке грамматики миссис Грин велела мне выйти к доске и встать перед классом.

— Подойди сюда, Эрих.

Она произнесла моё имя как «Йер-ик», наверное, для пущего эффекта. Мои одноклассники стали смеяться, они смотрели на меня во все глаза, пока я брёл через весь класс. Даже некоторые девочки хихикали, и мне хотелось провалиться сквозь землю. Я доплёлся до учительского стола и встал на всеобщее обозрение.

— Йер-ик, — повторила миссис Грин.

Кое-кто из мальчишек даже привстал со своего места, чтобы лучше видеть, что происходит. Миссис Грин сунула мне под нос мой диктант. Я увидел отметку: три с плюсом. Внезапно миссис Грин взяла листок с моим диктантом за уголок — брезгливо, двумя пальцами, словно опасалась подцепить заразу. Она встала из-за своего стола и вышла на середину класса. Я оставался на прежнем месте и смотрел в глаза своих одноклассников.

Миссис Грин подняла мой диктант над головой, так, чтобы было видно всем.

— Класс, обратите на это внимание, — провозгласила она, хотя весь класс уже и так обратил внимание. Миссис Грин помахала листом, по-прежнему держа его за уголок. — Видите, что сделал Йер-ик? Он написал диктант собственной кровью!

На мгновение воцарилась мёртвая тишина. Затем некоторые дети стали притворно отворачиваться и зажимать носы, говоря «фу-у».

Миссис Грин всучила мне мой диктант и жестом велела передать его девочке за первой партой. Это была маленькая рыжая девчужка, вся в веснушках. Она воззрилась на меня в замешательстве и тут же передала листок на заднюю парту. Другая девочка уставилась на написанный моей кровью диктант, не скрывая отвращения. Я разозлился. Любому дураку должно быть понятно, что кровь — самые лучшие чернила. Но вслух я не сказал ничего. Просто стоял, как было велено, и растерянно смотрел, как мой диктант переходит из рук в руки.

Меня выставили на посмешище. Я чувствовал себя чудиком, изгоем... В каком-то смысле так оно и было. Я рос на попечении бабушки и бабушки, а они родились ещё в 1880-м. Когда моему деду было только тринадцать, он управлял фургоном в земельной гонке на Полосе Чероки. Родной брат моего деда был членом банды Далтонов. По разумению моего деда, лучше если мальчуган будет расти, как он сам рос на Полосе Чероки. И я после школы часто проводил время, исследуя малохоженные уголки в парке Золотые Ворота. Я уходил из дома, вооружившись всамделишным филиппинским ножом-боло, и часто возвращался уже за полночь. Иногда притаскивал с собой пойманную

в парке сосновую змею. В общем, да, с точки зрения других детей я был чудиком, им такое не позволяли. Чёрт, да они были просто счастливы, когда их отпускали погулять на детскую площадку.

И вот я, пишущий кровью, стоял перед классом. Как мне хотелось, чтобы у меня в руках был нож, а на плече — змея. Что бы тогда сказала миссис Грин? Между мной и остальными была целая пропасть. Странно, но раньше я этого не осознавал.

— Теперь возьми свой диктант и отнеси миссис Сайкс, — сказала мне миссис Грин.

Миссис Сайкс была директором школы, её кабинет располагался в другом конце коридора. Я вышел из класса, но даже за дверью слышал, как потешаются мои одноклассники. Миссис Грин велела им успокоиться. Я шёл в кабинет директора, между стен металось гулкое эхо моих шагов. Мне казалось, что это длится целую вечность, что коридор никогда не кончится. А потом я вдруг оказался прямо перед директорской дверью. Я робко постучал. Не услышал ответа и постучал ещё раз, громче. Из-за двери слышался голос:

— Войдите.

Миссис Сайкс сидела за столом и читала книгу. Когда я вошёл, книгу она отложила, но я прочитал имя автора на обложке: Эдгар По. На столе лежали и другие книги, но имя По сразу привлекло моё внимание. Едва переставляя ноги, я приблизился к директорскому столу. Я нёс свой диктант, словно прошение, держа его за уголок, в точности как миссис Грин. Медленно разжав пальцы, я позволил бумажному листу спланировать на стол. Миссис Сайкс поправила очки, посмотрела на лист и недоумённым тоном проговорила:

— Три с плюсом.

— Это написано кровью, — торжественно объявил я. Сперва я собирался пояснить эту деталь самым смиренным тоном, но потом передумал.

Миссис Сайкс какое-то время изучала мой диктант, потом посмотрела на меня и сказала:

— Пожалуйста, присядь вон там.

Я сел в большое кожаное кресло, стоявшее рядом со столом, а миссис Сайкс снова раскрыла свою книгу. Я сидел, и у меня крепло чувство, будто я в чём-то провинился. А ещё я не знал, куда себя деть. Тогда я принялся листать журнал «Нью-Йоркер», рассматривая рисунки. На столе стояла пепельница, которая напомнила мне, как однажды я проходил мимо кабинета, и дверь была открыта. В тот раз миссис

Сайкс беседовала с моим дедом, а он держал в одной руке свою трубку, а в другой — трость, инкрустированную перламутром. Беседа была весьма оживлённая.

Я поздоровался. Уолт в ответ пристукнул тростью, указал на меня мундштуком трубки, а затем вернулся к беседе.

Я чувствовал себя по-дурацки, ёрзая в кресле, листая журнал и воображая, какое ужасное наказание меня ожидает. Однако ничего страшного не случилось. Миссис Сайкс просто сидела и читала книгу. Прошёл час, и она сказала:

— Возвращайся в свой класс.

Я поднялся и подошёл к столу, думая, что она вернёт мне диктант, чтобы я отнёс его миссис Грин. Но вместо этого миссис Сайкс убрала бумагу в ящик стола. Очень осторожно я открыл дверь кабинета, словно всё ещё опасался наказания. И отправился обратно в свой класс.

Миссис Грин посмотрела на часы, потом торжествующе кивнула. Жестом она велела мне садиться за парту. Все до единого смотрели, как я, держа серьёзный вид, шёл на своё место.

Так я и сидел там, в классе. Отделённый от всех. Пишущий собственной кровью. Не такой, как все.

АЗБУКА КРАСОТЫ

Там, где ныне располагается магазин славянской литературы, некогда был парикмахерский салон «Азбука красоты». Управляла салоном Кай Симогути, женщина со звонким голосом и совершенными манерами, подкреплёнными сильным характером и непреклонной волей.

Я проходил мимо окна с рисунком из ромбиков. По ту сторону, под сушиарами, сидели довольные женщины, другие ждали своей очереди, листая журналы. По их томному виду можно было догадаться, что они читают «Вог», «Премьеру», «Элль», «Гламур»... Определённо, что-то душещипательное.

Ловкие пальцы Кай массировали распущенные женские волосы, взбивая мыльную пену. Конечно, я не мог удержаться и открыл дверь, чтобы погрузиться в пьянящие ароматы и передаваемые шёпотом сплетни о цветущих пышным цветом любовных интрижках.

Речь была о Масако Ватанабе, что отдалась всей душой и телом Йоси Симогути, брату Кай. Она приехала из Осаки за его счёт и послушно

поселилась неподалёку от дома Йоси. Как я понял, жила Масако в какой-то полутёмной комнатухе, из которой почти не выходила. Она совсем не говорила по-английски.

Хотя вечера Масако часто были восхитительным образом заняты (когда Йоси выкраивал время между рабочими обязанностями и семейным долгом), днём она оказывалась полностью предоставлена самой себе. Конечно, можно было посмотреть телевизор, пускай даже не понимая ни слова из диалогов. Впрочем, Масако не любила смотреть телевизор.

Кай не радовали, но и не особенно огорчали «побочные аспекты» сердечного увлечения её брата. И она предложила Масако приходить днём в «Азбуку красоты». Клиентки ждали очереди, читая заметки об «Оттенке алого», «Личной собственности» и других киношедеврах. Масако иногда делала кое-какую мелкую работу, но чаще с напряжённым интересом листала журналы мод. В конце концов, у неё не было лицензии парикмахера.

В ту пору я вкалывал на пивоварне, ворочал пивные бочонки. Большинство работников были этнические немцы, их гортанная речь легко перекрывала звук ударов моей киянки, забивающей затычки. Одна за другой бочки отгружались в «Ратскеллер», «У Шлегеля» и прочие заведения, где у клиентов были достаточно мускулистые руки, чтобы поднимать тяжёлые глиняные кружки.

Клиентки «Азбуки красоты» листали журнальные страницы с отретушированными фотографиями, перепечатанными сплетнями и секретами, известными всему свету. Кай мыла волосы, делала причёски. Масако помогала в дозволенных законом рамках.

У Масако имелся любовник и комнатуха с выключенным телевизором. А вот подруг у неё не было, и Кай вознамерилась это исправить.

На пивоварне я грузил пивные бочонки, забивал в крышки затычки. В маленькой комнатке тела исходили сладострастным потом. В душевной комнатке, где со стен отклеивались отсыревшие обои.

Я посмотрел сквозь окно с ромбическим рисунком. Кай и её партнёрша по бизнесу, Зина Жеребова, делали причёски, скопированные с кинозвёзд. Зина предпочитала работать с русскими клиентками, Кай — с японскими, хотя у обеих в клиентуре также встречались вкрапления других этнических групп.

Стиль причёски должен был привлекать мужа или любовника, или, вполне вероятно, как того, так и другого. Причёска должна удержаться

после прикосновения грубых рук, после одного, и другого, и третьего... А потом придётся снова идти в салон и делать новую.

Моя жена Лиллиан ходила к Кай, чтобы вымыть и уложить свою индейскую гриву на прямой пробор. Да, мне тоже было сложно сдержаться.

Однажды Кай сказала Лиллиан:

— Может, поучишь Масако английскому? Наверное, ты помогла бы ей хоть немного.

Знать не знаю, как Лиллиан учила Масако. Я приходил домой после смены в пивоварне, вдоволь наворочавшись пивных бочек и наслушавшись немецких понуканий: «Verdammt. Mach's gut Erich».*

Наверное, Лиллиан и Масако прохаживались по кварталу — парочка экзотических брюнеток с одинаковыми причёсками, индеанка и японка. Очевидно, практиковались в разговорном английском или хотя бы учились правильно выговаривать слова.

Пока они прогуливались в парке Маунтин-лейк, я в это время разливал пиво по бочкам.

Так продолжалось месяцами. Своего рода расширение пространства, дополняющее тесную комнатку, где одно по другому елозят тела.

В парикмахерском салоне шелестели страницы журналов. Любовные интрижки от номера к номеру то разгорались, то затухали. Появлялись новые любовницы.

И это означало, что вечера жаркой страсти случались всё реже.

Зато, похоже, окрепла дружба, основанная на уроках английского. Я по-прежнему видел вместе парочку экзотических брюнеток.

«Verdammt. Mach's gut Erich».

Бочка, ещё бочка, и ещё — пока не кончится смена.

«Jawohl, Hans. Jawohl».**

Йоси Симогути не читал киножурналов. Йоси не следил за описываемыми в них событиями. Он просто использовал Масако для своих утех. У Йоси была беременная жена. Он должен был платить налоги, оплачивать счета. У Йоси хватало проблем. А любовный пыл поугас. В общем, Йоси был уже не так горяч.

«Мона обессиленно лежала в постели», — было написано в журнале. «Она гладила своего любимого по волосам. Он медленно смежил веки...»

* Проклятье! Эрих, делай как следует. (нем.)

** Да, Ганс. Конечно. (нем.)

Йоси купил билет на самолёт. Рейс номер один, до Токио.

Уроки английского продолжались до последнего. Лиллиан и Масако гуляли, смеялись и «разговаривали», пока не приехало жёлтое такси, чтобы отвезти Масако в аэропорт, на рейс номер один.

Багаж её оказался невелик: все вещи поместились в маленький чемодан и сумку для покупок.

Самолёт рейса номер один вылетел в Токио.

Комнатушку сдали по новой. Но Йоси всё-таки пришлось заплатить за новые обои.

В парикмахерской перелистнули страницу журнала. «Мона стояла возле двери. Она слышала, как по подъездной дорожке прошелестели колёса».

Рейс номер один прибыл в Токио. Я продолжал грузить пивные бочки. Лиллиан вернулась в детский сад.

Месяц спустя Кай подарила Лиллиан японскую швейную шкатулку из сандалового дерева, полную иголок и подушечек.

Прошёл год. Салон «Азбука красоты» переехал. Вместо него открылся магазин славянской литературы.

Лиллиан получила посылку из Осаки, в которой была светло-зелёная цветочная ваза с рисунком воробья в японском стиле. К ней прилагалась короткая записка:

«Дорогая Лиллиан,
спасибо.
Масако».

И это тоже было расширением пространства. В дополнение к маленькой комнатке, где тела исходили сладострастным потом. Комнатке, где со стен отклеивались отсыревшие обои.

Лиллиан фон НЕФФ

МОЯ ЛЮБИМАЯ НАВОЛОЧКА

Была у меня наволочка изумительной красоты. Она радовала глаз, и спать на ней было одно удовольствие. Рисунок на ткани демонстрировал дивные розовые бутоны и изящно прорисованные оливково-зелёные листья и стебельки.

К превеликому сожалению, моя любимая наволочка со временем изнасилась. И однажды она порвалась. Но я не могла просто так избавиться от пришедшей в негодность старой вещи. А заштопать наволочку тоже не представлялось возможным, ткань слишком истончилась. Так что я повернула подушку другой стороной и продолжала спать на своей любимой наволочке.

Так продолжалось примерно полгода. После каждой стирки ткань расплзалась всё больше, пока не разорвалась окончательно. И тогда мой муж, ничего не сказав мне, запихнул обрывки в мешок со старым тряпьем.

«Ах, — подумала я, найдя свою любимую наволочку в мешке, — так вот она где, моя пропажа». Я попробовала, крепкая ли ткань, намереваясь использовать её как набивку для стёганого одеяла. Но наволочка прямо-таки расплзалась под пальцами. Так что с тяжёлым сердцем пришлось пустить лоскутки с по-прежнему дивными розами на кухонные тряпочки. Слов нет, как было жалко протирать заляпанную жиром духовку остатками своей любимой наволочки. А ещё я чувствовала странное облегчение, как будто решила наконец отпустить из сердца то, что уже давно пришло в негодность и больше не могло приносить радость.

А ещё я сберегла несколько самых красивых лоскутков с розовыми бутонами и собираюсь сделать из них коллаж, своеобразное произведение искусства, которым смогу любоваться до тех пор, пока жива.

Перевод Олега Кустова

ОБ АВТОРЕ

Эрих фон Нефф — американский писатель и портовый рабочий из Сан-Франциско. Родился в 1939 г. Окончил школу имени Джорджа Вашингтона, затем проходил военную службу в Корпусе морской пехоты США. В 1964 году окончил государственный университет Сан-Франциско со степенью бакалавр искусств. Получил степень магистра. В период с 1980 по 1981 год проходил аспирантуру в университете Данди в Шотландии, затем получил степень магистра философии.

Опубликовал несколько книг поэзии и прозы.

Книга Эриха фон Неффа «Проститутки на обочине» была выпущена французским издательством «Cahiers de Nuit» в 1999 г. на деньги, полученные в виде гранта от Регионального Литературного Центра Нижней Нормандии.

Сборник стихов «Les Putains Cocainomanes» («Кокаиновые шлюхи») был выпущен издательством «Cahiers de Nuit».

В июне 2019 в издательстве «Чтиво» (Санкт-Петербург, Россия) в переводе на русский вышел сборник рассказов «Проститутки на обочине».

В № 4 (16) 2020 наш журнал опубликовал воспоминания Эриха фон Неффа о своём деде Уолтере Роббе.

Андрей БЕЛОЗЕРОВ ШПИОН ТУРЕЦКИЙ

С точки зрения морали, люди добрые, я, конечно, преступление содеял. И будучи в рассудке здоровом (а можно ли назвать «здравием», что с моралью не в ладах?). Каждый раз, видя из окна его, я смекал варианты мщения, — и рукой садил о косяк дверной, копя мощь на удар. А враг и не знал, насколько близок он к провалу, насколько всё существо его в самомнении службистском не в состоянии оценить взгляд, испепеляющий его и машину его. «Сука!..» — так гулаговцы, должно быть, честят втуне чиновников, утираясь после оплеухи и вызреть давая постижению эпохальному!

Парковался он стабильно под окном моим. Мразь, ничтожество. И прочим повод давал; хоть я и потрясал перед взорами осоловелыми их (я для них никто, «безлошадник» назойливый) предписаниями санитарными о стоянках у многоэтажек жилых: — не менее 10 метров от фасадов! Пачками ксерокопии я раздавал, увещевая автовладельцев о невыносимости бытия при выхлопе испражнений и дверей лязге, что тебе затвора оружейного! И они, в принципе, соглашались парковаться (ох и смердят в жару авто, на югах это чувствительно) отдалённо. Но как только враг тискал в ответ удостоверение под нос и — отвязись, мол (будто я документ сей в коленкоре рдяном не уяснил с прений прошлых, и будто не в одном мы с ним подъезде жительствоуем), бросая якоря опять под окном, — все прочие следовали примеру, мотивируя: «А чем мы хуже „мерса“ этого чёрного „двухсотого“?..»

Он — особенный! Хотелось прокричать так. И мерзость в квадрате — его причастность к Конторе незабвенной. А прочие все опричники стана — налоговики, таможенники, пожарники-ревизоры, охранники супермаркета, всяко разные менты самопровозглашённые, — попокладистее господ, если и заимели на скачке лихом «колёса», то входят в положение, реагируя на вопль граждан, — они сорт второй, им и тянуться к выправке — к разумению, что можно себе позволить, а чего

нет... И всё продолжаться обречено было: бросив курить десять лет назад, я вдыхал и никотин, и гарь авто; а слух мой, алчущий в часы отдохновения классики, вял от попсы и шансона. Приезжают, уезжают; визг сигнализаций, моторов рык... В жару фрамугу не затворишь, глоток воздуха какой-никакой. А жара у нас в квартирках, люди добрые, и в лето, и в зиму молдавскую — о-го-го! Вот, к примеру, сейчас конец апреля, +19 °С — на дворе, а к радиатору отопления не прикоснуться. «Жар костей не ломит!» — скажет обыватель и будет прав, но в конуре укупоренной — пытка изошрённая от управителей анклава. Денно и ночью фрамуги настезь... Правда, «мерс» врага по ночам дрых прилежно, балы после отбоя в ГУЛАГе не про него: был он семьянином прилежным, как требует того карточка учётная кадровая...

(Конечно, кое-кто вправе и упрекнуть автора с позиции дня нынешнего: разводит-де писака турусы на колёсах — в ситуации-то спецоперации армии России в Украине, когда ни за понюх табака стираются с лика земли города! Но уверен я: Приднестровье, перемогшее денацификацию по-кремлёвски в далёком 1992 году, как в капле отражает океан — настоящее и будущее насаждаемых по кальке республик самосвободных. И из своего «Здесь» и «Сейчас» не упускает шанс автор корректировать Реальность становящуюся. Это его фронт и вклад в Победу Прогресса над силами мракобесия!..)

Коробило в супостате и то, что жильё он снимал. Третий год кряду. Вывод напрашивался: не коренятся они в пределы. Тренд в отделении юго-западном лагерей: офицеры спецслужб распределены по местам дислокации и ставки эти тасуют, предвкушая всюду подвох... Квартировал он на этаже пятом. «Вот-вот, негодяи, готовят точки огневые на случай войны очередной! — возгонялась ненависть моя по спирали в осознание крепости осаждённой. — Кровопийцы, разжигатели конфликтов региональных!.. И жена его, и сын-дошкольник, — прикрытие!..» Как бы я ни изловчался в разъяснении ему с позиции возраста (а я старше его лет на двенадцать), что он гость в «монастыре» нашем, должен не выпячивать нрав и норы, — он презрение солдафонское выказывал в ответ, типа: «А ты кто здесь — смотрящий?». Послал бы, чую, куда и подальше: под дых оппоненту, — но времена не те: и ум холодный обязан обуздывать кулаки при общении со слоями населения — так, по крайней мере, их, «элиты новоиспечённую», и поучают на планёрках.

Да, Управление верховное ГУЛАГа добро дало на воссоздание самой себя в миниатюре — в каждой из единиц новообразованных с перспек-

тивной охвата пространства планетарного. Наступили сроки! Понятно, что методы и формы содержания гнусного скрыть не могло оно, читалось из прошлого засмирнение упреждающее несогласных (тот же Новочеркасск в 62-м, где граждан расстреляли пачками), вот и пришлось «терпилам» у телеэкранов впаривать что-то насчёт воли народа в учреждении резервации по Днестру. Тридцать лет назад город мой подвергся агрессии вооружённой: националисты, инспирированные никем иным, как службой, самой дисциплинированной на просторах бывшего СССР, — КГБ Молдавии, — схлестнулись с сепаратистами, возвращёнными ведомством тем же. Границей государственной ведали также держиморды в погонах голубых, Запад винить в раскачке могут только невежи... Я ж участвовал в войне той, веря в искренность её: «Ура!.. За Бендеры расстрелянные, но не покорённые!!!». Несколько суток в качестве ополченца оттрубил в окопе звонком, массовку составляя. Потом нас, как антураж потребный (непотребный), по домам разогнали, ведь для многих бычков тупогубеньких, понукаемых насильно из колодцев бетонных дворов, война эта так называемая была площадкой потусить, что-то доказав друг другу: «За Веру и Отечество!». А штабным требовалось мяса. И не столь даже мяса ополченского, не сумевшего в отсутствие «коридоров зелёных» за реку свинтить, а сколь комплекс поклонения перед властью лагерной возродить от «мяс» всех требовалось! Вот и выходит, что бойня 1992-го с позиций Искусства Войны — фикция. Холуи в хаки требовались под стать офицерам лоботомированным, наводящим прицелы на объекты гражданские. В общем, было за что меня и таких, как я, алчущих задач сермяжных, задач толка тактического и стратегического, а не псевдо-шухер, навести на сторону противную, действующую будто по сговору с твоей, — было за что послать нас, «ботаников»-максималистов, на три буквы с полей «действий боевых».

Итак, система координат, в коей я вращаюсь с вражиной. Он такой же «сепар», хотя в иной градации возрастной и ума. Он не вкусил войны гари и её видов — с кишками навыверт и кровью, забродившей в жару стьлую. Представлял линию официозную, в отличие от меня, для кого сепаратизм — вовсе не игра в лазутчиков и хитросплетение нещадное толка идеологического. Все обыватели и ополченцы-горе разочаровались давно в противостоянии Кишинёву, а вот чекисты и другой планктон провластный, — нет. И ещё: он приезжий в город наш, снимает с семьёй жильё, как я сказал, и работу в органах республики новообразованной получил как сепаратист рьяный из другой бунтующей

области молдавской — Гагаузии. Почин ли то был самостийный носителя генетического пассионарности османской (и оттоманской) или рокировка по ведомству диффузному — не суть важно. Но вот умора: казалось бы, разрушитель ты государства законного, ратуешь за минимизацию влияния центра на регион, и в то же время — охранитель истый государственности самопровозглашённой. Знать: и за деньги, и за идею наёмник и маньяк; а я, сызмальства на земле сей, — статист и горлопан, привлечён волею судеб в смотрящие — из окна — на праздник жизни стражников страны банановой, коей пророчили системщики рай всеобщий по типу Швейцарии маленькой!..

Люди добрые, я не экстремист, но от правды не убежишь. Это он, враг и службист, паркуя авто под окном моим, заставил быть согляда-таем ему. Ишь: ровно в 7.30 отчаливает «мерс»: сынишку в сад отвезёт, и — в ведомство к звонку!; в 12.05 — приваливает и пакет сосисок несёт крале к обеду (она — в полёте удалённо за компьютером дома оппонентов ПМР шарит, троллит в хвост и в гриву их, базы агентов просекает); 18.05 — возвращение в гнездовище. Соскакивает Пашка в штатском с «седла» и с букетом роз — у жены день рождения; коробку «Лего» и самокат тянет, — у сына шестилетие. А когда из багажника кули — паёк гэбистский... В августе отсутствие «мерина» под окном — отпуск в Крыму аннексированном. Какому ведомству закордонному тайны Дивана пэмээровского открыть?.. Прознал невольно и ещё. Пашка-бег, гагауз ширококостный, маститый, любящий до слёз начальство, дешифровался на ниве житейской — и это почти сразу как въехал в дом по улице Комсомольской. Прокол совершил для градусов карьерных! Бендеры-град, куда забросила его судьба, он перевозносил, Бессарабию же Южную (дословно — Угол Белый — по-турецки), откуда и прибыл, — принижал. За окном, распахнутым в утро морозное, я услышал разговор его с сыном. «Папа, а почему мы перевелись в Бендеры?» — всё не забирался отпрыск в машину, детсад не жалуя: снежки лепил и в кота чёрного, теплотрассы люк облюбовавшего, пулял. — «Сын, не забывай, что Бендеры — форпост исторический Гагаузии, несмотря на то, что входит в состав ПМР, — отвечал папаша, обходя с щёткой авто, как петух — курицу, с лендой, с грацией начальственной, заволакивая утро звенящее дымами мотора разогрева... — Бендеры — гордость наша и надежда!.. Усаживайся, к завтраку бы не опоздать...»

Намешано было в типе сём, и виделось именно для меня задачкой — орешек расколоть, поняв, на кой свалился на голову этот господин-бег градации новой от ГУЛАГа? Я двинул в русле. Но не перешёл его

в себе, а себя я расщепил — о него. В точности с тем кодом неизбывным в нас, какие бы прекрасные Солженицыны и Шаламовы не стучали в мозг с пожеланием от обратного. Я, люди добрые, стал готовить на него донос!

Ещё несколько слов о жене его, свидетеле очкастом и частом пререканий наших с ним. Плечами пожимание с ухмылкой — реакция на особу мою; в сторону мужа — повелительное с благосклонностью. Читалось, что по её линии кровной примазаны они к Конторе. Была не по возрасту тучной (после родов теряла форму), в одежде — предпочтение жакетам с бляхами (сродни шевронам) и брюкам. Бизнесумен, офис-менеджер, вроде того. В облике её сквозило интеллигентское; но не может интеллигент быть охранителем государства, поправшего нормы международные. Муж и жена — одна сатана. Сделала выбор в пользу меча, свободы карающего, и щита, что фобии корпоративные их обороняет. «Паша-Пашунчик! — она ему, как командер, мобилизационно. — Заберёшь сегодня мелкого из сада. У меня курсы!..»

Какие такие курсы? Верно, изучения языка страны по ту сторону Понта Эвксинского — Моря Чёрного Гостеприимного для стана приближённого к Визирю Кремлёвскому; и Понта Аксинского — Негостеприимного для райи прочей после аннексии Крыма. Ведь гагаузы, по сути, — турки, принявшие православие, и для турок истых — влахи, — оскорбительнее и не придумать... «Здравствуйте!..» — Пашка мне в Пасху рукой из «мерса» махнул, газуя. И меня ошпарила опять дерзость его: глотать мне пары дизеля, что в семь раз по оценке экологов вреднее бензина?! «Мерхаба!..» — крикнул я ему, авось манкурт по-турецки разумеет (буквально — «привет» означает слово)... Бог с ними, с курсами этими и языками, мне давно обрыдло состоять в очевидцах галиматьи, что вершится под окном моим: о чём они там друг к другу, полагая, что мимо глаз-ушей моих, настроенных на акт справедливости торжества через творчество литературное. Факт в том, что наблюдений мимолётных хватило уловить, как жену врага моего (такую же врагиню) распирает от самодовольства, что муженёк её — чекист. И она — адепт того, с чего всё-таки начинается — Родина — моя, твоя, их...

И ведь прекрасно все знают, не на Луне живём, осведомлены из источников — что же это за Контора, выискивающая для Родины драйверы и в шифры вечные упаковывающая её, и кто служит ей, наследники эпохальности какой? — знаем и вместо желания метнуть камень в обладателя погон голубых, корчим душу гримасой раболепия к выправке, государству угодной. Власти гипноз непреходящий в дидактике про-

пагандистской! Царство омертвелости, заморозка ростков Реальности осознания, приоритет формы, запрет на содержание; восторг эрекции предсмертной. Засилье сие длиться вечно не может, обрушение произойдёт!.. А что говорить о жёнах чекистов; у них всё замешано и на сексе: «Любовь-Секира-Смерть!». Жёны-фурии взяли на себя грехи мужей. Ущемление свобод наших — для них нетленка, звезда путеводная к вершине зияющей; их падение в бездны оборачивается им возвышением над сознанием общественным и над Эволюцией в итоге конечном!.. «Мелкий» однажды выдал мамашке-гэбистке, когда та сигарету тянула ко рту: «Нянька в саду говорила, что женщины, которые курят, будут письку у дьявола курить после смерти! Мильон лет будут!..» — «Справимся и с этим!» — ответила сыну, не заметив, что у мужа, возившегося с дворниками (на ночь отвинчивал, чтобы не украли), бровь так и поехала вверх, как у Джокера карточного.

А однажды охранительница очага гэбэшного, предвосхищая грядущего разворот — действия военные полномасштабные в Украине — и увидав меня за портьерой (дал я себя обнаружить на этот раз), спросила у муженька: «Паша, а если опять тут бойня, если нас будут обстреливать?» — «Не переживай, тебя эвакуируют в первую очередь!» Она ж не унималась: «А если население озверееет? Ишь, злыдни зуб точат, под колёса плюют из окон?!» — «И в этом случае меры примем!..» — Павел косился на меня по наводке взгляда её, было понятно, к кому декларируют, — чтобы я знал место, — потому что первыми, в любом случае, будут они: и операцией «спасения» (в первую очередь — угольников своих!) заправлять, а райя опять в «терпилах»... Однако, с эрекцией у меня всё в порядке, господя-беги-паши. Не доверяю я посулам импотентов, что мужей, что жён их, взявших силой косности предсмертной бразды уклада и волю нашу.

Стал готовить донос. А вот вместо бумаги и пера взялся за мобильник на витке технологическом. Мог бы по клавишам онлайн «настучать» — но, во-первых, боль народная (я, как выразитель её) не могла ворваться в ведомство на манер электронный, нечто в этом сквозит высоколобое, охолощённое; а, во-вторых, — ГУЛАГ есть ГУЛАГ, слив фейков огромен под ником мнимым, затеряется письмецо моё в потоке жалоб, в спам канет. А тут тебе в эфире глас вопиющий, — без адреса обратного, но с интонацией, с придыханием!

В Кишинёве я приобрёл SIM-карту, которая там, в отличие от ПМР, наследника ГУЛАГа, выдаётся без паспорта и действует всюду, включая

ленту земли вдоль Днестра, хоть власти сепаратистские препятствия чинят телефонам стандарта GSM, в рознице их не сыскать. В общем, подстраховался я, чтобы не вычислили по номеру, и совесть успокаивал тем, что составить донос на чекиста — это не донос, а обязанность святая человека воли свободной. Я не претендовал на жилплощади расширение за счёт конуры соседа, я не сводил счёты с любовником жены (она у меня всё же интеллигент и к резидентам в погонах имеет иммунитет устойчивый), я не торил стезю по лестнице карьерной. Выполнения требования Архитектора города и санэпидемстанции — о запрете стоянок под окнами многоэтажек жилых жаждал я. Воздуха чистого желал! Знаете, как смердят машины даже ночью? И от лязгов дверей их, что тебе выстрелы снайперские, и от сигнализаций рыка, и от музык чуждых я избавиться мечтал. От бессонницы, продумывать заставляющей до мелочей мщение на Свет Белый весь!

Сел в кресло, набрал на мобильнике цифры с сайта ведомства, где служил враг, и рыцарем Правды поруганной (как Че Гевара) прищурился на явь: сколько ж можно терпеть, должна ж быть у сепара апробированного под стопой пядь суверенная?!. А в ответ: «С вами говорит телефон доверия Министерства государственной безопасности ПМР. После сигнала оставьте сообщение. Без внимания обращение ваше не останется!..» — и зумм: будто о рельс чушкой чугунной, клича на работу (или перед вызовом на допрос). И никаких тебе переадресаций на спецов профильных. Меня аж пробрало, вот он — миг мой звёздный! И в помощь — технологии новые!

— Хочу довести до сведения, что сотрудник, коего прозвали во дворе пятиэтажки по улице Комсомольской, где снимает он квартиру, Пашка-Мерседес, номер машины такой-то, — доверительно я в трубку, проблему общественную разруливая, — ...помимо поведения вальжного, образу работника органов не соответствующего, — а он должен быть по воззрению человеком-невидимкой, то есть не выделяться, — ведёт агитацию, разящую милитаристски, в среде несовершеннолетних. — (Да, люди добрые, так, не иначе; а вы полагали, что я им в жилетку плакаться буду о нарушении норм санитарных и правил, то бишь, с заступом на танк?) — Подростки, подпавшие под влияние его из дома нашего и из домов соседних, — продолжаю уверенно, — все как один свидетельствуют о расширении экспансионистском Гагаузии: на севере — до Бендер, на юге — вплоть до выхода к морю Чёрному. Говорят дети по наущению Пашки и о том, что Турция заинтересована в раскладе таком геополитическом, особенно теперь, когда государ-

ственность Украинская трещит по швам, ведь гагаузы — это наследники Порты, потомки колонистов турецких, осевших в Бессарабии. И вот, мол, — шанс исторический: воссоздадим из города Бендеры, что входит ныне в состав ПМР, — а некогда являлся форпостом османским с крепостью неприступной, — столицу Гагаузии Великой!.. Налицо факт агитации экстремистской с целью подрыва государственности ПМР в сегодняшних границах её! Призыв к нарушению действенности операции миротворческой, что по принятому в Приднестровье Закону от 11 июля 2016 года № 13:416 2т — карается до 3-х лет лишения свободы! А по кодексу СССР 1937 года можно было б классифицировать деяния сии и по статье № 58, выдав вердикт: Павел М. — шпион турецкий!!!

И всё. Я повесил трубку в надежде, что реальность я перекроил малость: поспособствовал эволюции, в обход революций всяко разных разлива ново-имперского. Хе-хе, достанется врагу моему по шапке; поставит начальство ему на вид, турнув в пределы родные — крутить хвосты быкам, или в полицию дознавателем-патрульным, взятки брать и лупить простолюдина дубиной резиновой, начертав крест жирный в реестрах ума холодного и сердца горячего. Досадить чекисту — дело милое, потирал я ладони, заручаясь томами с полки — в руку правую хватать Солженицына и Шаламова, а в левую — «Галерею ПМР» сочинения собственного, — образцы-ипостаси сопротивления личного монстру-государству... И — попивал по случаю коллекционное красное (десять баксов за бутылку), раскинувшись в кресле, придвинутому к зрелищу эпохальному возвращения врага со службы. Ведь «место», что зафрахтовал он — face of face к окну моему, — никто не занимал. Все эти менты, таможенники, пожарники, налоговики (других владельцев авто и нет в анклав, бизнес малый съеден олигархатом), они выстраивались к шести вечера впритык у фасада, как клавиши аккордеона; и только место одно зияло с задержкой небрежной... Будет ли сегодня Пашка таким же важным, хлопая дверцей, и так же будет придирчив в оценке полосы парковочной? или кивать-кивать станет заискивающим: «Чуть не занял место Ваше!..» — «Ну, что ты, брат, тут же не написано, что оно моё?!»

То, что произойдёт потом, я, автор «Галереи ПМР» нашумевшей, вообще не предполагал. А вот Солженицын с Шаламовым могли бы. Только я нога на ногу расположился, приложившись по случаю к «Мерло» восьмилетнему и руку протянув к мамалыге с брынзой — к возвращению «героя в штатском» с работы, — он всегда, как штык, позже всех за

стеклом, — подъехал «мерс» его. Машине этой лет десять, приобрёл он её для престижа, всей роднёй собирали по нитке, чтоб Пашке в должности-то угодить, а вот наделить прежде недвижимостью, равной по стоимости авто, не озаботились; а может, и в Стамбул визирем намеревался он: зачем укореняться на задворках Империи грядущей Светлейшей? Подъехал, стало быть, пришвартовался; и вышли из него двое в пятнистом и при погонах, — так в ГУЛАГе нашем одеваются погранцы и другие службы звена охранительного (звания их я не рассмотрел), — оба стриженные, как и враг мой, только поприземистей и с оглядками: не сшибёт ли кто наземь; и, закрыв плотно авто, маршируя в ногу (и в руку), направились в подъезд. Причём, тот, кто вперёд вырвался, спотыкнулся о кота чёрного, наперерез выскочившего; второй, матюгнувшись, удержал его за локоть, как гимнаст цирковой, и — по выражению лиц их я понял, что примчали они на машине Пашкиной явно не соотноситься с приметами. А где же сам хозяин авто? Дома его не было, распорядок тут заведён дьявольский — никогда я не видел Пашку на своих двоих (без колёс). Он и на обед сегодня не приезжал.

Полчаса я просидел, глядя тупо в окно — на перекосящийся фасад в постановке авто относительно фасада дома, выработанного годами парковки. Аж мураши по хребту, — я думал о парившемся в казематах на допросе Пашке. «Какого хрена не обзавёлся ты квартирой, равной по стоимости „мерину“ твоему?! И не мозолил бы глаз; и не было бы повода обращаться мне в доносчика последнего. А может, в самого, что ни на есть — передового? За дело правое — против произвола службистского, а шире — против всего антигуманного, что заставляет смотреть на мир в пределах ограниченных, приграничных!..» Словно Талмуд и Библию (и Коран в придачу) на заседании, зрящем мир поверх барьеров, держал я на подлокотниках широких труды сидельцев ГУЛАГа (и «Галерея ПМР» тут), вбирая нрава твёрдости. Не хватало молотка деревянного, чтобы резолюцию провозгласить!

Мамалыга в панировке пряной по рецепту Кухни молдавской осталась нетронутой. Вылакав бутылку марочного, я открыл дешёвку за два доллара (тридцать три рубля ПМР), питья на всю Ивановскую (Комсомольскую, то бишь) не миновать. И тут за окном движение. Эти двое в «зелёнке» и при фуражках, те, что у подъезда спотыкнулись о Ти-Пи (так я называю кота горемычного, в память о шуме и ярости праведных к поправлению Свобод в ипостаси литературной американской), выносили и складывали у «мерса» пожитки, коих было с учётом требы

семьи кочевой: казан большой (в армии турецкой он приравнен к знамени!), медведь плюшевый (в верность партии «Россия Единая?»), самокат, баул, в спешке набитый тряпьем и с зиппером сорванным... Укладывали это в багажник... И вот жена врага нарисовалась, держа за руку сына и пряча лицо за ридикюлем, утверждая всем, кто вылупился в окно, — ментам, пожарникам, налоговикам и райе непотребной, — что защищает от ветра причёску, тепелук головной турецкий презрев. Подошла к сидению заднему. Мальчуган, из сада прибыв, был кроток в предчувствии эпохальном; с маху забрался в салон, — и машина тронулась, залепив окно моё выхлопом соляры палёной (разбодяживают в ПМР всё и вся, «отщипывая по кусочку в пользу свою», как сказал бы Солженицын, да и Шаламов бы подтвердил).

Я уразумел: попал! В цель. И в смысле падения личностного! Семью врага спроваживали куда-то в порядке спешном, вероятно, в отделение другое ГУЛАГа: в Гагаузию ту же пресловутую. А сам он — цикуту принял из рук коллег за то, что знание тайное дешифровано в обозримости вящей: профанам известно то, о чём шушукуются бункера. (На это я и напирал выпренне, яростью-шумом народным кипя: возгонка та ещё: народ-де и схватится за вилы, узнай, что замышляется за спиной его. Хотя и замышляется всегда!..) Осушив бутылку, я взялся за мобильник с SIM-картой, чьего владельца вычислить невозможно.

— Уважаемые костоломы! — бравировал пьяненько я им на автоответчик. — Зря мучаете в застенках Пашку-Мерседеса, как величают его во дворе по улице Комсомольской! Пашка не виноват. Виноват Солженицын, глаза на мир открывший, а равно и другие личности самоотверженные, включая Шаламова и Фолкнера-американца, кои доказали, что у Мира есть шанс. Без них всё и вся обратилось бы в Плоскость, как во времена Террора Большого, а мы, населяющие её мишени, — в насекомых, что помимо «право-лево», «консервативно-либерально» и не знаем ни с чем: лишь ползком-ползком, на нюх, думая, будто распахнута нам Вселенная... В насекомых из Плоскости превратились вы с Пашкой, полагая, что мир разделён на ошуюю и одесную... А мы, люди совести и чести, жаждем Мир обрести, себя в нём, а не ощетиливаться дикобразом!.. А вы нам — автоответчик, донос на Пашку, в надежде, что поджарите его на сковородке, копытами поцокаете в неистовстве о паркет и отпустите своего на все четыре, куда-нибудь в менты или в пожарники... Но и мы — перекроили! Никакой Пашка не шпион, мы, инакомыслящие, — агенты! Ловите нас, если сможете.

Работаем мы и на Англию, и на Америку, и на Европу, потому что их ГУЛАГ, он хоть с лицом человеческим, а наш — образина. Свои расстреливают своих, как в Новочеркасске 50-х, как в Бендерах в лето-1992, это не прощается!..

И бросил трубку в надежде, что Пашку отпустят. И я, тростник, прощу ему то, что прощать не должен. Как то: ГУЛАГ пэмээровский в миниатюре, и то, что Пашка — преуспевающий малый в нём: стал кем-то в жизни этой, а я — нет, так как не вызрела жизнь общества, а то, что вызрело — не дало ещё повода равнение держать, становясь кем-то тут... Пашка — член сообщества пауков и тараканов; самые важные из них носят погоны голубые, другие кланяются им. И что мне с того? В себе ж видеть причину гибели таракана — на всю оставшуюся, как говорится; — доноситель я с клеймом на лбу, хоть и каюсь: донёс, мол, на таракана! Тараканам и донёс! И себя не выдал: SIM-карту в ведро мусорное зашвырнул!..

Нет, друзи, это из области самобичевания бесконечного! Я выпил вина, приговаривая из Достоевского: «...Жил на свете таракан, таракан от детства, а потом попал в стакан, полный мухоедства...». И стал ждать, что вот-вот за мной придут: листов кипы переворощат, блок системный компьютера — на экспертизу, а самого за рученьки белы и к Пашке — на ставку очную, по записи голос мой распознав, ухмыляясь и тыча дулом меж лопаток!

Решил позвонить по телефону стационарному Хребтищеву — одному из персонажей главных «Галереи ПМР», адепту воззрений ортодоксальных на спецслужбы и антимаасону, что его, в общем-то, не красит. Я в масонстве не дока, знаю, что головачи эти если и вершат революции время от времени, то и над ними принцип необходимости исторической довлеет, и над масонами кружат эманации развития всеобщего. Масоны действуют в векторе Архитектора Вселенной, а гэбисты положили с прибором на архитекторов городов, грубы и беспощадны к людям, знания дерзающим. Гэбнявые угождают начальству в Круге малом: шпарят, к примеру, в начале мая батареи — спасу нет — что это, как не спецоперация, дабы Молдова не выкарабкалась из долгов по счётчику газовому, чтобы не выпасть ей и из цепи единой ГУЛАГа?! А вот масоны шагают планомерно к «Единству в многообразии!»... В Прогресс, словом, я верю, а Хребтищев — нет; поэтому мы и общаемся: в споре порождая Истину. Товарищ-антагонист, на пятнадцать лет старше меня, старикан древний, воспевающий принципы общества за занавесом железным. Он — сторонник ПМР.

— Ты всё правильно сделал, дружище, — вещала задорно трубка в ответ голосом, смахивающим по интонации на артиста Броневого. — Ложись спать. Чекистам верить нельзя, мне — можно!..

— Но я же — погубил человека!.. — продолжал я пьяненько нюни распускать. — А если меня вычислят?

— Не вычислят, они сами всего боятся — в упряжке с Западом. В пристражных-то они у спецслужб российских, а те — с Западом заодно.

— Заодно? Из утюга любого слышим о непримиримости позиций медведя русского и пендоса-америкоса?! — грею старикашку по законам жанра.

— Сейчас все подыгрывают Западу, дают подачу великолепную для свершения замыслов его любых... Конвергенция это!.. Повтори по слогам...

— Ничего не пойму, какая такая Конвергенция?!

— Республику нашу необходимо цивилизовать — с их всегдашней точки зрения. Так что они тебя по большому счёту должны в попу целовать — ты им на недостатки указываешь.

— Значит, я совершил дело благое?

— Нет!

— Зачем же вы мне советуете спать и идти, забыть?!.

— А что тебе ещё остаётся, предателю; ты ведь не чекиста предал, чёрт с ним, я их тоже за их конвергенцию не жалею, — ты народ наш предал...

— Да как же это? Я ведь от имени народа и выступал?!

— Ты народ укрощаешь в угоду Западу. Ты — предатель!

...И так далее... Всё свелось, короче, у него к тому, что чекисты, какими бы оборотнями ни были, каких традиций блюстителями ни являлись, всё же государственники, а государство — последнее, что у народа осталось, пусть государство это на ГУЛАГ походит. И задача наша от мира хищного масонского западного обособляться всемерно.

Я выпил ещё бутылку и позвонил Хладнюку. Тот за государство не будет впаривать и потеть, потому как — индивидуалист. Хладнюк прошёл путь неповторимый в аутентичности своей: у истоков республики, ратуя до хрипа за сепаратизм и свободу, даруемую на эпох сломе, он затем к конституционалистам переметнулся. Апося и в Германию маханул за статусом беженца. Сейчас он на побывке в пенатах инкогнито: за полгода до спецоперации армии РФ в Украине операцию с продажей недвижимости собственной проверить-таки решил.

— Вы, человек молодой, совершили оплошность, — заявил размеренно Хладнюк, спецкор бывший «Радио Свобода» в регионе, умеет интонировать; на десять лет он старше меня. — И то, что надиктовали им раскаяние, — тоже ошибка. — И сменил тон на жовиальный: — М-да... натура феерическая ваша, не знающая роздыха на путях справедливости обретения! Если б не вы — общество пэмээровское превратилось в болото...

— Оно и так загнило! Анклав наш — ГУЛАГ!..

— Кругом много люда несогласного. Делайте ставку на них, не блуждайте днём с фонарём, выискивая в лицах.

Через час все интеллектуалы города, пережившего войну-1992, знали, что я упрятал за решётку чекиста. Одни упрекали меня, что действовал я методами доносительскими, гэбэшными, это, мол, не красит никого; другие в многотерпении упрекали: нужно было принимать меры сразу, — как только ублюдок в контры вошёл с запросом праведным, в Представительство ОБСЕ, к примеру, подать жалобу коллективную на управленцев неуправляемых...

И только одно мнение прояснило нечто.

— Выстрел — в яблочко!!! — Вещал Новиков Анатолий, драматург местный и режиссёр «Чайки» во времена оны, когда я роль Треплёва исполнял в Театре народном. — Про муки моральные поговорим апода, — тут другое!

— И что же — другое?

— То, что и сам ты не понял! — говорил в подпитии яром человек, лет на семь старше меня. В лето-1992 прятался он с семьёй в погребе — с двустволкой, заряженной патроном одним (не было больше), надеясь обороняться от конституционалистов и от сепаратистов, так как и те, и другие олицетворяли отнюдь не Свободу и Формы новые в искусстве. Ружьё потом мы пропили и не жалели: наш выбор — «Долой оружие!..» — Нерв эпохи ты растревожил!.. Сейчас завьюжит Конспирология твоя! — пытался быть логически безупречным драматург местный.

— Вы понимаете, в каком я состоянии?.. И вообще — вы меня уважаете? — я о своём.

— Уважаю и понимаю. И терпеть не могу «сухое»... Ты покрутишь у виска пальцем: чтобы в Молдавии не пить вина?! А я под «беленькую» всё думаю и думаю, чем «Крым наш» обернётся для России и мира?

— И всё же, Анатолий Николаевич: в какое я попал «яблочко»? Не метил я никуда; хотел лишь досадить ГУЛАГу, наступающему по фронтам всем.

— Пойми, я ничего не имею против гагаузов, да и ты тоже, — икнул утробно Новиков. — Но особенность немаловажная лет, — на шёпот перешёл, — гагаузами наводнён город наш, — заметь: не Тирасполь. Съезжаются, квартиры скупают. Чем им тут насластили, раз они из Автономии законной переезжают в ПМР огнеопасную?! А ты указал на тренд, попал в интонацию, как Поэт и Гражданин!.. Короче, Угроза Турецкая, — все нынче грезят ею...

— Но я угробил человека, — прервал его я.

— Бди миссию свою!.. Помни, что ты — вестник Стихии той, хе-хе, геополитической. Ты, пиит, о «Ружьё на стене» заявил голосисто... в доказательство первенства стилистики неповторимой в Реальности становящейся! Выпей бутылочку кислоты — и ложись... Проснёшься — ан уже в Гагаузии Священной — с выходом к морю!.. Море — это Свобода, ворота в мир!.. Ха-ха!.. Отложи в сторону «Галерею ПМР», а иже с ней Солженицына и Шаламова. С утречка Мир Новый в гости к нам!.. — пьяный, он повесил трубку.

Я был восхищён. Пусть всё это было и буффонадой в стремлении мысли ход инсталлировать. Однако ж, треволнения мои... До утра дотянул я на каруце скрипучей (под истерики моей скрип), грузённой вином и томами подвижников от ГУЛАГа образца прежнего и воссоздаваемого. Прощал себя и сторицей на будущее воздавал: не прощал. И лишь солнца луч осветил двор, я раскрыл окно, не страшась ни комаров, ни рыка моторов ненавистных, и — обрушился в сон... А через сутки, побрившись и выйдя за порог квартиры, я обнаружил в ящике почтовом агитку кандидата в Верховный Совет Республики непризнанной — от участка нашего. Кандидат, за которого я уже «головил» на автоответчик ведомственный: подрумяненный на сковородке корпоративной, в пиджаке синем и в галстукке поверх сорочки голубой, — Пашка М.! Он представлял диаспору гагаузскую в ПМР. «Сегодня и Завтра — вместе с Россией!» — лозунг, с коим Контора вывела в пространство информационное нового своего.

...А в День пионерии, утром к нам во двор въехал фургон крытый. И люди в форме пятнистой без знаков отличия и принадлежности ведомственной (а это нарушение грубейшее установлений в зоне операции миротворческой!), усадив подростков (и девочек) в ряды, повезли их на русло Днестра, где был организован «слёт туристический с уклоном патриотическим»... Там детей экипировали в форму военную, обучали рыть укровища, метать гранаты, разбирать и собирать авто-

маты, стрелять по билбордам с портретами лидеров партий Молдовы. Питанием горячим, правда, обеспечили...

Вся же катавасия по убытию срочному квартироръёмщиков гэбэшных с этажа верхнего дома нашего связана была ни с чем иным, а разделением Пашки квартирой новой: негоже депутату будущему горсовета да без жилплощади элитной! Как видим, решение сие созрело в верхах аккурат в день моего обращения в органы известные и задолго до дня голосования народного.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Белозёров родился в 1966 в г. Бендеры Молдавской ССР. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького в Москве.

Его проза неоднократно публиковалась в изданиях: «Дружба народов», «Кодры. Молдова литературная», «Литературная Россия», «Роман-газета», «День и Ночь», «Новый Журнал» (Нью-Йорк), «Времена» (Бостон) и др.

Лауреат Международной литературной премии им. Марка Алданова-2016. Шорт-лист Премии им. Марка Алданова-2018. Автор книги прозы о войне 1992 г. в Приднестровье «Третья сила», Chişinău, Litera, 2020.

Живёт в Бендерах (Приднестровье, Молдова)

Борис КАМЯНОВ
БАРАК И БАРДАК

КРИК ДУШИ

За то, чтоб изверг сдох,
Я пью уже полгода.
Прошу, великий Бог:
Унасекомь урода!

Неужто, Боже, зря
Об этом я молился?
Прикончи упыря,
Покуда я не спился!

16.8.22

* * *

Русь наблюдая, год от года
Всё больше поражаюсь я:
Ну да, в семье — не без урода.
Но чтоб уродская семья?!

О РОССИЯНИНЕ

На что похож орешек грецкий,
Очищенный от скорлупы?
На мозг штампованный советский
У серой ватной шантрапы.

А мозг приматов, милых тварей,
Как гениев, так и тупиц,
Из двух составлен полушарий,
Как задница — из ягодиц.

Обычно в нём полно извилин
(Деталими пренебрегу),
Но ватник потому дебилен,
Что лишь одна в его мозгу.

Горда собой, самодовольна,
Всем умникам она — укор.
Для ватника её довольно,
А две — опасный перебор.

Российский ватник — он не ноет,
Народ его вожделюбив.
Он — убеждённый путиноид
И креативен как Сизиф.

И в череде суровых буден,
Как однобожие — семит,
Народ свой император Путин
Одноизвилиенно хранит.

ЖАЛОБА ЖИТЕЛЕЙ ГАЗЫ В ООН

Нас топят евреи, открыв свои дамбы,
Бросают на нас смертоносные бомбы,
Чтоб гибель ждала нас за каждым углом бы.
От них к нам ползут ядовитые мамбы.

Военщина топчет газоны и клумбы,
Танцую горячие румбы и самбы,
Дают ребятишкам протухшие бамбы,
Срывают с балконов портреты Лумумбы.

Загнали евреи нас всех в катакомбы,
Чтоб всех утопить в катакомбах потом бы!
Мы — мирные люди, простые арабы.
ООН! Всех евреев повесить пора бы!

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

*Прошёл марш левой оппозиции
из Тель-Авива в Иерусалим (из газет)*

Перекрыта надолго центральная трасса.
Под себя норovia всё чужое подмять,
Снизу в горы, к Сиону, ползёт биомасса,
Как кипящая лава, текущая вспять.

Ну, а здесь, на вершине святой Иудеи,
Ждут вторжения пышущих злобой когорт
Все противники их сатанинской затеи —
Всемогущего Бога надёжный эскорт.

Наш народ разделился, как было когда-то:
Возродился Израиль языческий вновь.
Снова блудный сынок восстаёт против брата,
Ибо в нём ненавидит отцовскую кровь.

ПЕНА

На глади народного моря
Возник серопенный покров,
С чем я, со стихиею споря,
Смириться никак не готов.

Серá эта пена от грязи,
Приплывшей с чужбины сюда,
А я своё море заразе
Не дам замутить никогда!

Отдельные клочья той пены
Мечтают уйти на покой.
Осядут они постепенно,
В воде растворившись живой.

Давно Посейдон негодует.
Рукой шевельнёт великан —
И то, что останется, — сдует
К чужим берегам ураган.

ДВА КОЗЛА

Итожа опыт прожитых веков,
Готов я снова повторять и снова:
Война должна быть делом стариков,
Которые в конце пути земного.

Пусть дети улучшают этот мир,
Пусть больше не готовят к битвам внуков.
Пусть не ведут врагов мочить в сортир,
На пенсию отправят военруков.

А мы схлестнёмся, старые козлы,
 Что стали сдуру лютыми врагами,
 И бороды повыдираем, злы,
 Друг другу мы, и сцепимся рогами.

...Потом в могилах рядом нам лежать,
 Навеки от вражды освобождённым.
 А молодёжь, чтоб нас не обижать,
 Похлопает обоим побеждённым.

БУКВА «Х»

«ХАМАС», «хуситы», «Хезбалла»,
 «Хабаш», «Хомейни», «Хаменеи» —
 О, буква «х»! Ты — символ зла!
 Тебя не любят все евреи!

Ты — символ смерти и греха,
 Как вирус страшного ковида!
 Я предлагаю букву «х»
 Убрать к чертям из алфавита!

Но как же быть тогда с «Хумаш»,
 «Хеврон», «херут», «Хабад», «хасиды»?
 Я был неправ! Какой пассаж!
 Какие глупые обиды!

И всё ж меня ввергает в шок,
 Когда в бою сошлись два слова
 «Х» — буква в слове «хорошо»
 И «х» в понятии «херово».

УСПЕТЬ!..

Успеть, успеть, успеть!
Закончить, отстреляться,
Доделать, песнь допеть,
С подонками додраться!

Что не решил — решить!
Всё рваное заштопать!
Достроить, довершить,
Всех комаров дохлопать!

Внучат расцеловать,
Допить остаток водки,
С женой дофехтовать —
И в путь.
К Харону.
К лодке.

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ

Россия под гипнозом Сатаны.
Сто с гаком миллионов — зомбобесы.
«Войны хотим! Мы требуем войны!» —
Орут они, отбросив политесы.

У главаря чертей глаза пусты,
Мир захватить решил пахан плюгавый.
Над ним вознёс кровавые кресты
Его подельник, патриарх лукавый.

В Израиле, где вечный балаган,
Всё обстоит серьезнее намного:
Здесь, обнажив ислама ятаган,
Сам Сатана пошёл войной на Бога.

БАРДАК

У власти — трус. Банкуют леваки.
 В парламенте — то фарс, то оперетка.
 Права качают наглые совки.
 Враг осмелел. Обосралась разведка.

«О, Русь моя, родимый мой барак!» —
 Писал я в семьдесят шестом в России.
 «О, Израэль, родимый мой бардак!» —
 Пишу я в ожидании Мессии.

ОБ АВТОРЕ

Борис Камянов — израильский поэт, переводчик, публицист. С 1976 года живёт в Иерусалиме.

Автор пяти поэтических книг, а также трёх юмористических сборников и целого ряда переводов с иврита на русский язык. Ему принадлежит комментированный перевод «Песни песней» в соавторстве с р. Н.-З. Рапопортом (2000). Стихотворения и переводы опубликованы в российских антологиях «Строфы века» и «Строфы века-2».

Основатель Содружества русскоязычных писателей Израиля «Столица». Член ПЕН-клуба. Лауреат четырёх израильских литературных премий.

Эмилия ПЕСОЧИНА

АНГЕЛАМ НЕЛЬЗЯ ОПАЗДЫВАТЬ

Голову в плечи... Не оглядываться... Рюкзак выше макушки торчит, сзади не видно, кто там за ним. Не смей бежать. Или на вокзале, наоборот, можно? Мало ли, может, человек на поезд опаздывает. Так, спокойно. Вторая платформа. Шестой вагон... Вот он... Я показала билет проводнице, быстро нырнула в аккуратный, чистенький тамбур, без спешки перешла в седьмой вагон, проскользнула в туалет и повернула задвижку. Благо, в международных поездах туалеты не закрывают, когда поезд стоит. Можно немножко отдышаться. Не будут же эти во все подряд туалеты вламываться и проверять, кто там засел. Или будут? Да нет, тут французов полно, поэтому не станут перед иностранными гражданами очернять лик великой страны... Или эти станут? Им что лик страны, что задница — без разницы! Они преследуют жертву, настигают и загрызают. Медленно, со знанием дела, с наслаждением...

Состав вздрогнул, как будто его застали врасплох за нехорошим делом, покряхтел и сдвинулся с места. Сквозь непрозрачное окно туалета всё же было видно, как поплыли фонари перрона.

Надо выходить из убежища. Иначе соберётся нетерпеливо пританцовывающий народец и начнёт возмущённо пыхтеть: ишь, застрял кто-то, а другим тоже требуется! Я щёлкнула замком, приоткрыла дверь, осторожно выглянула. Коридор был пуст. Перешла обратно в шестой вагон, нашла своё купе. Тоже никого. Поезд набирал скорость, за окном летел ливень и раскатывал струи лентами по стеклу. Вошла проводница, забрала билет: «Так... вы, значит, до Парижа... А вещи? Что, только рюкзак? Люди обычно такие чемоданы прут... Прямо шифоньеры целые... А вы, значит, налегке...» Я с перепугу ляпнула: «А у меня там родня! Есть во что одеться-обуться!» Тётка завистливо вздохнула, предупредила, что по пути следования подсядут ещё пассажиры, и двинула дальше по вагону.

До Парижа... Если бы... Раз эти не взяли на перроне, значит, будут ждать на следующей станции. Не они — так другие. Куда им торопиться? Понимают, что из поезда на полном ходу выскочить — это разве что каскадёру под силу, но не тщедушной, слегка близорукой журналисточке. Однако всё же проще было бы меня прямо на перроне заgrabастать, а не устраивать корриду, типа «операция „Перехват“ ... Ладно, пока что едем... „Едем-дудим, с пути уйди...“ „Мы едем-едем-едем...“ Наверное, от нервов такое в голову лезет.

Странно... Уже четвёртая станция — и ничего... Точнее, никого. Никто меня пока не тронул. Подсели две пожилые одышливые тётки, едут в Польшу. Угостили домашними пирогами с капустой, картохой в мундирах, яйца крутые тоже наличествовали и огурчики солёные... Всё в ассортименте, как водится. А я не стала чиниться и поела. Взамен предложила магазинное печенье к чаю. Танька мне больше ничего не успела в рюкзак впихнуть. Не до того было. Но соседки поулыбались, от печенья отказались, достали ещё пирогов, со сливами, с яблоками... Вот так, с пирогами и полным желудком ехали до польской границы.

Когда по вагонам пошли таможенники и пограничники, страх начал раскачивать сердце с такой силой, что оно, похоже, решило совсем вылететь из грудной клетки и по-сумасшедшему билось о рёбра. Однако парни проверили визу, поставили штампик в паспорт, равнодушно заглянули в раскрытый рюкзак и перешли в следующее купе. А сердце осталось на месте и успокоилось.

За окном тянулся густой ночной морок, разбавляемый так и не прекратившимся ни на минуту дождём. В Варшаве хлебосольные попутчицы вышли. Их место заняли две девицы с огромными рюкзаками. Они сжевали хот-доги, выпили по бутылочке пива, завалились на полки и спали беспробудно всю дорогу до Берлина, где и сошли. На гулком подземном Главном вокзале в купе появились вежливые, подтянутые немцы — по всем признакам, супружеская пара. Они достали одинаковые пластиковые коробки с заранее нарезанными на кубики фруктами, аккуратные бутерброды с сыром и листьями салата, запили минералкой без газа и улеглись на полки с дорожными романами в руках. Никто меня больше не кормил, пироги из желудка давно исчезли, и он тоскливо и довольно громко завывал. Денег было катастрофически мало, их следовало экономить, а не тратить на дорогостоящее меню вагона-ресторана. От пачки печенья остались жалкие крошки.

Но какое это имело значение, когда никто — вообще никто! — не пытался схватить, заломить руки за спину, поволоочь в страшную маши-

ну — преддверие ада! Почему они меня выпустили? Не успели догнать? Поленились? Получили указание не трогать? Мол, пусть сваливает... Что теперь гадать, когда поезд уже катит по Швейцарии...

Дождь... Прямо какой-то вселенский ливень... Уже третьи сутки. Может, это всемирный потоп начался? Накроет постепенно всю сушу... Нью-Йорк — Лондон — Париж... Тогда всё это затеянное бегство бессмысленно. От потопа куда денешься?

Шесть часов вечера... Грязные, обшарпанные предместья Парижа... Скучный, серый, тёмный вокзал. Дождь... И здесь тоже льёт... Но пока без потопа.

Танька объясняла: выйти из здания вокзала, потом по улице налево, на третьем перекрёстке направо, идти до рю де Малере, дом шестнадцать, позвонить внизу, сказать, что от Андре, ждать ответа, подняться на последний этаж, мадам Люси Лефер пускает на одну ночь переночевать (она, говорят, немного чокнутая, но берёт за ночлег всего лишь десять евро). Вот и всё, совсем простая инструкция. Но у вокзала два выхода. Какой из них? Ладно, куда-то надо всё равно идти, так почему бы не в этот выход? Капюшон на голову, рюкзак на плечи — и под ливень! Ветер какой мерзкий! Улица почти пуста. Идти налево. Интересно, когда же первый перекрёсток? Не говоря уже о третьем! Или это не та улица? Наверное, надо было через другой выход... Придётся возвращаться.

Начинаем сначала. Выход номер два. Улица налево. Первый перекрёсток. Отлично. Второй перекрёсток. Ещё немного, ещё капельку... Третий перекрёсток. Направо. Навстречу юнцы, кажется, пьяные. Много. Человек пятнадцать. Идут прямо на меня. Что-то орут, я не понимаю ни слова. Вижу в свете синеватого фонаря радостные шакальи оскалы в предвкушении весёленького развлечения. Разворачиваюсь и бегу. Рюкзак надо бы скинуть, но нет времени. Мчусь, сердце опять раскачивается, а дыхание постепенно иссякает. Топот, улюлюканье близко. Перелетаю через перекрёсток, ныряю в тёмный переулок, в подворотню, снова в переулок. Вижу узкий проём между двумя домами, в нём ящики с мусором. Ныряю за ящик, и, поскользнувшись на какой-то дряни, падаю. Думаю: какая всё-таки подлость — отдать концы в вонючей дыре, на мусорке! Шакалы питаются падалью. Наверное, я и есть падаль. Упала ведь. Дождь, тьма, чужая страна, чужой город, чужой язык, загнанное дыхание — всё, меня уже почти нет. Пора прощаться. Какую молитву положено перед смертью читать?

Юнцы проносятся мимо. Топот постепенно затихает. Собираюсь покинуть убежище, но они возвращаются, опять слышны пьяные выкрики. Замираю за ящиком, кажется, даже не дышу. Но шакалам, видно, надоедает охота, и они действительно уходят. Через полчаса я решаюсь выглянуть, выхожу из укрытия. Никого. Ливень усилился, мокрая, грязная куртка воняет отбросами. Но это ничего, это всё-таки жизнь... И куда теперь? Я не понимаю, куда надо идти. Какие-то переулки, закоулки, подворотни. И ни души. Может, оно и к лучшему...

Где же тот перекрёсток, от которого свернуть направо до рю де Малере? Почему-то совсем нет сил. Кажется, я сейчас опять упаду, на это раз в лужи, физиономией в старые окурки на асфальте... Есть у меня ангел-хранитель, в конце концов? Куда он смотрит? Клиентка, можно сказать, погибает! Останавливаюсь под каким-то балкончиком. Надо перевести дух, иначе и впрямь можно окочуриться. Из дождя выплывают две толстые тётки латиноамериканской наружности, подходят ближе, улыбаются мне наполовину беззубыми ртами. Что-то говорят... Я пожимаю плечами и отвечаю заученной фразой: «Же не компран па». Не понимаю, мол, ничегошеньки. Они стоят, не уходят. Я решаюсь, выкрикиваю: «Рю де Малере! Силь ву пле, мадам!» — и молитвенно складываю руки. Тётки понимающе кивают и делают приглашающий жест рукой: пойдём!

Мы тащимся сквозь дождь по пустынной улице и через пять минут оказываемся на уже знакомом перекрёстке. Направо — и вот она, эта самая рю! Мои спасительницы решительно ведут меня вдоль задрипанных домов с мансардами на верхотурах. Возле дома номер шестнадцать я останавливаюсь и радостно показываю на него пальцем. Дамы довольно кивают, машут ручками и исчезают за сеткой ливня. Среди множества табличек возле входной двери нахожу «Люси Лефер», нажимаю на кнопку звонка, называю имя-пароль: Андре. Дверь отворяется. Тёмная винтовая лестница круто забирает вверх. Доползаю до последнего этажа. На пороге дама с коротким седым ёжиком и запавшим беззубым ртом. Растянутый свитер неопределённого цвета, рейтузы. Входим в слабо освещённый коридор, и я ору с перепугу! Всё пространство вдоль стен занято рейками, на которых висят на ниточках раскрашенные, величиной с женский кулачок, черепа, сделанные из какой-то серой массы. Румяные скулы, чёрные глазницы, белый оскал, разноцветные причёски, сделавшие бы честь любому панку! Что за жуткая фантазия!

Мадам Лефер равнодушно наблюдает за моими эмоциями, что-то говорит на французском, я попугайски сообщаю, что не понимаю. Тогда следует красноречивый международный жест: деньги давай! Получив купюру, хозяйка изображает приветливость и интересуется моим именем. Отвечаю: Ната! Она тут же повторяет, ставя ударение на свой манер: Natá — и толкает одну из дверей, показывает туалет и крошечную душевую кабинку. Потом включает свет в какой-то нише и машет рукой: туда! Три ступеньки вверх, снова дверь. Входим. Мансарда, не больше вагонного купе. Два окна друг напротив друга. Между ними узкая койка, застеленная белоснежным постельным бельём (ну, хорошо, что не какое-то грязное тряпье). Рядом втиснут единственный, выдавший виды стул. Мадам уже почти ласково произносит: бон нуи — доброй ночи! — и удаляется.

Стягиваю с себя пропитавшиеся влагой шмотки, отчищаю от грязи куртку, вешаю на стул, остальное раскладываю на свободном прямоугольнике пола. К утру всё должно быть сухим. Спускаюсь вниз, чтобы принять душ. Вода из крана течёт холодная. Сбоку притулилась какая-то конструкция, видимо, нагреватель. Пытаюсь включить. Никакой реакции. Выглядываю в коридор. Дверь с матовым стеклом ведёт, наверное, в комнату хозяйки. Но там тихо и темно. Моя мечта стать под горячую струю и, наконец, согреться, похоже, накрылась медным тазом. Кое-как моюсь под холодной водой. Выхожу, ищу что-нибудь похожее на кухню, чтобы вскипятить чай. Ни малейшего намёка. Ташусь в мансарду, делаю несколько глотков из бутылки с минералкой, некормленный желудок немедленно взывает, но мне его утешить нечем. Натягиваю поверх пижамы пуловер, ныряю в постель, долго дрожу от холода под тонким одеяльцем, постепенно всё же погружаюсь в сон. И тут же просыпаюсь: где-то совсем рядом на полную громкость врубили визгливую музыку! Похоже на концерт стаи гиен. Подскакиваю и пытаюсь определить источник звука. Отодвигаю занавеску на одном из окон и отшатываюсь: на расстоянии вытянутой руки напротив окно мансарды соседнего дома. Оно ярко освещено, не занавешено. Посреди комнаты стоит совершенно голый старик с отвисшим чуть не до колен брюхом и восторженно пританцовывает под дикие завывания! Да уж... Я бы, может, открыла окно и наорала на этого придурка, но словарный запас не позволяет. Придётся терпеть.

Перехожу к противоположному окну, чтобы чем-то себя занять. Внизу хорошо освещённая и, несмотря на поздний час, довольно оживлённая улица. Ползут машины, подсвечивая стеклянные нити

дождя красным и золотым. Очертания людей в надвинутых капюшонах или под зонтами расплываются на тротуаре в свете фар. Кажется, что это какие-то разноцветные пауки в глубинах чёрной ночной воды.

А музыка визжит так, что подрагивают стёкла. Внезапно к ней добавляется пронзительный вопль, как будто по стеклу провели железом и усилили тысячекратно. И этот вопль доносится из хозяйкиной комнаты. Я покрываюсь холодным потом, мгновенно слетаю вниз по ступенькам и настезь распахиваю дверь с матовым стеклом. Мадам Лефер в ночной рубашке с кружевами с мечтательным видом сидит на подоконнике перед открытым окном и в полном экстазе верещит в такт гениальному произведению! Голый дед свесился из своего окна по пояс и азартно дирижирует. Э-э-э, да тут свидание Ромео и Джульетты! Беззубая Люси поворачивает голову и делает недовольную гримасу: мол, чего ты припёрлась, видишь, мы заняты делом!

Возвращаюсь в свой закуток, трясусь уже не от холода, а от смеха, даже похрюкиваю немножко! Вспоминаю песенку Визбора из прошлого века: «Моя дорогая Люси, шанс на любовь свою не упусти!» А дед ей в ответ, тоже из Визбора: «Ты у меня одна, словно в ночи луна!» Прямо кино! Интересно, и давно это у них? Зеваю во весь рот. В который раз залажу под одеяло. Укладываюсь на бок. И засыпаю прямо под всю эту бешеную дичь...

Мне снятся вчерашние латиноамериканские тётки... Они огромные, перебрасывают меня друг дружке из рук в руки наподобие куля с мукой и при этом распевают: «Ната́-а-а... Ната́-а-а...» Я открываю глаза. Меня действительно трясут за плечо. Какая-то незнакомая тётка-брюнетка склонилась надо мной, настойчиво повторяет: «Ната́-а-а... Ната́-а-а...» — и жестами показывает: вставай и поторопись! Эт-то ещё что за явление?! И тут до меня доходит: мадам Лефер так преобразилась с утра пораньше. Она напялила парик с чёрной короткой стрижкой, во рту сияют белозубые вставные челюсти, на щеках крутой румянец, на веках изумрудные тени, в ноздре пирсинг. Антураж дополняют длинный чёрный пуловер с пляшущими скелетами и дивного изумрудного цвета лосины. Да, воистину красоту ничем не испортишь!

Из пулемётной трескотни Люси я не понимаю ни слова, но, судя по всему, время ночлега истекло, пора освободить апартаменты! Быстренько подскакиваю, наскоро умываюсь, напяливаю на себя вчерашние, к счастью, уже высохшие одёжки, наспех закидываю разные мелочи в рюкзак и вылетаю в коридор. Моя красотка занята укладыванием

черепов на ниточках в просторный ящик. Рядом стоят складные столик и стульчик, лежат планочки, реечки, крючочки, верёвочки... Мадам Лефер загружает их в другую коробку. Меня осеняет: это же маленький бизнес! Люси торгует размалёванными черепушками в качестве сувениров. Поня-а-тенько...

В дополнение к рюкзаку на плечах я получаю под мышку коробку с подсобными материалами. Столик и стульчик в огромной сумке через плечо несёт мадам. Свободной рукой мы с двух сторон хватаемся за ящик с черепами, эдакой сдвоенной каракатицей выполняем из квартиры и очень медленно, чтобы не грохнуться, спускаемся вниз по винтовой лестнице: Люси первая, я за ней... На удивление, без эксцессов достигаем входной двери и вываливаемся на улицу. Дождя нет, небо чистое, начинает светать... Дама складывает всё своё хозяйство в некое подобие детского фургончика, пристёгнутого к велосипеду, звучно шмыгает ноздрей с пирсингом и лихо укатывает прочь.

Полседьмого утра! Приспичило ей ни свет ни заря! И меня подняла! Ещё спать бы да спать! Мне нужно теперь добраться до парижского бюро нашей международной вещательной компании, на рю де Мер, четыре. А там работа начинается в половине десятого утра. Танька звонила Жилю, он у них главный... Ох, что бы я без моей золотой подруги делала... Так вот, Жиль сказал, что мне дадут работу в редакции и подыщут недорогое жильё. Но до открытия бюро ещё три часа. Есть хочется просто невыносимо! Надо где-то позавтракать, в каком-нибудь недорогом кафе... Денег немножко есть пока...

Я побрела по рю де Малере, свернула на большую улицу, наверное, ту, на которой я вчера видела ночных людей-пауков... Сейчас на ней тоже было довольно много прохожих и машин. Небо над пока ещё толком не проснувшимися домами наливалось высокой голубой водой, расправляло слежавшиеся за ночь лёгкие стопки мелких облаков. Золотистая игла крошечного самолётика прошивала толстой белой нитью зенит. Пушистая полоска становилась всё толще, тянулась к горизонту. Её перечеркнула чёрными пунктирными линиями птичья стая и исчезла, оставляя пустую голубизну. И тут из-за крыш выскочило солнце и выстрелило в мир миллионы весёлых лучиков. Они начали бестолково и радостно тыкаться в окна домов, витрины, стёкла машин, прыгать в глаза, заставляя щуриться. Старые особняки словно помолодели и приосанились. Люди понимающе улыбались: конечно, ослепительным малышам надоело сидеть взаперти за плотными тучами — и вот теперь они устроили целую кутерьму на приволье!

Вывеска «БУЛОЧНАЯ-КОНДИТЕРСКАЯ» привлекла моё внимание, а запахи кофе и свежей сдобы немедленно затащили меня внутрь заведения. За прилавком стояла очень пышная немолодая блондинка и выкладывала на витрину горячие булочки. На стене висело меню, и в нём присутствовало слово «омлет». Попытка сделать заказ на английском не увенчалась успехом: меня не поняли. Кондитерша протянула мне распечатанную копию меню, я ткнула пальцем в «Омлет», «Кофе» и наугад в какой-то вид булочек. Остальные слова мне были совершенно незнакомы. Я расплатилась, уселась за столик и пять минут спустя получила всё по списку, а также ломтик сыра, кругляшку сливочного масла, пакетик с конфитюром, сахар и сливки. Ещё через пять минут от принесённых яств не осталось и следа, я облизнулась, как изголодавшаяся и ещё не совсем насытившаяся кошка, вздохнула, и решила посидеть несколько минут просто так, для удовольствия...

За соседним столиком восседала дама такой выдающейся комплекции, что её тело свисало с обеих сторон стула, выпирало через неглубокий вырез пуловера, раздувало рукава до подобия воздушных шаров. Тарелка перед ней была заполнена яичницей размером со спутниковую антенну. Рядом стояли блюдо с нарезанными сыром и ветчиной и большая чашка кофе. В корзиночке лежали толстые ломти белого хлеба. Венчал композицию изрядный кусок клубничного пирога со сливками. Толстуха не спеша мастерила бутерброд, щедро намазывая его маслом, и добродушно переговаривалась с пышной блондинкой. Обе украдкой кидали на меня сочувственные взгляды. Наверное, худоба и замученный вид иностранки вызывали у них жалость. Да и то, как бережно и внимательно я отсчитывала монеты у прилавка, говорило о многом. Оставалось встать и уйти, но, когда я поднялась из-за столика, хозяйка заведения жестом меня остановила и пригласила снова сесть.

Через минуту она поставила передо мной тарелку с клубничным пирогом и шоколадным круассаном и чашку ароматнейшего чая, в котором плавал ломтик лимона. Я испуганно потянулась за портмоне, прикидывая, хватит ли оставшихся монеток, чтобы рассчитаться. Но блондинка отвела мою руку с деньгами, отрицательно покачала головой и удалилась куда-то вглубь кондитерской. Наблюдавшая за этой сценой толстуха ободряюще кивнула и жестом показала: давай, ешь! Пока я уплетала все вкусности и с наслаждением прихлёбывала чай, дамы ещё что-то обсудили. Необъятная посетительница приобрела объёмистую коробку печенья и протянула её мне. Я робко протесто-

вала, но она погрозила пальцем и положила коробку мне на колени. Я поднялась и, бесконечно «мерсикая», вышла на улицу. Было приятно, что сегодня я точно не пропаду с голоду, но и стыдно за принятую, пусть роскошную, но всё же милостыню. В роли попрошайки мне ещё не приходилось бывать, но — лиха беда начало...

На улице веял тёплый ветерок, ласково поглаживая мои выдающиеся лопатки. Мне подумалось, что это ангел-хранитель таким образом подбадривает и утешает свою подопечную. Он ведь пока что приходил на помощь исключительно вовремя, ни разу не опоздав.

Однако следовало начинать поиск нашего бюро. С третьей попытки удалось найти прохожего, который знал, как попасть на рю де Мер, находившуюся, как выяснилось, не так уж далеко от ангельской кондитерской.

Я бодро шагала по указанному маршруту, отсчитывая перекрёстки, повороты, светофоры как ориентиры. Солнце работало вовсю, и куртка отправилась в рюкзак вместе с подаренным печеньем. Все люди казались мне радостными, французская речь звучала нежной музыкой, и даже шумные стаи подростков выглядели симпатично, ничем не напоминая вчерашнее пьяное шакалье племя.

Неожиданно в исходившее от людского потока грассирующее журчание ворвалась отборная нецензурная брань на слишком хорошо знакомом мне языке. Из-за угла вывернули двое квадратных мужиков, одетых в одинаковые серые куртки, и пошли прямо на меня. Они? Эти? Нашли всё-таки? Как? Следили? Впрочем, это уже не имело значения. Бежать среди бела дня было невозможно и бессмысленно, да и некуда. Квадратные быстро приближались, наклонив вперёд лоб и бычьи лбы, и смотрели на меня злыми кабаньими глазками. И тогда я решила: помирать, так с музыкой — и пошла прямо на них по центру тротуара, набирая скорость. Расстояние между нами сокращалось катастрофически быстро. Сердце раскачалось, затрепыхалось и ткнулось в рёбра, словно ищущий защиты щеночек. Но я ему ничем не могла помочь. Вот, сейчас эти со мной поравняются и...

Они обошли меня с двух сторон и... И пошли дальше. Просто пошли дальше, выплёвывая в просвеченный солнцем воздух мерзкие, чёрные слова. Я по инерции продолжала мчаться вперёд, но через минуту ноги вдруг резко ослабели, голова закружилась. Пришлось ухватиться за ближайшее дерево. Несколько человек остановились рядом и что-то говорили, а я только мотала головой и судорожно кашляла. Какой-то парень достал из своего рюкзака бутылочку с минералкой, отвинтил

крышечку, положил лёгкую и тёплую ладонь мне на затылок и стал поить как маленькую. Пожилая дама гладила меня то по голове, то по плечу и говорила, наверное, что-то очень утешительное.

Наконец, кашель прекратился, зато потекли слёзы. Сердце вернулось на место и заработало с обычной прилежностью. Парень по-английски спросил, чем может помочь. Я, всхлипывая, ответила, что ищу рю де Мер, дом номер четыре. А он взял меня за руку — опять как маленькую — и повёл сквозь толпу. Из его рюкзака за спиной свисали рукава белого свитера — видно, не одной мне стало жарко... А, может, это были усталые крылья... Ангелам нельзя опаздывать.

ОБ АВТОРЕ

Эмилия Песочина родилась в Харькове в семье преподавателей английского языка. Доктор медицины. В 2001 г. эмигрировала в Германию. Член Врачебной палаты Нижней Саксонии.

Изданы четыре сборника стихов: «Ковчег и качели» (2001 г.), «Чужой город» (2002 г.), «Волкополье» (2006 г.), «Разговор со звездой» (2011 г.). Публикации в журналах разных стран. Стихи, в том числе антивоенные, включены в международные сборники и альманахи.

Член Харьковского Клуба песенной поэзии им. Ю. Визбора. На стихи Эмилии написано более двухсот песен, вошедших в состав более тридцати песенных дисков, создано множество клипов.

Эмилия Песочина — лауреат, дипломант и финалист международных литературных конкурсов.

Зинаида ВИЛЬКОРИЦКАЯ

МЕНЯ ЗОВУТ БАСЯ

*...В крошечной тьме,
Запутавшись средь звёзд,
В холодной бесконечности
Иду сквозь шорох детских слёз
Над краем Вечности...*

Галина Феликсон

— **Н**ичего не бойся и ни о чём не думай. Хорошо, Бася? Закрой глаза. Представь, что лежишь на сеновале. Над тобой — бездонное небо аквамаринового бархата и яркие-яркие звёзды, какие бывают только в августе и в середине января. Стрекохот цикады. Мириады звёзд разбавляют густые тёмно-синие сумерки — и взлетают то вверх, то вниз, переплетаясь в танце Вселенной. Дивное благоухание полевых цветов и свежескошенных трав убаюкивает тебя, а ты смотришь в эту безмятежную даль и чувствуешь себя крошечной песчинкой в огромном мире, который нельзя охватить ни взглядом, ни мыслью... Ничего не бойся — и ни о чём не думай. Обними меня и маленького Мотеле... Всё будет хорошо, Бася.

— Мне хорошо, мама. Мне хорошо... Я выплываю из чёрного омота на сверкающую теплоту...

Так и не узнав, как шумит море... Как выглядит апельсин... Как звучит музыка несбывшейся мечты... И что такое стать взрослой.

* * *

— Что там у тебя, Серя?

— Гриб.

— Не гриб это. Глаза-то... вон как забегали! Ну-ка, кулак разожми...

— Земля это, Витёк. Просто земля. Комок земли.

— А из комка что торчит? Монета?

— Не монета. Серёжка вроде.

— Золотая? Дай посмотреть.

— Отстань. Она жидовская.

— Откуда?

— Оттуда. Где жидов убивали. Вон за тем деревом. Место тихое, неприметное. Богом и людьми забытое. Ни указателя, ни обелиска, ни надгробной плиты: сто раз мимо пройдёшь — не заметишь. О нём мало кто знает. Всех, кто знал, уже нет... А больше некому знать. Разве что полициям недобитым, да и тех уже ноги не носят.

— Властям заявляли?

— Зачем? Кабы они хотели знать, давно узнали бы. Им удобно не знать, а мы... Мы люди маленькие. Властей по пустякам не беспокоим. Мёртвым, Витёк, всё равно где лежать. На два метра под землёй... На полметра... Хоть так, хоть так — не воскреснут.

— Ещё что-то стоящее там есть? — порой голос алчности сильнее гласа души. Её истинное звучание проявляется в самых неожиданных ситуациях.

— Нету вроде. Кости и есть кости. И черепа. В основном — детские. Семь десятков лет прошло. Там уже до нас рылись и рылись.

— Лишний раз копнуть не мешает. Как назло, дождь начинается. Закончится, подсохнет — наведемся. Авось, что-то и осталось. Наше от нас не уйдёт.

* * *

Сергей Шквыря не был ни вором, ни бандитом, ни убийцей. Он был заурядным мародёром. Искал, чем поживиться — и нашёл. «Лишний раз копнуть» помешал сильный дождь с градом. Всю дорогу, пока до дома добирался, по мотоциклетному шлему барабанил. Злился за то, что мёртвых потревожил? Ерунда это всё.

Наскоро отмыв-отчистив добычу от земли, Шквыря включил настольную лампу, взял лупу... Таки золото. Ничейное. Серёжка в виде меноры — еврейского семисвечника. «Серёжка». Так называла его... Ладно. Проехали. Была — и сплыла. Скатертью дорога. Пора на боковую. Может, что-то путное приснится. Футбол, например.

* * *

Ночью, как по заказу, приснился Сергею футбольный матч.

— Ну же, Серя! Ну! Бей! Ты должен забить гол! — ревели трибуны.

Мяч был... странной формы. Будто голову ребёнка отделили от туловища и...

— Ты что, спишь? Пасуй! Не спи! Па-а-а-су-у-уй, Серя-а-а-а-а!

Огромные чёрные глаза «мяча» смотрели не мигая. В кудрявой копне антрацитово-чёрных волос блеснула серёжка.

— Мне холодно... Мне очень холодно...

— Свят, свят, свят! — Сергей проснулся в ледяном поту. — Неужели они... и мёртвые... своих защищают?

Вот чёрт. Где-то от бабки свеча завалилась. Баба сильно верующая была. Сергей в церковь не ходок, но свечу зажжёт. За упокой души. То ли своей собственной, то ли той, убиенной.

Свеча горела всю ночь. Кошмары больше не снились, но было кое-что наяву. Добыча-то... с еврейским норовом оказалась. Хотел с раннего утрачка по старой доброй традиции справить малую нужду на любимые Викины астры — не смог. Надумал огреть палкой вечно беременную Мурку — рука онемела.

Чего ради? Из-за этой блудливой кошки Вика ушла. Котят он, видите ли, утопил, бездушный-равнодушный. А если человеку тишины хочется? Ежели не топить, весь двор в котках будет. Они каждые три месяца рождаются! Орут, под ногами путаются... Но Вике — по фонарю. Пришлось поучить уму-разуму: пару рюмочек хлопнул, по зубам съездил, по стенке чуток размазал... А она... Принцесса гордых цыганских кровей... Выпрямилась во все свои метр пятьдесят пять, ни слова не сказала — и ушла, в чём стояла. Пузом вперёд, носом кверху...

Ушла — и ушла. Оно и к лучшему. Есть чем заняться. Сам себе хозяин. Свобода, независимость, рыбалка, грибы, охота, футбол... С друзьями закадычными, с пивком да таранькой — самый смак. Развод подписал ей, конечно. Не изверг какой. Сына признал, на свою фамилию — Шквыря — оформил. От родной крови не отказался. Алименты платит исправно. За кого обидно, так это за Джека. Пошёл за Викой, предатель, и не оглянулся. Как она справляется — разведёнка с ребёнком? Её дело. Но замуж не спешит. Пятый год не спешит. Да и Сергею новый хомут на шею не к спеху. Куда спешить? Все бабы одинаковые. И мужики благородством не шибко богаты. Не стоило ей уходить. Мурка-то — пострадавшая сторона — не ушла и не уйдёт. Твари кошачьи, как ни обижай, к месту привязаны...

С Муркой поладить проще, чем с Викой. Есть кому «здрасьте» сказать, тапком воспитнуть, поясницу согреть... И чего она так мяучит?

Заставил себя вылезти из-под тёплого одеяла. Кто-то за окном торчит-маячит. Подошёл к окну, отодвинул занавеску...

Огромные чёрные глаза ребёнка смотрели не мигая. Кудрявая копна антрацитово-чёрных волос намочла от дождя.

— Мне холодно. Открой!

— Что за чертовщина? — на ватных ногах отошёл от окна, задёрнул занавеску...

— Я не чертовщина! Я Мишанька! Открывай уже!

— Ни фиги се... Мишанька! Богатым будешь! — Шквыря присвистнул от неожиданности. — Когда ты последний раз стригся? Из-за этой твоей чернявой-кучерявой шевелюры я... это самое... родного сына не признал!

— В понедельник постригусь! Я к тебе на все выходные в гости пришёл! Мама Вика разрешила!

— Ладно. Пойдём, машинку тебе купим, — расщедрился Сергей. — На дистанционном управлении. Хочешь машинку?

— Лучше куклу, — сказал Мишанька, не отрывая взгляда от картонки с серёжкой. — Мне кукла нужна.

— Кукла? Зачем? Ты же мальчик. Мужчины в куклы не играют!

— Я не себе. Я девочке.

— Какой ещё девочке? Не дорос ты, Мишань, за девочками бегать. У девочки есть родители. Пусть они ей покупают!

— Они не могут. Их нет. И её нет.

— Откуда ты знаешь?

— Она мне сама сказала.

— Ну-ну. Как она могла сказать, если её нет? Мал ты ещё, Мишанька. Сказку-выдумку от были не отличаешь.

— Отличаю! — Мишанька говорил как взрослый. — Она дышит. Она живая.

— Кто? Серёжка?

От перепадов света и теней крошечная золотая менора и впрямь... словно пробуждалась к жизни.

— Пора завязывать с выпивкой, — подумал Шквыря. — Вон как в ушах звенит. Неспроста это. Голоса чьи-то, детский плач... Ветром принесло? Нет, не ветром. Значит, серьга. И что с ней делать? Избавиться? Договорился с Витьком на три бутылки «Хортицы» поменяться — рука не поднялась, ноги не шли. Как отделаться от этого наважде-ния?

— У серёжки есть девочка! — не умолкал Мишанька. — Ей холодно. Её зовут Бася.

— Она тут?

— Она не тут. Она там.

— Ты её видишь? — Сергею припомнилась покойная Викина бабка-цыганка. Сквозь землю на три метра видела. Пропавшее находила. На картах всю правду раскладывала. Неужто Мишанька в прабабку пошёл?

— Я не вижу! Я просто знаю, что она там. Жаль, что убили её вот так. Полицай пули для охоты приберёт, а Басю — черпаком большим. Так сильно ударил, что ручка сломалась.

— Как ты можешь... Если она...

— Она там! — повторил Мишанька. — Она покажет, где. Только туда ногами — далеко. Туда ехать надо.

— Зачем? Кому это нужно? Ей?

— Нет. Это не ей. Это нам нужно! — Мишанька схватил мотоциклетный шлем. — Поехали?

А ведь он прав. Маленькие дети видят и чувствуют то, чего не видят и не чувствуют взрослые. Это не мёртвым — живым нужно. Зачем — и сам не знаешь. Каждый из нас платит за свои поступки, не подозревая, насколько велика цена. Ладно. Заплачú.

Поехали!

* * *

...Это было то самое место. В ушах снова зашумело. То ли шелест листы. То ли стук ветвей. То ли шёпот чей-то. То ли стон. То ли смех.

Мишанька слез с мотоцикла и шагал сюда так уверенно, будто и впрямь вела его неведомая сила. А потом вдруг исчез.

— Мишанька! Ты где?

Тишина.

— Мишанька! Ответь!

Тишина. Вика узнает — убьёт.

— Мишанька!!!!!!

Гулкое эхо всколыхнуло тишину и зазвенело цыганским монистом Мишанькиной прабабки. На небольшой, всего лишь полуметровой глубине, виднелись останки тех, у кого растоптали право на жизнь. Под «рылом» совковой лопаты со сломанным полусгнившим держакон (Мишанька «черпаком большим» назвал) был детский череп. Оружие

Басиной смерти — проржавленное, временем издырявленное — сохранило её когда-то роскошные кудри. Их не смыло дождями, не разметало ветрами... А вот и вторая серёжка. В волосах запуталась. Очень густые они были. Потому и серёжки уцелели. Их не заметили ни те, кто убивал, ни те, кто в останках копался.

Они и цыган тут убивали! Ежели бы это не в наши дни было, Мишанька там бы лежал. И Вика лежала бы!

— Мишанька!!!!!! — за считанные минуты Шквыря осунулся и поседел.

— Чего кричишь? — огромные чёрные глаза Мишаньки стали ещё больше. — Я за дерево отошёл. Мне в туалет было нужно!

* * *

Странное, всепоглощающее ощущение беспомощности и безысходности, никогда до сих пор не изведанное, накатило — и не отпускало. Фейгеле... Абиселе... А штикеле... Это кто? Души лежащих там?..

Почувствовал на себе чей-то взгляд. На самой верхней ветке могучего древнего дуба сидели птицы. Не пели, не шумели. Неподвижно сидели и смотрели. Почему не взлетают? Чего выжидают? Ветка сухая, безжизненная... Того и гляди, упадёт.

— Хочешь её увидеть? — спросил Мишанька. — Возьми меня за руку и закрой глаза.

— Меня зовут Бася...

Девочка из Мишанькиного видения существовала, но Шквыря увидел не её. Окно в доме, которого нет — и людей, которых нет. Мужские руки, красиво слепленные, держали только что выкованную серёжку-менору. Вторая менора — на подушечке-игольнице, а та игольница — на книжке полуоткрытой, с буквами непонятными. И занавеска так тихо и плавно за ветром колышется, будто всё это и впрямь наяву происходит.

— Ну-ка, взгляни, Бейле... Одна больше другой получилась?

— Абиселе. Чуть-чуть. Совсем чуть-чуть, но кто это заметит, Рувим? Их же всё равно в волосах не видно! У нашей Баси такие густые и непослушные волосы... Как ни расчёсывай, как ни заплетай, через полчасика — все пряди наружу!

— Бася, доченька, птичка моя, иди сюда, фейгеле! — предвкушая небывалую девичью радость, улыбнулся Рувим. — Примерь!

— Ох, и балуешь ты её, Рувим, ох и балуешь... Ей всего семь. Может, на бат мицву подарим?

— До бат мицвы дожить надо... А серёжки в красивых ушках — это красиво! Пусть ей будет на здоровье.

Бася кружилась и прыгала от счастья. В кудрявом облачке иссиня-чёрных завитков играли в прятки крошечные золотые меноры.

— А я? — это маленький Мотеле из-под стола выглянул. — Я тоже ребёнок! Мне тоже надо! Я не хочу серёжки! Хочу машинку! На верёвочке водить!

— Будет тебе машинка. Обещаем!

Фейгеле... Абиселе... А штикеле... В непутёвой голове Шквыри щёлкнул переключатель. Господи! Да что же это такое?! Почему я тут? Что я здесь делаю? Помочь ничем не могу... Предупредить не могу... Знаю, что будет — и беду отвести не могу.

Бегите! Уезжайте! Спасайтесь! Заглянул в окно — и снова увидел, как Рувим серёжку делает, как с женой разговаривает, как Бася серёжки примеряет — одна менора чуть больше другой...

Басе так и осталось семь. До её бат мицвы не дожил никто. Ни Бейле, ни маленький Мотеле... Рувим погиб в сорок третьем под Сталинградом, так и не узнав об этом.

* * *

... Кого трогают трагедии чужого народа? Когда человека это не касается, ему плевать. А когда хоть чуть-чуть понимаешь, каково в этой шкуре, доходит до тебя то, чего не знал, не до конца понимал... Или не хотел понимать. Боишься за своего ребёнка больше, чем за себя, но ничего сделать не можешь. Откуда оно взялось? Как от этого избавиться — и стоит ли избавляться?

Как назло, мотоцикл заглох. И телефон, как назло, разрядился. Пришлось на своих двоих домой добираться. Мишанька вначале на шее отцовской ехал. Потом на спину перебрался. Пригрелся, придремал... То ли сны Мишанькины в Сергееву голову забрели, то ли что-то в душе пробудилось. Снова и снова видел Шквыря невидимое, давно ушедшее и не с ним происходящее. Фейгеле... Абиселе... А штикеле... Что за мужик на лавочке сидит, над книжкой в молитве качается? Незнакомый мужик. Не нашенский. Шквыря его никогда не видел. Книжка тоже не нашенская. Чей это дом? Молчит мужик. Немой, что ли? Подошёл — нет никого.

* * *

Порой голос души сильнее гласа алчности. Его истинное звучание проявляется в самых неожиданных ситуациях. «Ты не серёжку нашёл. Ты себя нашёл. Душу свою человеческую», — пульсировало в ушах.

И что с этой душой делать? Как жить? Кому она нужна? Не может же вдруг человек стать другим человеком? Может. Если влезет в шкуру того, другого, — и поймёт, каково это, — может. Пойдёт к «властям» кричать и ругаться. Схватит за галстук, стащит с насиженного кресла и с криком «Я вас до печёнок достану! Я из вас душу вытрясу!» — загремит на пятнадцать суток.

Отсидит — и опять за своё.

— Ты чё, Серя, сдурел? — скажет ему Витёк. — С какого бодуна ты на главного архитектора города кинулся? На кой леший еврейским вопросом занялся? Угомонись. Мало тебе кутузки за хулиганство в государственном общественном месте?

— Эх, Витёк, не созрел ты человеком быть... и никогда им не станешь! — ответит Шквыря. — Эта серёжка мне душу наизнанку вывернула! Там люди погибли! Памятник... Хоть бы камень какой-то... Уважение элементарное проявить... Всего-навсего похоронить по-человечески...

— Зачем тебе лишняя головная боль? — скажет Витёк. — Кому это нужно? Им?

— Это не им. Это нам нужно! Это живые люди были! У них были свои судьбы! Свои жизни! Свои семьи! Они так же любили и баловали своих детей, а теперь валяются, как собаки в непризорные...

— И что? Семьдесят лет валялись — пускай и дальше лежат. Они тебе вообще никто и звать их никак. Ты-то чего... за жидов... горло дерёшь? Сколько можно эту тему мусолить? Сам говорил, там ничего стоящего! Кости, черепа...

— А волосы? Это волосы Баси! У той серёжки есть девочка, понимаешь? Её зовут Бася!

— Что за Бася? Откуда взялася? Сколько таких Бась непохороненных... Имя нерусское... Не людское...

— Людское имя! Людское! Человеческое! Мы же сами людьми быть перестанем, если хоть что-нибудь для них не сделаем! — неожиданно поддержит Вика. И не только поддержит, но и шум поднимет, народ организует. Школьников, студентов, своих сотрудников... Весь завод сельхозмашин с лопатами-граблями вышел. Высшее начальство тоже подключилось.

— Папка, ты совсем-совсем другой стал... — шмыгнёт носом Мишанька. — Я тебя таким ещё не видел никогда. И мама не видела. И Джек не видел. Он в твою сторону даже голову никогда не поворачивал, а тут — смотри — навстречу бежит! Голову на колени кладёт!

— Если простила собака, значит, простили все? — Шквыря погладил собачью морду и вдруг встретился с теплом Викиной ладони.

Фейгеле... Абиселе... А штикеле... Проснувшись среди ночи, Мишанька с трудом дождался утра — и в «Детский мир». За куклой и машинкой. С родителями! С обоими!

* * *

Кого трогают трагедии чужого народа? Трогают. Отлили большую железную менору (тут и Витёк руки приложил: они у него золотые могут быть, при желании).

К субботе покрасили ограду. Собрались люди. Все. На удивление много людей. Пришёл раввин. Зазвучал бессмертный древний кадиш.

И вдруг зашумела-застонала раскидистая крона исполинского дуба, корни которого были пропитаны кровью... И под треск обломившейся ветки в небо взлетели птицы. Стая птиц.

На волю. За облака. За звёзды. Птицы казались душами, улетающими в вечность, и становились всё прозрачнее и прозрачнее... Пока не растворились в бескрайней небесной синеве... Будто никогда их и не было.

Но всё-таки они были. Одна такая фейгеле уронила пёрышко — иссиня-чёрное, как волосы Баси. Легко и свободно кружась в объятиях ветра, оно присело на чашу огромной меноры. Вот и всё. Может, души тех, кого нет, чувствуют, что кто-то помнит и чтит?

И тогда бывший мародёр Сергей Шквыря заплакал. Впервые в жизни. А чтобы не заметили ни Вика, ни Мишанька, ни Витёк, доверил старине Джеку слизнуть слезу.

ПЁРЫШКО ВЗЛЕТЕВШЕЙ ПТИЦЫ

Народная дипломатия — великая сила. Она творит чудеса, неподвластные правительствам стран и континентов. На простых людях держится мир, как ни банально это звучит.

Здравствуйте, Зина. Уверена, что многие вам говорили о том, какой глубокий, искренний и настоящий ваш рассказ о Басе. Он меня очень глубоко тронул. Вы смогли услышать-почувствовать и передать словами то, о чём не всегда говорят и хотят помнить. Не буду повторяться, да и слова небанальные найти сложно. Я хочу о другом написать.

Я человек верующий и последние несколько лет изо всех сил стараюсь не пропустить что-то важное, что Бог пробует мне сказать. Иногда это встречи с людьми. Прочитанная в определённый момент книга. Или разговор. Уже столько раз убеждалась, как — если только заметишь — это помогает понять что-то очень важное. Расставить приоритеты. Понять, что делать. Так вот. Ваш рассказ — из таких важных знаков сверху.

Уже несколько лет мы всей семьёй многое делаем для возвращения памяти о предвоенной еврейской общине в Бжеско — маленьком городке рядом с Краковом. В последнее время много сижу в архивах. Тяжело это — столько всего читать, как люди погибали. Узнавать, что в лесу недалеко от этого городка во время войны были расстреляны евреи. Они до сих пор там лежат, а я чувствую себя приблизительно так, как герой вашего рассказа, — все эти убитые стучатся, чтобы о них, наконец, вспомнили...

Анна Бжиска, Польша.

...Мороз по коже. Я тоже верю, что случайностей не бывает. За каждой — человеческая жизнь, и не одна. Подобных историй — тысячи...

Первым человеком, внёсшим лепту в эту историю, стал пан Мариан Пут. Что он сделал? Казалось бы, ничего особенного. Написал книгу о своей деревне. На четырёхстах страницах собрал всё, что было известно об односельчанах, обычаях, разных случаях... В том числе упомянул и о том, что семья Чихонских во время войны прятала евреев, которых нацисты обнаружили и расстреляли в 1944-м.

Сам Мариан был тогда ребёнком, но после войны отец показал ему сарай, где эти евреи скрывались... Холм, где они остались навечно... На основе этого воспоминания три польские школьницы-

старшеклассницы написали статью и послали на конкурс, посвящённый истории довоенной еврейской общины Бжеско и близлежащих деревень. Организатор проекта Анна Бжиска эту статью прочитала...

А вдруг свершится чудо и удастся найти последний приют невинно убиенных? Но как определить расположение могилы через семь с половиной десятилетий?

Среди жителей деревни ходили разговоры, что в том лесу может быть не одно такое место. Немцы ловили и зверски уничтожали евреев, уцелевших после ликвидации гетто и укрывавшихся кто в лесных зарослях, кто по хуторам. Без точных сведений и специальных приборов обнаружить что-либо не представлялось возможным. Непосредственных свидетелей не осталось. Вся информация — через третьи руки. Одна бабушка рассказывала о знакомстве с человеком, участвовавшим в захоронениях расстрелянных, но несколько лет назад она умерла, а внук ничего конкретного сообщить не смог. Другая свидетельница во время войны была совсем малышкой и ничего достоверного в памяти не сохранила.

Анна не сдавалась. Встретилась с паном Марианом, чтобы уточнить хоть какие-нибудь подробности. Оказалось, он может показать руины дома, где та еврейская семья пряталась от немцев.

В сарай с коровником несчастные попытались убежать, когда немцы окружили дом. Двум старшим детям удалось уйти через запасной выход. Что с ними случилось, неизвестно. Скорее всего, их схватили... А родителей с двумя младшими (7–8 лет) выволокли из укрытия и бросили в канаву в 100 метрах от дома. По всей вероятности, как было принято у истинных арийцев, — стреляли так, чтобы не убить, а только ранить. И закопать заживо.

Пан Мариан показал, в каком направлении вели еврейскую семью, но точное место трагедии оставалось под вопросом.

А потом нашёлся ещё один свидетель — пан Юзеф, двоюродный старший брат Мариана. Анна договорилась с представителем главного раввина Польши Александром Шварцем из фонда «Запомняне» («Забутые»). Он приехал из Варшавы — обследовать георадаром.

— Эта могила была здесь. Вдоль этой насыпи. Она уже давно покрыта листвой и опавшими ветками... Во время войны тут было поле, на границе участка их закопали, теперь лесом заросло.

Пан Юзеф был очень взволнован, он почти плакал: «Мы услышали выстрелы... Несколько винтовочных выстрелов слышали и люди, работавшие в полях. По деревне распространилась весть о том, что евреи,

скрывавшиеся у Чихонских, расстреляны. На следующий день родители сказали, чтобы я вместе с младшими братьями нашёл могилу и помолился. Нас было пятеро, я был самым старшим: я, мои братья и двое детей наших соседей, того же возраста, что и я. Тогда здесь были поля, не было леса... Я нашёл. Там был свежий холм земли. Такой же ширины, как две туфли, такой же узкий и довольно длинный, может быть, два метра. И поэтому я подумал, что в этой тесноте тела не могут быть сложены бок о бок, их бросили один на другого в глубокую яму... Здесь мы все собрались вместе и произнесли молитву за умерших. Уже более семидесяти пяти лет они тут лежат...»

— К сожалению, пан Юзеф умер в августе 2020 года, — говорит Анна, — но до этого успел нам показать это место. У меня такое чувство, что он дождался, чтобы рассказать об этой истории и после этого умер, в свой день рождения. Ему 90 лет исполнилось. Жаль, фамилию этой еврейской семьи мы не знаем и, скорее всего, никогда не узнаем. Эти люди были не местные. В поисках укрытия приехали в Порембу Спитковскую из города покрупнее. Пол детей тоже неизвестен. Но мы должны помнить. До войны евреи составляли половину населения Бжеско. Почти все они были убиты в гетто, в лагерях и везде, где были обнаружены. Память о них — мера нашей человечности и часть нашей истории. Мы делаем это не только для погибших во время Холокоста, но и для нас. Эти люди были такие же граждане Польши, соседи наших родителей, бабушек и дедушек. Их расстреляли, потомков не осталось. Кто о них вспомнит, как не мы?

* * *

Каждая семья — это Вселенная. Каждый ребёнок — солнце во Вселенной.

Как и все еврейские семьи, они зажигали субботние свечи, крутили дрэйдл (волчок) на Хануку, радовались Пуриму, пекли мацу на Песах... Кому это мешало?

О чём они думали, когда их вели на гибель?

Самое страшное для мужчины — не иметь возможности спасти свою Вселенную и своих солнышек.

Самое страшное для матери — не иметь возможности защитить своих детей.

Самое страшное для ребёнка — узнать, что мама с папой не всемогущи — и нет спасения от Зла. Оно выглядит похожим на людей. Тем и омерзительно.

Мы можем только догадываться об этом. Скорбеть и помнить. Люди, насильно лишённые величайшего дара — жизни, заслуживают, чтобы о них помнили.

По еврейским законам достойное погребение тех, чьи имена неизвестны, является одной из величайших заповедей. Благодаря таким, как Анна, на границе Бжезницы и Порембы Спитковской открыли памятник для всех убитых, замученных, расстрелянных на этих полях и в этом лесу.

Из-за пандемии людей пришло немного. Но сделали самое главное — отдали дань памяти невинных жертв, души которых (хочется верить!) присутствовали незримо.

Это не первый памятник, поставленный по проекту архитектора Дамиана Стырны на местах еврейских трагедий. Одна из деталей — сломанное дерево и птица, с него взлетающая. Горжусь тем, что строки из моего рассказа про Басю воплотились в камне.

На бордюре из чёрного гранита — надпись на иврите и польском. Автор текста — профессор Джонатан Уэббер: «Здесь лежат тела мужчины и его жены вместе с двумя маленькими детьми, которые были убиты, потому что они были евреями. Это было в 1944 году, во времена Холокоста. Их имена неизвестны... Их судьба стала судьбой почти всех евреев в непостижимой трагедии ненависти и насилия, которая ознаменовала те ужасные времена. Давайте молиться за их души и за прекращение такой ненависти».

Евреи, убитые и похороненные в полях и лесах Бжезского повета (на основе документов из архива Института национальной памяти и показаний свидетелей).

Всего приблизительно 45 человек. И ещё великое множество других, имена и места убийства которых неизвестны.

Этот список зачитали на открытии памятника. Краковский раввин Элиэзер Гулари воззвал к душам погибших. Поминальная молитва «Эль Мале Рахамим» вознеслась к небесам.

Молились евреи. Молились поляки. Словами Псалма Давида «Господь — мой пастырь...» за всех убитых евреев молился ксёндз из Порембы Спитковской Станислав Борычко.

Накануне фашистской оккупации еврейское население Польши составляло 3 миллиона триста тысяч человек. В конце войны уцелело примерно 380 тысяч. Остальных уничтожили в гетто и лагерях смерти

Хелмно, Белжец, Собибор, Треблинка, Майданек и Аушвиц-Биркенау. Детей вообще не считали, поэтому данные приблизительные и многократно приуменьшенные.

Каждый человек достоин любви и уважения вне зависимости от веры или этнической принадлежности. Да будет благословенна память о людях, убитых просто так — по прихоти бесноватого фюрера и ему подобных.

А тем, кто поставил этот памятник, низкий поклон и огромная благодарность от всех выживших и живущих.

ОБ АВТОРЕ

Зинаида Вилькорицкая — писатель, журналист, автор нескольких книг прозы, драматург.

Родилась в Украине в городе Гуляйполе Запорожской области, родине анархиста Махно. Живёт в г. Хайфа (Израиль).

Редактор международного литературно-художественного альманаха «Новый Континент» (Чикаго, США). Член редколлегии общественно-познавательного журнала ИсраГео (Израиль), журнала для любителей путешествий «В загранике» (Швейцария), партнёр литературно-художественного журнала «Метаморфозы» (Беларусь).

Лауреат нескольких литературных премий.

Екатерина СЕРВАНТЕС
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

В 70-х годах моя предприимчивая бабушка совершила непостижимое и обменяла нашу двухкомнатную квартиру в деловом районе Санкт-Петербурга, тогда ещё Ленинграда, на трёхкомнатную в южном спальном районе с красивым названием — Сосновая Поляна. Ни сосен, ни полян в районе не наблюдалось, а были одноликие дома-корабли, населённые работниками троллейбусного парка и их семьями, речка Сосновка с деревянным мостиком, а из достопримечательностей — мыловаренная фабрика. Тем не менее, один из моих одноклассников в той школе в домашнем сочинении написал: «Мой любимый уголок Ленинграда — улица Тамбасова!» Одноклассника можно понять. Ближайшие достопримечательности нашего красивого города были от нас в полутора-двух часах ходьбы и езды, из-за чего вылазки в город удавались местному рабочему населению редко. Я сразу полюбила свою комнату и вид из окна шестого этажа на дорогу вдоль дома, баскетбольную площадку и речку. В связи с переездом на новую квартиру я пошла в новую школу. Там я встретила Льва.

1

Я влюбилась в Лёву почти с первого взгляда. Для влюблённости были веские основания. Во-первых, он обладал внешностью и характером книжного героя Тимура из книги Гайдара «Тимур и его команда». Стройный, подтянутый, светловолосый, он был заводилой и лидером, активно проявляясь на всех школьных мероприятиях, будь то интеллектуальная викторина или спортивное состязание. Лёва хорошо учился, уверенно держался, выигрывал забеги и подтягивался на перекладине больше всех в классе. В общем, не мальчик, а мечта. Не

могу не упомянуть, что на уроках физкультуры Лёвушка великолепно выглядел в спортивной форме: белоснежная футболка и красные шорты. Во-вторых, его место за партой было передо мной, и я могла без помех наблюдать прекрасно-белобрысый затылок каждый будний день с девяти утра до двух часов дня, так как мы, третьеклассники, находились в одном классном помещении целый день. Ну, кроме уроков физкультуры, на которые мы ходили в спортзал и где удавалось увидеть больше, чем только обожаемую затылочную часть Лёвы. Наконец, у нас были почти одинаковые инициалы — КЛ (Катя Ледовская) и ЛК (Лев Конев), что мне казалось знаком свыше, который знаменовал, что мы созданы друг для друга.

Так прошла целая четверть учебного года. Я любовалась светлым затылком и красными шортами Лёвы, Лёва же пребывал в счастливом неведении о чувствах его одноклассницы. Близкое нахождение предмета моей сердечной привязанности настолько усиливало мои эмоции, что я переставала слушать учительницу и забывала дышать. В начале новой четверти я решила, что Лёва должен узнать о моей неземной любви.

Я быстро сострепала пылкую, исчерпывающую записку: «Лёва, я тебя люблю! Катя». Оставалось найти способ доставки моего ёмкого извещения обожаемому адресату. Я была девочка впечатлительная и начитанная, и как раз тогда находилась под влиянием Кассилевской «Швамбрании». Правды ради, в том возрасте я одолела только первую часть книги. Так вот, в первой части писатель и его брат в детстве придумали страну Швамбранию со всеми полагающимися ей аксессуарами: гербом, флагом, правительством, и в том числе, с тайной. Тайну они записали на бумажке, бумажку надёжно спрятали в основании шахматной королевы, а королеву не менее надёжно замуровали в ракушечном гроте. Весь дом безуспешно искал недостающую шахматную фигуру, а потом мастер выточил новую. Королева же с тайной провела свой век в заточении.

Эта история меня потрясла. Записка в шахматной королеве вместо конверта! Какая интрига! Решив последовать примеру маленького Кассиля и его брата, я достала шахматы из тумбочки. Было немного непонятно, почему у нас были шахматы, так как никто в семье не знал правил игры. Но у нас было много непонятных вещей, которые стали появляться в квартире после того, как отчим устроился работать в мясной отдел. В числе непонятных вещей были коллекция марок, альбомы

по живописи, набор для выжигания, гитара, деревянные лыжи и шахматы. Надругаться над королевой я не посмела, кроме того, она была какая-то громоздкая, поэтому жертвой пала пешка. Разобрав всё, что было внизу фигурки, я действительно обнаружила в ней полое пространство, вложила туда послание и приклеила синенький суконный кружок на прежнее место. Портфель жёг мне руку, когда я несла в нём в школу ту чёрную пешку с сердечным признанием в недрах. Кстати, королева из «Швамбрании» тоже была чёрной. Это первый момент, который роднит мою историю с Кассилевской. Вторым было то, что никто никогда не прочитал то, что находилось в записке.

Я честно попыталась доставить послание адресату. Пешка была завернута в мятый блокнотный листок, на котором было крупно написано: «Отдери подшивку!» Всё это я на перемене подложила Лёве в учебник на его парте и стала ждать. Обзор был прекрасный, и вот волнующий момент наступил. Предмет обожания приблизился к парте и заметил, что что-то лежит в учебнике! У меня перехватило дыхание. Лев вынул комок, развернул потрёпанный листок, тут же, не глядя на него, выкинул его в угол класса, где лежала сваленная в кучу макулатура, повертел в руках чёрную фигурку и отправил её туда же. Вся процедура заняла несколько секунд. Я перевела дыхание. Очевидно, Лёвушка не читал «Швамбранию». Я незаметно покопалась в куче макулатуры и спасла моего пластмассового курьера. Пешка благополучно вернулась на своё место в шахматной коробке.

После неудачи с шахматным почтальоном я не оставила попыток признаться Лёве в любви и вскоре села писать ещё одно послание. Повторяться не хотелось, но собственной фантазии опять не хватало. К счастью, недавно транслировали фильм «Анна Каренина», и мы с бабушкой внимательно следили за развитием событий на экране чёрно-белого телевизора с красивым литовским названием *Tauras* производства Шяуляйского завода — я на диване с подушкой, бабушка на стуле с вязанием. Сцена, где Кити и Левин пишут друг другу объяснения начальными буквами слов на карточном столике, показала мне апогеем настоящей любви. Ну, конечно! Только настоящая любовь может наделять такими сверхъестественными способностями, как возможность понимать человека без слов! Я вдохновилась. На листе бумаги формата А4 я крупно написала заветные буквы: «Л.К.! Я т. л! К.Л.» Не надеясь на догадливость избранника, я уточнила на

обороте: «Ты узнаешь меня, если захочешь», — написала я, — «я принесу сегодня в школу 3 рубля».

Здесь надо пояснить, что в начале каждого месяца ученики сдавали классному руководителю деньги в сумме трёх рублей на школьный обед. Деньги сдавались торжественно, с вызовом по фамилии и с записью в классный журнал, такое событие не могло пройти незаметно. Я же пропустила начало месяца из-за болезни и не участвовала в массовом платеже. Так что сегодня космические силы были на моей стороне, и меня было легко узнать. Громоздкий и неуклюжий светло-коричневый портфель с двумя замками опять обжигал мою руку, и, тем не менее, я была уверена в успехе предприятия. Но всё закончилось плачевно. Даже хуже, чем в первый раз. Для начала я потеряла 3 рубля. Записку, понятно, отдавать Лёве не стала. А вечером мама, благоразумно потроша мои вещи в надежде отыскать купюру, увидела и прочитала записку и решила, что 3 рубля я отдала мальчику как залог любви и верности, что ли.

Произошло крупное объяснение с мамой. С мамой объяснения всегда были крупными, она скоропалительно делала выводы, без умозаключений, и не посоветовавшись с потерпевшей стороной, то есть, со мной, высказывалась и действовала в резкой форме, дабы сэкономить время, которого ей всегда не хватало. К стыду обнародования тайных чувств примешался ужас подозрения в краже. Красная, облитая позором, вся в слезах, я доказывала свою невиновность. В тот момент это равнялось доказательству невинности. Пришлось признаться в тщательно скрываемой любви и ждать кары. Но мама почему-то засмеялась. Потом успокоила меня, выдала другие 3 рубля и больше о происшествии не вспоминала. Мне даже показалось обидным, что то, что полностью занимало мои мысли, вызвало такую непродолжительную реакцию у публики. После этого я как-то остыла от уверенности, что Лёва должен всё знать и больше не пыталась написать новое признание. Так он никогда и не узнал ни о моих чувствах, ни о записках. Не представилось случая рассказать.

Время шло, и всё менялось. Менялся и Лёва. Когда-то белоснежные волосы его посерели, он подрос как-то неравномерно, стал коренастым, и спортивные шорты уже не выглядели на нём так привлекательно, как в третьем классе. Неизменным оставались его несомненное лидерство среди ровесников и жаркий патриотизм. Лёвиной страстью были истории про войну и суровые будни разведчиков. Его

кумиром был дед по материнской линии, ветеран Великой Отечественной Войны, а отца у Льва не было, только недавно у него появился отчим. В седьмом классе мы оба поступили в школьный хор, где Лев сразу стал солистом. Нужно было слышать, как он выводил «Неба уутреннего стяг! В жизни важен первый шаг! Слышишь, рееееют над страную ветры яяяяростных атак!» У меня спина покрывалась мурашками, и я слышала ветры и видела стяги. Пионерская пилотка на голове Льва была более чем аутентичной. Она становилась частью его личности.

Однажды наш класс выбрался в центр города для посещения театра, где давали постановку по роману Фадеева «Молодая гвардия». Тема пьесы была про патриотизм и героизм советских школьников во время ВОВ. На обратном пути, в метро, Лев спросил меня про мои ощущения после спектакля. Я не помню, что я ответила, а вот Лёвин ответ на этот же вопрос запомнила на всю жизнь. Он сказал, что мечтает «родиться в другое время и совершать подвиги» и хочет сменить своё имя на мятежное Буревестник, но «жаль, что так не разрешат». Вот тут Лев Конев обскакал меня по части начитанности. «Песнь о Буревестнике» Горького была запланирована школьной программой аж на 10-й класс, так что туше! Ещё он был знаменосцем в пионерской дружине школы. Он был какой-то заметной шестерёнкой в школьном механизме, и явно делал это по доброй воле и из лучших побуждений.

Конечно, никто в этом мире не идеален полностью, не стал исключением и Лев, с моей точки зрения. Дело в том, что у Лёвы выявился ещё один талант. Оказалось, что он прекрасно рисует. Неприязнь же моя возникла из-за того, что Лев тогда рисовал исключительно ... голых женщин. Женщины на рисунках были чернильно-синие и большегрудые. Он рисовал их на тетрадных листочках в клеточку, потом раздавал листочки одноклассникам и одноклассницам и весело хохотал. Я была возмущена до глубины души и призывала девочек заклеить художника позором. Но девочки не стремились предать его остракизму и сами с готовностью хихикали, тряся косичками над очередным творением Левы. Жаркое обожание с моей стороны стало остывать, а потом и вовсе заглохло вследствие смещения приоритетов, потому что и в моей жизни произошло изменение, а именно: в начале восьмого класса мама перевела меня в другую школу с углублённым изучением немецкого языка.

2

Новая школа находилась в другом районе. Мне приходилось рано выходить из дома, чтобы добраться туда. Пять раз в неделю я, как и другие рабочие люди, была вынуждена вдыхать жуткие мыльные испарения по дороге к автобусной остановке. Кроме суббот, так как по субботам мыльная фабрика была выходная. Но я по субботам училась, на дом задавали много, свободного времени практически не было. И, хотя вокруг меня жили мои бывшие одноклассники, я всё более отдалялась от них.

Однажды в нашей квартире раздался звонок. Я открыла дверь. За дверью (Здрассте, пожалуйста!) ни с того, ни с сего, стоял Лёва. За ним маячил ещё один бывший одноклассник, который не то прятался за широкой спиной Льва, не то старался выглянуть оттуда.

— Катя! — как-то чересчур торжественно и немного сухо заявил Лев. — Мы со Славиком — Лев оглянулся через левое плечо, но Славик нырнул вправо, — пришли к тебе поговорить.

Я моргнула. Швондеровское «мы к вам, профессор, и вот по какому делу» немного напрягло. Ну, в тот момент я не успела провести параллель со сценой у двери с ситуацией из романа Булгакова «Собачье сердце». Но теперь, заново переживая тот день, я не могу не слышать нотки речи героя одноимённого фильма: безэмоциональные и безапелляционные.

— Да ладно тебе, Лёва, — проямлил Славик. — Кате, наверное, некогда, — с этими словами Славик сделал скромный шагок к лифту. Лёва сделал полный разворот и вернул Славика в исходную позицию.

— Не трус, Славик, ты сам не понимаешь своего счастья.

— Это очень серьёзно. — Лев опять повернулся ко мне, и его лицо стало строгим. Серые брови пушились. Глаза, тоже серые, смотрели пристально. — Ты можешь выйти?

Я вышла на лестничную площадку между этажами, интерьер которой состоял из узкого окна под потолком, мусоропровода и металлического бачка для пищевых отходов. Там, у бачка, Лёвушка посвятил меня в гениальный план, разработанный им для обретения нашего общего личного счастья. Лев решил стать рыцарем дамы сердца, а именно меня. По мнению Льва, если ухаживать за девушкой по-рыцарски, она непременно падёт перед его натиском и полюбит его навсегда.

Надо всего-навсего быть верным и заботливым, тогда даме придётся поверить, что это и есть её принц на белом коне.

Лев не сомневался в своей гипотезе. Славика он привлёк для чистоты эксперимента. Девушек они выбрали из ближайшего окружения, чтобы было удобнее ухаживать. Для Славика была выбрана Марина из параллельного класса. Лев же захотел осчастливить меня. То есть, как бы это правильно охарактеризовать... Видите ли, Лев не признавался мне в чувствах. Он пытался меня убедить, что чувства непременно ДОЛЖНЫ зародиться, если вести себя определённым образом.

— Это абсолютно серьёзно, Катя. Ты не должна давать свой ответ сейчас. Это было бы неправильно. Мы просто ставим наших избранниц в известность. Ты должна привыкнуть ко мне. Когда я стану тебе необходимым и ты полюбишь меня, ты дашь мне знать.

Прямой немигающий взгляд начинающего рыцаря напоминал мне глаза тайного агента из кино. Взгляд обещал мне, что мой кавалер будет ждать сколько потребуется, хоть всю жизнь. Я ужаснулась и резко сказала, что это чепуха. Лев долго мне возражал. Мои аргументы были, что нельзя навязать чувство, оно должно родиться само. Аргументы Льва давили на продолжительность и настойчивость, короче, что терпение и труд всё перетрут. Славик переминался с ноги на ногу и периодически тянул Льва за куртку. Но Лев вырывался и только становился более красноречивым. Он был какой-то одержимый и даже как-то пугал меня. Минут через двадцать я сменила тактику и начала мямлить что-то про нагрузку в школе и отсутствие свободного времени.

— Отлично, — обрадовался Лёва. — Тебе и не нужно ничего делать. Делать буду я. А ты жди. Уговор? — серые глаза впились в мои. Я чувствовала себя на сцене театра абсурда. Мне было неловко и хотелось в туалет. От мусорного бака воняло.

— Ничего не выйдет, — сказала я.

— Вот увидишь, ещё как выйдет! Я дам тебе время, Катя! Столько, сколько тебе надо! — пообещал Лев. Это прозвучало угрозой. После чего Лёва развернул плечи, развернулся сам и затопал по лестнице, перескакивая через ступеньки и оправдывая свою фамилию. Славик успел улыбнуться и пробормотал «до свидания». По-моему, он хотел покрутить пальцем у виска, но Лев был ещё близко, и Славик ограничился прощальным жестом и тоже заторопился вниз по лестнице. Обратно говоря, рыцари развернули коней и ускакали.

Что это было? Ситуация была слишком надуманной даже для моей начитанной особы. Я ещё раз убедилась, что мы любили разные книги. Ромео и Джульетта были несовместимы с присутствием бачка и Славика.

Я успела подумать что-то про странности у людей, а потом стала терпеть ухаживания Льва. Как и было обещано, он мне не очень надоел. Он не назначал свиданий, не приглашал в кино и не звонил по телефону. Только иногда звонком в дверь вызывал меня на переговоры на лестницу к мусоропроводу. Там, под шум лифта, мы обменивались новостями о состоянии наших душ относительно друг друга. Состояние оставалось неизменным. То есть, Лёвина душа продолжала стремиться к моей, моя же оставалась неизменно равнодушной. Рыцарь был верен, а дама ветрена. Но дама продолжала быть свободной, и значит, рыцарь мог надеяться. Конечно, надо было просто не выходить на переговоры, но я боялась оскорбить чувства Лёвы! Я пыталась урезонить Ланселота Конева, но мой здравый смысл не соответствовал силе его романтизма. Я надеялась, что Лёве когда-нибудь всё это надоест, но оказалось, что я недооценивала терпение моего кавалера. Мусоропровод был обречён на наши визиты на неопределённое количество времени, но при этом мне казалось, что нашими разговорами я могу предотвратить что-то жуткое и непоправимое. Будущее безжалостно подтвердило, что моя интуиция была, к огромному сожалению, небезосновательна.

Однажды Лев попросил у меня фотографию. Я выполнила его просьбу. Он тоже дал мне фото. Снимок был чёрно-белый, школьный портрет среднего формата. Со снимка на меня смотрел без улыбки подросток с чёткими и даже суровыми чертами широкого лица, на лбу между густых бровей залегла складка. Пушистые ресницы смешивались с бровями, из-за чего небольшие глаза казались колючими. Когда-то белобрысый чуб превратился в серый жёсткий ёжик. Из гибкого Тимура Лёва модифицировался в негнибаемого советского металлурга с плаката «Дадим качество!» По-моему, он и жил такой плакатной, очень правильной жизнью героя из фильма 50-х годов про рабочих. Я убрала портрет в ящик стола. Судьба моей фотографии оказалась более возвышена. Об этом ниже.

Осенью Лева пригласил меня на день рождения. Это был довольно удивительный день рождения, на котором я была единственной девочкой. Лёва встретил меня в коридоре с розами и словами:

— Катя, мальчики нашего класса очень рады видеть тебя здесь сегодня. Спасибо, что ты пришла, — и вручил мне розы.

Я вытаращила глаза, но букет взяла. Приглашённые мальчики в количестве пяти человек отворачивались. Лёвина мама, маленькая кругленькая веснушчатая женщина, пригласила нас к столу и принесла вазу для цветов. Салатами мы насытились быстро. Когда я помогала выносить тарелки из комнаты, меня ждал сюрприз — мой портрет в чеканной металлической рамке висел на кухне, на стене, по центру над обеденным столом. Мама перехватила мой взгляд и сказала: «Вот, Лёвушка сам рисовал с фотографии и рамку паял. И вешал сам». Её глаза сощурились, руки она сложила на круглом животе. Я совершенно не знала, что сказать и только вежливо улыбалась. Лёва включил магнитофон, и начались танцы. Я потанцевала с каждым бывшим одноклассником по одному разу и засобиравшись домой. По настоянию Лёвы меня пошли провожать до соседнего дома все пять приглашённых мальчиков. Возможно, в то время в Сосновой Поляне был особый всплеск преступности, о котором я не знала. Я отметила, что пятеро друзей не смеют перечить одному Льву. Вот, собственно, и весь день рождения.

Мой несовременный кавалер продолжал навещать меня. Первое время он приходил со Славиком. Во время тех посещений Лёва жаловался, что Марина смеётся над Славиком и не воспринимает его намерения всерьёз. Славик при этом вяло улыбался. Лев уговаривал меня повлиять на Марину, а меня при этом хвалил.

— Вот ты молодец, — говорил он. — Ты веришь мне, и это правильное поведение.

Потом Лёва стал приходить один. Я подозреваю, что Славик предал Рыцарский Орден в угоду земным утехам. Порой я встречала его пьяненького, в компании подобных ему. Они сидели на лавочке у парадной Славика и пели песни под гитару. Иногда к ним присоединялась мама Славика. Для этих посиделок она наряжалась — всовывала толстые грязные ноги в белые босоножки на платформе и накидывала малиновую шаль. Ребята пили и пели. Мама Славика курила папиросы *Беломор* и старалась подпевать в припев. Но она запаздывала, и получалось, что ребята пели своё, а мама — своё. Потом приходил очередной папа Славика и забирал маму домой с бранью и воплями. Мама отчаянно сопротивлялась, шаль терялась, тесное платье задиралось. Потом мама сдавалась и шла домой. Ребята бежали за очередной бу-

тылкой, находили шаль, посылали гонца за родительской парой, и начинался следующий акт спектакля. Славика со скамейки обычно уносили. Слабенький он был. Рыцарь из него явно не вышел. Наверное, Маринин смех ослабил его веру в себя. Нельзя смеяться над чужими чувствами. Такая была и есть у меня позиция.

Невзирая на неудачу в ситуации Славика, наш экспериментальный роман с Лёвой продолжался. В том же духе, то есть, звонок-бачок-диалог. Если бабушка была дома, то она загоняла нас в квартиру. Ей нравился Лев. Он был из положительной семьи. Скромной, но положительной. Бабушка часто встречала Лёвину маму в очередях микрорайона: то в универсаме, то в сберкассе, то в поликлинике. Они разговаривали про школу и про нас. Мама Лёвы рассказывала, как сын постоянно говорит обо мне и как я ему нравлюсь. Бабушку это, понятно, не удивляло — разве её внучка могла кому-нибудь не нравиться! Однако Лёвымамины рассказы ей льстили, и бабушка жалела Лёвушку.

Поэтому она и приглашала его. Мне не хотелось, чтобы Ланселот заходил в квартиру, но ведь надо быть вежливой. Итак, враг проник на мою территорию. И, представьте себе, Лёвин странный план начал работать. Не в том смысле, что я по новой влюбилась в него, а в том, что он стал мне и бабушке очень полезным. Для начала он починил выключатель в моей комнате, потом выключатель в коридоре, потом провёл телефонный кабель в мою комнату, настроил магнитофон, научил меня играть на гитаре, выжег мне чудесную картинку, которую нарисовал сам, и написал два стихотворения. Да, в этот период я согрешила — я воспользовалась Львом как подручной силой. Единственным оправданием для себя я нахожу тот факт, что Лев мог развернуть спектр своих талантов. Бабушка предлагала Лёве пирожки, но он всегда отказывался. Он всегда вёл себя сдержанно и никогда не делал попыток дотронуться до меня или поцеловать. Хотя, нет, был один поцелуй.

Лев пригласил меня поехать за грибами. Я согласилась в соответствии с нашим уговором. Кроме того, я обожаю лес. С нами был ещё одноклассник Лёша, который даже не был другом Льва. У меня мелькнула мысль, что как странно, что Лев никогда не пытается уединиться со мной. Такие вот приземлённые мысли были у меня. А Лев, очевидно, был возвышенным романтиком. Мы поехали на электричке в ска-

зочную Карелию, страну сосен, берёз и безумно вкусного воздуха. Воскресная погода была отличной. Вагон был полупустой, светило солнце, и вагонные деревянные лакированные скамьи яично-жёлто блестели в его лучах. В лесу было сухо, и грибов было мало. Я вышла на пригорок и села на пожухшие сосновые иголки, нагретые за день осенним солнцем, потом легла на спину. Подошёл Лев и сел рядом. Мы не разговаривали. В какой-то момент Лев вдруг повернулся ко мне, наклонился и крепко прижался сомкнутыми губами к моим губам. Именно так: прижался. Это был не поцелуй, а соприкосновение двух целлулоидных пупсов — твёрдое и сухое, как земля подо мной. Отлепившись от меня, Лев выпрямился и решительно уставился на горизонт. На меня он не смотрел.

У меня мелькнула глупая мысль, что по сценарию он теперь должен сказать мне, что уезжает на комсомольскую стройку. Вместо этого Лев сказал, что пора идти на обратную электричку. Мы нашли Лёшу и пошли к станции. Больше всего грибов было у Лёвы (а как иначе!), меньше всего у меня. На платформе Лев вдруг заявил: «Все грибы мы отдадим Кате, как настоящие мужчины» и взглянул на Лёшу. Настоящий мужчина Лёша выглядел растерянным, но после недолгой паузы согласился с железным доводом. А я вообще никаких грибов не хотела! Я начала жарко отказываться, но Лев молча высыпал грибы из своей и Лёшиной корзины в мою. Не помню, о чём мы говорили на обратном пути, помню, что домой я добралась поздно, уже темнело, а ещё предстояло чистить грибы!

Дело заходило слишком далеко. Надо было как-то остановить этот бред. Уже и ежу было понятно, что никакие чувства во мне к Лёве не зародятся. Ежу-то понятно, а вот Льву нет. Я часто задаюсь вопросом, насколько я была виновата в том непоправимом, что произошло позднее. Потом, после уже непоправимого, ко мне приходила мысль, что моя бабушка была каким-то боком виновной в последующих событиях, так как одобряла и даже провоцировала наши отношения. А иногда мне казалось, что мама Лёвы виновна в том, что не предостерегла сына от того, что быть романтиком в конце 20-го века неблагоразумно. Но даже самый строгий коллектив присяжных не найдёт виноватого. Да и кто жертва, тоже непонятно. Там было связано слишком много ниточек, книжных, исторических, надуманных, а главное, невысказанных. Иногда я успокаиваю себя тем, что мы были дети и не знали, что творили. А потом вспоминаю, что как раз детское горе

самое безутешное из всех горь. А уж если горе случилось у романтика, тогда держись, вся логика здравого смысла! Я просто расскажу, что произошло дальше.

3

Десятый класс был выпускной. После окончания средней школы я поступила в технический институт, совершенно не соответствующий моим мечтам, зато соответствующий планам моей мамы. А вот Лев Конев поступил в ЛАУ — Ленинградское Арктическое Училище, единственное в мире учебное заведение, которое готовило кадры для полярных станций и исследовательских судов Арктики и Антарктики. На радиотехническое отделение. Как же это отвечало его характеру! Он хотел подвигов, а какие подвиги в мирное время на твёрдом берегу? Другое дело льды и суровый климат, там он мог найти применение своим интересам. Поступил Лёва без проблем, в первых рядах, благодаря высоким баллам в дипломе и отличной физической подготовке.

Училище располагалось неподалёку от нашего района, в Стрельне, в зданиях Константиновского дворца. Ныне это петербургская резиденция Президента РФ. В училище была казарменная система, благодаря которой Лёва был обеспечен одеждой, койко-местом и питанием. Моя бабушка была в восторге от такого выбора. Она объяснила, что это огромное облегчение для семьи, где ожидается маленький ребёнок. Одним ртом в бюджете и одной фигурой в квартире меньше, а у Льва теперь хорошая профессия в кармане и определённое будущее. Она очень радовалась, моя бабушка. А я подумала, что Лёва думает не о хорошей, а о героической профессии. Интересно, что будущих героев все-гда завлекают хоть каким-нибудь пряником.

Наши редкие встречи стали ещё реже. Точнее, их было всего две до того рокового звонка.

Теперь я должна была ездить к Лёве, чтобы повидаться, так как первокурсники ЛАУ не имели права на увольнения. Он звонил мне и сообщал, когда в училище приёмный день. По правилу это была суббота. Дома бабушка увещевала меня, что молодого служащего надо поддерживать, ведь никакого греха в этом нет, а есть только уважение к человеку и его характеру. Поездки меня не напрягали и даже нравились.

Нравилось идти от дома к трамваю через Сосновский парк, где росли огромные дубы и липы, уже начавшие менять свой окрас на осенний. В трамвае на направлении Стрельна всегда было свободно и можно было расслабиться, сидя на тёплом пластмассовом сидении. Нравилось наблюдать из окна трамвая, как многоэтажки-корабли уплывают, а появляются индивидуальные домики с уютными палисадниками, цветами, ровными заборами и витиеватыми калитками. Нравилось идти от трамвая через ухоженный парк к зданию дворца, красивому и строгому, жёлтого цвета, соответствующего наступающей осени. Кстати, тогда весь парк и здания дворцового комплекса поддерживались в порядке усилиями учащихся.

А вот внутри главного здания мне не нравилось. Помещение для посетителей было огромным залом-вестибюлем с высокими потолками, на которых можно было разглядеть художественные росписи. Мне указывалось место, где можно было стоять. От мраморной входной лестницы дуло. Комнаты для личных свиданий или хотя бы скамеек не было. Через некоторое время откуда-то издалека, из угла, где стояли двое часовых и висел один телефон для курсантов, выходил Лев в морской форме, только без головного убора, и шёл ко мне через зал. Огромное пространство делало всех маленькими, а голоса становились гулкими и казалось, что там всегда шумно, хотя присутствующие разговаривали тихо и даже вкрадчиво. Лев казался отчуждённым, как будто форма налагала на него определённые обязательства, которым он должен был соответствовать. Он больше не спрашивал о чувствах, а только озвучивал следующий ход.

В первый мой визит Лёва принёс мне тельняшку и сказал, что она будет мне напоминать о нём, пока он на службе. Тельняшка была толстая, в чёрно-белую полоску. Я однажды надела её в поход, затем отложила на будущее. Она долго пролежала на антресолях в квартире родителей. Это была замечательная тельняшка, и мой отчим однажды начал её надевать и в конце концов «заносил». Я не знала об этом, иначе бы воспротивилась, и потом очень жалела, что не сумела сохранить её.

Второй мой приход был уже в ноябре. В этот раз Лев пришёл с пакетом. Он сказал, что получил праздничный паёк ко Дню Революции и отдаёт его мне, так как он должен обо мне заботиться. Я заблеяла что-то против, но мои жалкие протесты не могли противостоять величественности помещения и Лёвиной отточенности движений. Он

посмотрел мне в глаза серым твёрдым взглядом, передал мне пакет, кивнул, развернулся на пятках и замаршировал в сторону угла с часами и телефоном.

Я вышла на улицу. Парк дворца был тёмным и строгим, снега ещё не было, и было тревожно-весело идти по дорожкам между подстриженными кустами, боясь пропустить нужный поворот. Только вот пакет был каким-то неправильным и довольно тяжёлым. По приходе домой я вскрыла его в присутствии бабушки и высыпала содержимое на кухонный стол. На столе, как из рога изобилия, появились продовольственные продукты: коробка конфет, пачка чая, упаковка растворимого кофе, мясные и рыбные консервы, ещё какие-то непонятные пакетики, и как венец всего — тонкая палка твёрдокопчёной колбасы. Мы молча смотрели на колбасу.

Это был 1985 год, отчим больше не работал мясником, и мясо в нашем меню появлялось редко, а уж такую колбасу в обычных магазинах для советских людей вообще не продавали. Позже вечером, когда мама пришла домой с работы, состоялся женский совет в составе её и бабушки по вопросу легитимности космических продуктов питания в нашей земной кухне.

Аргументом ЗА Лёвин поступок было бабушкино заявление о силе чувств Лёвы, ведь только недавно Лёвина мама при очередной встрече в поликлинике пожаловалась ей, что Лев до сих пор не позволяет ей снять мой портрет со стены на кухне. Аргументом ПРОТИВ был факт того, что твёрдокопчёной колбасой налево и направо не разбрасываются, даже от большой любви. Вердикт был таков: я не имею права принимать этот пакет. Такие продукты намного нужнее его семье, ведь его мама недавно родила ему братика, и она не может работать. Я должна пойти и вернуть пакет Лёве. Но в училище пропускная система! Тогда бабушка засыпала продукты обратно в пакет, уважительно уложив палку колбасы сверху, надела солидное пальто и пошла к Лёвиной маме.

Она вернулась довольно скоро и сказала, что я должна немедленно позвонить Льву в училище и отказать ему в отношениях. На следующий день я так и сделала, сидя в собственной комнате за удобным письменным столом, по собственному телефону, который провёл в мою комнату Лёва. Разговор был короткий, Лев не мог много говорить, ведь он стоял в том гулком холодном вестибюле возле двух часовых. Этот наш последний телефонный разговор я считаю роковым. Может, что-то было сказано мною неправильно, а может, морская форма

не позволила Льву слышать земное и тривиальное. Земное и тривиальное не вписывались в облик студента первого курса ЛАУ Льва Конева.

Теперь о больном кратко.

Где-то год спустя я шла домой из магазина и встретила Льва возле дома. Он был в штатском. Я удивилась. Каким-то образом он уговорил меня «на разговор», и мы уединились на одной из служебных лестниц дома, чтобы не мёрзнуть на улице. И там Лев рассказал мне, что после того разговора по телефону со мной он пошёл к командованию училища и попросился на передовую, в Афганистан. В то время это была «горячая точка», и его сразу взяли. В Афганистане его тяжело контузило, он попал в плен, и только чудом однополчане вызволили его из ямы с другими пленными. По возвращении он был на реабилитации, однако состояние здоровья не позволило ему вернуться в любимое училище. Результат — он вольный инвалид без ясного будущего.

Я онемела. Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЛА! Ну, конечно, я бы костями легла, чтобы остановить его от этого поступка. Даже его семья не знала, сказал он. Им пришла повестка. Точнее, две повестки. Первая о том, что он на спецоперации, и вторая о том, что он в госпитале.

Собственно, я вспоминаю эту сцену только после его рассказа, который огрел меня на всю жизнь. Как теперь вижу эту белую извёстку стен лестницы, что пахла сухостью и непоправимостью. Сумка с продуктами пачкалась. Лев смотрел на меня не отрываясь. Катя, теперь ты будешь со мной? Я прошу, я умоляю! Ты моя королева! На мне были какая-то дурацкая, вязаная петлями шапочка и коричневые резиновые сапоги, и королевой я себя точно не чувствовала. Я стала отнекиваться, как раньше.

И тогда Лев зажмурил глаза и замотал головой, его лицо покраснело. Он стал отчаянным и пугал меня. Я не знала, как его успокоить. Последнее, что пришло в голову: Лёва, я не могу быть твоей! Я беременна от другого! А он сказал, нет, он закричал: Я скажу, что это мой ребёнок и женюсь на тебе! Твоя честь будет оправдана, и мы будем счастливы вместе! Тогда я сказала, что люблю отца ребёнка и что мы скоро поженимся. Всё было ложью — и беременность, и любовь, и женитьба. Но Лев поверил и ушёл. Пошла домой и я.

Я не знаю, что делал Лев в Питере по возвращении из Афганистана. Только один раз я увидела его из окна своей комнаты. Он шёл в компании друзей, играл на гитаре и пел. Хорошо играл. Лев всё делал хорошо и до конца. И ещё однажды бабушка посетовала мне, что Лёвина мама больше с ней не здоровается. Мне было больно это услышать. Меня обожгло осознание того, что мама Льва считает меня виноватой в происшедшем с её сыном. Обожгло не потому, что я такая хорошая, а потому, что она, как мать, считает, что судьба её сына могла сложиться иначе и благополучнее, а вот же ж, не сложилась из-за ко-го-то. Господи, да я же ничего не знала...

...Лет 15 спустя, когда я уже жила за границей, Лев нашёл меня в социальных сетях и оставил комментарий. Я немедленно посмотрела его страничку. Лев переехал в маленький город, сменил фамилию на фамилию отчима, которого всегда уважал. Были на страничке две-три фотографии, на которых с ним были молодая женщина и маленький мальчик, но никаких пояснений к ним не присутствовало. Комментарий для меня Лев оставил такой: «А я тебя когда-то любил».

Это был первый раз, когда Лёва употребил это слово. И я ему ответила то, что я думала: «Ты любил мечту. Ты рыцарь. И ты бы любил другую так же, как меня, если бы выбрал её. Я абсолютно уважала и уважаю твои чувства». Лев ответил размыто, что-то вроде взгляда на всё это с другой стороны. Положительно ответил, так мне показалось, или так мне хотелось это видеть...

Последнее напоминание о Льве пришло от его мамы и тоже в социальных сетях. «Лев скончался». Точка. Без подробностей. Ему не было и сорока лет. Я, конечно, сразу написала в ответ, как скорблю и сожалею и так далее. Искренне. Комментарий остался без ответа. Как бы мне хотелось поговорить с ней, покаяться в чём-нибудь, рассказать о моих детских записках Лёве и о том, какой он замечательный человек. К сожалению, сейчас я уже даже не имею доступа к той сети в России.

И вот уже более сорока лет я думаю обо Льве. Характер мыслей менялся. Когда-то я возмущалась, что ничего не знала. Когда-то я была подавлена, что ничего не знала. Иногда я была на грани отчаяния от

осознания того, что мои слова могли испортить судьбу человека, и зажмуривала глаза и мотала головой, чтобы подавить слёзы. А иногда и не пыталась подавить и только колотила кулаком по стенке дивана и выла в мокрую от слёз подушку, если накаtywало вечером. Когда-то я винила других, когда-то себя, когда-то систему. Потом я уверяла себя, что Лев — это даже не Ланселот. Он Дон Кихот, ищущий экстрим для выхода своих стремлений. Но всё это только слова и эмоции. Главное одно — он живёт в моей памяти и совести. И это лучшее, что я могу сделать для него.

ОБ АВТОРЕ

Екатерина Сервантес родилась и выросла в Санкт-Петербурге. Преподавала немецкий, английский и русский языки как иностранные.

В 2000 году переехала с дочерью в Америку, в город Блумингтон в штате Индиана. Здесь вышла замуж за физика Даниеля Сервантеса. В Америке продолжила преподавательскую деятельность и собственное образование. Работала в школах и в университете штата Индиана и в университете Техас А&М. Получила степени магистра.

Сейчас в Блумингтоне работает в специальном классе начальной школы с учениками с особенностями развития.

Публикуемый рассказ — литературный дебют автора.

Григорий ОКЛЕНДСКИЙ
ГОРЕЧЬ СЛОВ

* * *

Прости меня, я всё ещё живой.
Сижу в окопе и грызу сухарик.
Нас командиры гонят на убой
туда, где взрывы, гром пороховой.
Я не солдат — смешной худой очкарик.

Прости, коль разлюбила сторяча,
устав от беспросвета и разрухи,
от злой тоски, работы по ночам,
от равнодушия к пустым моим речам,
от женской доли молодой старухи.

Зачем я здесь, на проклятой войне?
За что в бою кромешном жизнь отдам
вдали от дома, в мёртвой тишине?
За эти миллионы гробовые?
За эти похоронные, шальные,
что в мирной жизни мне не по зубам?!

* * *

Сотворённый из света пытался украсть
Прилагательный ящик Пандоры.
Чтобы спрятать секретов козырную масть —
Существительный абрис раздора.

Сотворённый из пепла пытался взлететь,
Словно Феникс — горящую птицей.
Заковали воскресшего в мёртвую клеть
И велели усопшим молиться.

Сотворённый из крови ночами не спал —
Убиенные в сон приходили.
Голос крови на ниточке тонкой дрожал,
Междометия в крик голосили.

Сотворённый из лести молился богам,
Находил утешенье в причастии.
Он числительным мелким служил господам
И разделявал крохи на части.

Сотворённый из мифа по свету бродил
И глаголом разил непокорных.
Океан переплыл, выбивался из сил
И вещал на наречье прискорбном.

Сотворённый из плоти махорку курил,
Матюки раздавал бестолково.
Сам возделывал землю, потомство родил
И оставил наследникам Слово.

* * *

Я бежал по пустыне
и не чувствовал собственных ног.
Я забыл своё имя,
по пятам тенью гнался злой рок.

Фестивальное утро.
Нет ни облачка — знака беды.
Провидением мудрым —
мамин крик в полудрёме: «Беги!»

Мы проснулись от криков,
от истошного вопля: «...Акбар!»
Автоматные блики
разорвали пространство гитар.

Роковое веселье
и убийственный огненный шар.
Ядовитое зелье.
Поседевшего утра кошмар.

Мы едины в бессилье,
рок судьбы выбирает тебя.
Возвращайся, мессия!
Воскреси всех погибших ребят.

Бесконечна суббота,
нескончаемы слёзы и боль.
Мстить уходит пехота.
Сверху смотрит растерянный Б-г.

* * *

отпусти обиды
не копи долги
там где волки сыты
не видать ни зги
аппассионата
неба карусель
брат идёт на брата
мир идёт в качель
забурели лисы
обратились в слух
растерялись смыслы
испустили дух
осень сбросит листья
угостит дождём
и повадкой лисьей
забредёт в твой дом
встретишь на пороге
чашею вина
чтоб за мир убогий
осушить до дна
чтоб любить до гроба
женщину-апрель
дальнюю дорогу
сказочную ель
и косою тенью
ляжешь на плетень
и вдохнёшь осенний
каждый божий день

* * *

Я давно осознал, что чужой средь берёз,
между лживых речей и надменных угроз,
где фальшивые ноты в фаворе.
Вспоминаю уютный родной уголок.
Там судьбой перечёркнутой правит злой рок,
и другие актёры и роли.

Я ничем в тех краях не бывал обделён,
не хватало свобод, но зато был резон:
все экзамены — только досрочно.
Принимали тебя по анкете... С умом

(хоть семь пядей во лбу!) не ходи напролом —
хоть колосс глинобитный, но прочный.

И однажды, вставая с огромных колен,
тот колосс проломил основание стен,
надломился и рухнул, не охнув.
Как кита, что на берег выносит волна,
оживить попытались от долгого сна...
да куда там — могучий, но дохлый.

Вечереет. Смотрю камнепад новостей,
и тоска разъедает, и сердцу больней
от колючего чувства потери.
Мир на мир не похож. Полыхает пожар,
исчезают с Земли и кибуц, и бульвар,
и горланят двуногие звери.

* * *

Где бы ни жил, ты родился евреем...
Значит, судьба — не судьба.
Будешь скитаться седым Моисеем,
Будешь смотреть в облака.
Манну небесную звать вечерами,
Дождик спасительный звать.
В сердце хамсина сухими губами
Будешь молитву шептать.
Видишь, дорога начертана Богом
Нитью на жёлтом песке?
Эта дорога — к родному порогу.
Только осияют не все.
Мне бы успеть до скончания века!
Неразделённой судьбой
Просто лепить из себя человека
В долгом походе домой.

Звёзды озябли морозною ночью.
(Гулко дрожит тишина...)
Тесно прижавшись, глядят многоточьем
И пробирают до дна.
Время настало подумать о вечном,
Взгляд устремить в небеса.
Встретиться с Мамой, обняться сердечно
И посмотреть ей в глаза.
И, возвратившись в земные пределы,
Благословляя живых,
Вырастить деревце, чтоб шелестело
Памятью дней молодых.
Высадить деревце в тихой оградке,
Камушки вокруг разложить.
Мамы уходят походкой негладкой
И завещают нам жизнь...

Где бы ни жил — ты родился изгоем.
Значит, котомка — и в путь!
Долго плыви обжигающим морем
В земли, где хочешь уснуть.

* * *

Расскажите негромко о жизни своей —
без утайки, без спешки.
О бессоннице снежных лихих декабррей —
без надежды на нежность.
Как дышалось тогда, равнодушной весной —
в гуле майских парадов.
Как ходили под пули в боях на убой
молодые солдаты.
Про отчаянье лета в короткой ночи,
словно в тесной постели.
Про разрушенный город (горой — кирпичи),
и любовь, и потери...

Бестелесные тени скользят по стене,
дышит воздухом осень.
Урожай кровожадный на долгой войне
ненасытная косит.
Нынче август врачует зелёный лесок —
изуродован взрывом.
И губная гармошка играет вальсок
над высоким обрывом.
А вдали за рекой ощетинились рвы
в ожиданье подмоги.
На рассвете кукушка кричит на разрыв —
это песнь перемоги.

* * *

Раздвоение личности — это когда
Ты живёшь как у Бога за пазухой,
А в далёком краю погибает трава —
Почернела от горя и засухи.
Капли крови людской выпадают росой.
Тишина неподвижная длится.
Умирает трава на корню, молодой —
Кровью стылою ей не напитокся.

Раздвоение личности — это когда
Разделён ты угрюмой границей.
А по сердцу слепая прошла борозда
И застыла в стеклянных глазницах.
Так и мы разделились на после и до,
Всё пытаемся склеить осколки...
Хрупкий мир раскололся, скатился на дно,
И в цене волкодавы да волки.

* * *

Почему-то с годами труднее услышать друг друга.
Как глухие упрямы, мы внутрь обращаем свой взор.
И неясной тоской одиночество ходит по кругу,
вызывая к барьеру — на долгий мужской разговор.

Посреди обеспеченной, сытой, осмысленной жизни
не хватает порою пристрастных оценок друзей,
обжигающих взглядов, безумных любовных коллизий,
молодого задора, хороших живых новостей.

Привыкаешь к такому раскладу непросто, неловко.
Поредевший от времени список читаешь, скорбя.
Продолжаешь идти впереди, обходя остановки,
где забытых желаний трамвай поджидает тебя.

* * *

душераздирающее времечко
падает осколками на темечко
день и ночь — который год подряд!
смотрят в небо взрослые и деточки,
прячутся за дерево, за веточку,
и бегут куда глаза глядят.

небо, что расчерчено ракетами,
как тетрадка, в клеточку одетая,
бездыханно смотрит свысока.
невидимкой Б-г по небу мечется,
род спасает меж землёй и вечностью,
вдаль течёт кровавая река.

вечности замедлилось вращение,
век застыл, кругом опустошение —
варвары жестоко правят бал.
время для молитв и для возмездия,
время скорби, силы... время действия!
род спасает доблестный ЦАХАЛ.
...царь Давид на арфе заиграл!

* * *

эпохи камерный рассвет,
застывший в мороке тумана,
похож на старый арбалет,
что хочет выстрелить упрямо.
устало ковыляют дни,
прихрамывая на ухабах,
лежат дровами пацаны
на спелых ядовитых травах.
дымится сон, а дом снесён,
ребёнок тянет ручки к маме,
он провидением спасён,
а мир растоптан сапогами.

с эпохой нам не повезло?!
она с людей сдирает кожу?
эпоха (всем смертям назло!)
ещё порадует, итожа
наш долгий турбулентный путь
сквозь тернии к далёким звёздам!
с дороги этой не свернуть,
но и осилить невозможно.

ОБ АВТОРЕ

Григорий Оклендский родился в Белоруссии. Школьные годы — в Гомеле, студенческие — в Ижевске, лучшие — в Новосибирском Академгородке. Многие годы занимался автоматизацией научных исследований и разработкой компьютерных систем здравоохранения. Кандидат технических наук.

Живёт и работает в Окленде (Новая Зеландия). Автор нескольких поэтических книг и многочисленных публикаций в бумажных и сетевых изданиях разных стран. Финалист нескольких международных поэтических фестивалей, лауреат литературных конкурсов.

Ольга ШЕНФЕЛЬД
РАЗНОЕ...

* * *

Глаза Рахели серо-голубые
Семь лет других — за старшую рабыню,
За младшую, за стены, за стада,
За детские кудряшки под рукою,
За сладкий час вечернего покоя...
Гора мерцает сполохами льда,
Струится синевой и позолотой.
Не выходи под утро за ворота,
Она прекрасна издали — гора,
Заговорит — и будет очень страшно.
Да будет день похожим на вчерашний.
Не обжигай ладони у костра,
Тебе не одолеть пустынный холод.
Лаван не вечен, он уже немолод,
Не пережить Рахели суховей.
Семь лет других. Отсрочка за отсрочкой.
Зато достойно замуж выдашь дочку
И всех пересчитаешь сыновей.

Тулум

Брюшки чаек измазаны морем —
Слишком долго летали над синим.
Мир, подаренный людям, просторен.
Мириадами солнечных линий
Небо сшило тяжёлые волны,
Оплело раскалённые камни...
В Чичен-Итце бессменные войны,
Низлагают вождей в Майапане.
Кровь течёт по пескам, по кораллам,
Трижды в день призываются боги
И жрецы в золочёном и алом
Застывают на скользком пороге.
Украшение воина раны,
Без победы не станешь счастливым.
И чешуйки с хвоста Кукулкана
На рассвете выносит приливом,
Дети нижут на тонкие стебли
Ожерелья из рыжих ракушек.
Охраняют нас белые стены
И строителей сильные души....

...Если Солнце кровью стекает в море,
То не стоит милости ждать от Солнца.
Белокожий воин стоит в дозоре
И на запад вечером не вернётся,
Кто зарёй гремячей пришёл с востока
По дороге, выложенной огнями.
Чичен-Итца к пленным была жестока,
Убивали с радостью в Майапане.
Мы хотели мира, но всё напрасно,
Нас забыли предки, взойдя на небо.
Там несли богам человечье мясо,
Тут корзины чили, маиса, хлеба.
Оказались жертвы презренны обе.

Беспощадно к юным, сурово к старым,
Захлебнулось солнце в полдневной злобе
И полночный час не убавит жара,
Льют потоком боли из серой меди
Те лучи, что прежде ласкали глыбы,
И исчезнем мы, как ушли соседи,
А за нами — чайки, коати, рыбы.
Вновь над миром голым, сухим, песчаным
Будет змей великий гореть крылато,
Растворятся воины Кукулкана —
Всё исполнив, алым уйдут закатом,
Было всё... и вновь ничего не будет...
Но однажды Солнце взойдёт, быть может,
И навстречу выйдут из моря люди
С золотой, серебряной, медной кожей,
И по ней, не стянутой нашей болью,
Первый луч скользнёт мимолётной лаской...
Море соль привычно смывает солью
И вчерашний день покрывает сказкой.

* * *

Скользят стрекозьи крылья дня,
Пластинки ласкового жара,
И если нет ни капли дара,
Хоть выжми досуха меня.
Пройду как все — ни свет, ни тень—
По миражам моей пустыни.
Потоки зелени и сини
Несёт текучий яркий день.
Благословение, приборой,
Целую ласковые воды,
И как моллюск, ношу свободу
С собой.

Пустота. Йорцайт.

1

Воронка белого листа,
Ущелье чёрного экрана
Незаживающая рана —
Болит и тянет пустота.

Стихи щебёнкой и листвой
Летят и катятся с обрыва.
Могла бы быть почти счастливой,
Но родилась полупустой,

И не заполнить до конца,
И не взлететь над острым краем,
Быть может, я перевираю
Начальный замысел Творца —

Он предназначил по прямой,
А я нелепыми кругами?
...Но надо бросить в бездну камень,
Хоть проще броситься самой.

2

Никак не кончится апрель —
То жар, то холод, то бездонна
Сквозь пух сиренево-зелёный
На сером солнечная щель.
Изгибы гор, пороги рек,
Бреду по облачному краю
И очень близкий человек
Во мне болит, не умирая.

Ты был, и значит, я была,
Ты боль, а значит, я осталась,
Прощальный взгляд — такая малость,
Осколок синего стекла.
Твои — в сквозную синеву,
Мои оттенка серой моли.
Я не прибавлю к этой боли
И шире сеть не разорву.
Как просто камешком тугим
Мгновенно выскользнуть из кожи,
Но ты боялся и не можешь
Там, за чертою, стать другим.
Не бойся. Долг и суета
Прочней, чем якорные цепи,
И я, во всём великолепье
Весны — от гривы до хвоста,
По кругу облачного дня
Скачу от мая до июня.
Я буду долго помнить, Зюня,
Что ты боишься за меня.

* * *

Не знаю, плохи ли, хороши,
Исчезнут ли навсегда.
Ночами Он говорит: «Пиши»
И я отвечаю: «Да».

Не знаю, слышала ли Его,
Придумала ль всё сама,
Быть может (это верней всего),
Я просто схожу с ума.

От страха — вечного — за детей,
За нервный вздыбленный дом.
Не шли нам, Боже, лихих вестей,
Не справлюсь с горьким трудом,

Не пригожусь для борьбы со злом, —
Суметь бы не делать зла.
Воздай забвеньем, мне поделом,
Таких как я без числа.

Пусть пляшут зависть и суета,
Болят глаза и виски,
В груди взрывается пустота
И горло рвёт на куски,

Пусть век одной читать наизусть
Под свет чужого венца,
И так легко (но я удержусь)
Сойти с ума до конца.

Дай детям радость каждого дня,
Дай крышу, стол и кровать,
Ведь ты зачем-то создал меня
И выучил рифмовать.

МАРТ

Пора гортани набухать,
Сочиться чёрно-синей влагой
На позабытую бумагу ...
Вдруг заучить слова на «ять»,
Шкатулку с перстнем и пером
Отрыть в чулане захламлённом
И жить привычно-удивлённо
В России, срубленной Петром.
Леса и мрамор, серый дождь,
В углу борзая на лежанке,
Здесь в каждой барышне-крестьянке
Ты ни черта не разберёшь,
Но беспризорный рой стихов
Кружится белыми ночами
Над незажжёнными свечами
До крика красных петухов —
Не для меня, не обо мне.
Воспоминание как кража.
Стволами голыми Лепаж
Сверкает роща при луне
И в речь так хочется вплетать
«Отнюдь», «гораздо» и «сугубо».

Что мне надутая Гекуба,
Чужие сны, слова на «ять»,
Тоска бессолнечного дня,
В садах черёмуха и мята?
Как будто я ищу возврата
Туда, где не было меня.

* * *

На самых прочных облаках,
Чуть приподнявшись на руках,
Полшага не дойдя до рая,
Они лежат и смотрят вниз,
Мою запутанную жизнь
Мне до конца не доверяя.

Все те, кто любит и любим,
Не превратятся в тонкий дым,
Не закричат в пелёнке новой,
Пока упрямо кривит рот
И всё творит наоборот
Родной ребёнок непутёвый.

Чужой судьбы чужая нить,
Ни заплести, ни изменить,
Но даже то, что неизменно,
Как кандалы падёт, звеня,
Когда сквозь щёлку на меня
Посмотрит часть моей вселенной.

Ту добровольную тюрьму
Покинут все по одному,
Нам не встречаться больше с ними,
Когда придём издалека
Сквозь те же доски-облака,
Следить за внуками своими.

Не повреди, не разорви
Круговорот земной любви,
Не залечи остаток боли.
Ведь вечен мир и вечен взгляд,
А значит, всё пойдёт на лад
И страх отступит поневоле.

КОРОТЫШКА

Чтобы дети родили других детей
И праправнук однажды придумал порох,
Чтобы кто-то в рифмованных разговорах
Оттолкнулся от мелких моих страстей,
Чтобы встреча — случайно, через года, —
Повлияла на тайную вязь событий,
Я живу, никаких не свершив открытий,
И уйду, никому не сказав куда.
Коротышка. Не Пушкин, не Бонапарт,
Не этаж мироздания — так, песчинка,
Я скольжу по последним неровным льдинкам
И течёт по губам золочёный март.
И обидно — до детских горячих слёз,
И смириться могла бы — но в чём смиренье?
Мы не звенья ... хотя бы не только звенья.
Ты позволишь себя принимать всерьёз?

ОБ АВТОРЕ

Ольга ШЕНФЕЛЬД родилась в 1972 году в Киеве. Эмигрировала в США в 1996-м. По специальности программист.

Стихи пишет с раннего возраста.

Печаталась в местной периодике и в Сети.

Живёт в пригороде Чикаго.

Александр ПОЛОВЕЦ

ОБЕД В ЦДЛ

*Вспоминая Булата Окуджаву
К 100-летию со дня рождения (9 мая)*

И так — Москва.
— Пойдём обедать в ЦДЛ, — предлагает Булат.
Мы входим через главный вход, с улицы Герцена, и задерживаемся у киоска, пестреющего газетами, названия которых мне большей частью не знакомы. И книгами — теми, которые ещё совсем недавно следовало обёртывать плотной бумагой, а надёжнее — переплести заново, чтобы на обложке читалось что-нибудь совсем безобидное...

Выяснив у вечной бабульки, ведающей всем этим богатством, что недавно завезённые сюда в порядке смелого эксперимента выпуски «Панорамы» разошлись полностью, мы следуем в сторону ресторана. Остаётся пройти просторное фойе Малого зала, мы приближаемся ко входу в ресторан и обнаруживаем здесь некую долговязую фигуру в тёмном костюме. Она полностью загораживает собою вход, не выказывая намерения уступить нам дорогу.

— Мы — в ресторан... — собираясь спокойно миновать фигуру, произносит Ольга, она оказалась у дверей первой.

— Отсюда — не положено!

— То есть, как?.. — не понимаем мы.

— А так! Не положено. — И, снисходя до нашей непонятливости, фигура поясняет: — Будет ремонт.

С места, где мы стоим, хорошо видны двери, ведущие в ресторан: на всём пути к ним никаких признаков хотя бы готовящегося ремонта не заметно. Булат, не меняя привычной позы — руки в карманах, — делает шаг вперёд.

— Мы пройдем здесь... — спокойно произносит он.

— Не положено! — повторяет фигура.

— Что?! — редко, крайне редко доводится мне видеть Булата разгневанным.

Он оборачивается к нам — Ольга, Буля и я стоим чуть позади, готовые вернуться на улицу, чтобы обойти здание и оказаться у бокового входа в него — со стороны Поварской, тогда ещё носившей имя Воровского.

— Идём! — Булат двигается вперёд, мы — за ним.

Фигура оторопело смотрит нам вслед, не делая даже попытки остановить нас.

— Поставили тут болванов! — громко, но уже почти спокойно говорит Булат. — Писатель не может войти в свой дом... Болваны, — повторяет он, не оглядываясь на нас, идущих следом.

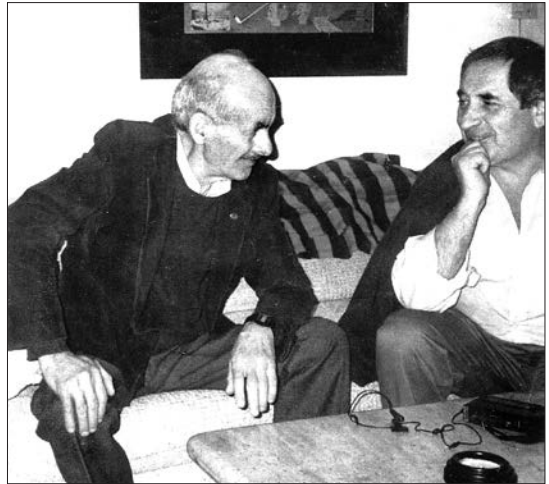
Большую часть обедающих в тот год пока ещё составляют литераторы, — и к нашему столику непрерывно кто-то подходит, чтобы выразить участие и радость по поводу благополучно завершившейся операции — её в начале лета перенёс Булат.

Потом мы сидим за столиком: слева от меня, лицом ко входу со стороны Поварской, — Булат, справа — Оля и Буля, я сижу лицом к залу. Ресторан почти полон, а посетители всё подходят и подходят. Кто-то подсаживается к кому-то, создаются импровизированные компании. В ожидании неторопливых подавальщиц за столиками беседуют, прикладываясь к непустеющим рюмкам.

Всё нормально, обед в ЦДЛ.

— Посмотри, писатели едят. — Сейчас Булат, сидя вполоборота, кивком указывает в сторону тесно уставленных по всему залу столиков. — Я, было, совсем перестал здесь обедать, противно стало: сплошь торговое сословие. Какие-то лица... А сейчас снова хожу: писателей нынче печатают, видишь — они могут заплатить за обед 50 рублей... — Булат задумывается и потом добавляет: — При средней по стране зарплате 350 рублей. А барахло — нет, не печатают.

Конечно, Булат говорит это о солидных издательствах, в чьих традициях (и утверждаемых где-то на самом вершине тематических планах)

значились, прежде всего, имена секретарей писательского Союза — отнюдь не обязательно самых талантливых и самых читаемых. Да, тогда, послепутчевым сентябрём 91-го, мы ещё не догадываемся о грядущем засилье «барахла» на книжных прилавках России. Но «барахла» уже другого сорта, появление которого закономерно: оно спровоцировано активным спросом существенной части российского народонаселения.

Время от времени кто-то подходит к нам, здороваются, перекидывается несколькими словами. Ерофеев Виктор... Леонид Жуховицкий... Андрей Битов, прошедший здесь, что вполне заметно по нему, уже не один час... Оставив свою компанию, он почтительно пожимает руку Булату, кивает нам, сидящим вокруг столика. Отходит, оглядывается, снова подходит, упирается в меня взглядом:

— Половец, это правда — ты?

Битова я не видел два года — с тех пор, как он останавливался у меня в Лос-Анджелесе. А здесь я не был почти 16 лет...

Отобедав, мы некоторое время остаёмся за столиком. К Окуджаве подходит ещё кто-то, разговор затягивается, я прошу ещё кофе и посматриваю в зал, отмечая знакомые лица... В какой-то момент в широком дверном проёме возникает силуэт высокого, опирающегося на палку человека — Сергей Михалков. Слегка сутулясь, он оглядывается, неторопливо пересекает зал в поисках места. Свободный столик находится почти рядом со входом.

Прислонив палку к стене, Михалков садится. Сразу на его столике появляется суповая тарелка, он склоняется над ней, не поднимая головы. Сидящие в зале в его сторону не смотрят, не замечая его. А те, кто видит, быстро и, как мне кажется, демонстративно отводят взгляд.

Удивительно ли? Михалков — один из немногих открыто поддержал путч. И из первых: кто-то из его коллег просто не успел и, как вскоре оказалось, очень кстати, промолчал. В этот раз обычно острое чутьё сановитого писателя подвело его — путч, не начавшись, провалился... А в зале сегодня — сплошь «апрелевцы».

Рассчитавшись с официанткой, мы поднимаемся и идём к выходу. Ольга за несколько шагов до дверей задерживается с кем-то в разговоре. Булат перед самым выходом сворачивает к столику Михалкова и через минуту догоняет нас.

Дождавшись Ольгу, мы выходим из здания.

— Булат, что ты сказал Михалкову?

Ольга выжидающе смотрит на супруга.

— Ничего. Поздоровался, спросил, как дела?.. А что?

— Он плачет. Склонился над супом — и плачет.

Булат хмурится и молчит.

Мы выходим — через двери, ведущие на Поварскую — для ресторана они пока единственные, сюда-то нас пытался направить дежурный «болван». Здесь группка, несколько человек, они пытаются пройти в ресторан — куда там: и здесь массивная фигура охранника, заградившая собой вход. От них отделяется Жуховицкий: «Чёрт возьми! — меня всю жизнь куда-нибудь не пускают, вот теперь и сюда. Держат столики для делегации из ГДР... Дожили — в свой дом писателей не пускают...» — «Лёня, да плюнь ты на них, — иди!» — роняет Булат. Кажется, прошёл тогда всё же Жуховицкий. Не сразу...

...Минуло 10 лет. Дурацкий эпизод у входа в ресторан московского Дома литераторов, наверное, следует прочно забыть. Но я по сей день размышляю: что же вызвало тогда гнев Булата — обычно спокойного, всё понимающего, умевшего по-доброму не заметить людскую слабость? Ну, действительно, не этот же дурень, загородивший нам вход! Этот, скорее всего, если и помнил имя Булата, в лицо его узнать никак не мог. Что неудивительно: ресторан в тот год готовился шагнуть в реальный, каким его понимают в России, капитализм, место в котором литераторам отводится не самое первое. Коммерсантами, новыми хозяевами ресторана, набран был соответствующий контингент obsługi — что с неё взять...

— Да что ему эта фигура, — понимаю я. — Скорее всего, Булат и не очень-то её заметил. «Болваны» для него, на самом деле, — те, стоящие за подлой, навсегда рухнувшей, как нам кажется, осенью 91-го системой. Её столпы и опора, с огромными мускулами и нелепо крохотной головкой, тогда они только ещё явили своё мурло — открыто, уверенно и нагло.

А он, Окуджава, — вот так, не вынимая рук из карманов, а только силою слова, спокойно, почти не замечая, отодвинул тех, вместе с их «не положено». Он прошёл мимо них, с гитарой, зажатой под мышкой, с мудрой и горькой усмешкой, — и вошёл в бессмертие.

* * *

Мой рассказ был бы не полон, если не вспомнить одну передачу на «Эхо Москвы». Был «живой» эфир — ровно час мы с ведущей программы, Нателлой Болтянской, беседовали о том — о сём: она расспрашивала об Американском фонде Окуджавы, об эмигрантах, и постепенно

разговор перешёл к недавним московским событиям. Здесь я не удержался, чтобы не помянуть Сергея Владимировича Михалкова, сегоднешнего, его деяния последних дней.

Теперь это совсем другой Михалков: этот только что освободил помещения Дома Ростовых, испокон веков занимаемые писательскими союзами, — от писателей. Освободил в пользу, утверждают люди осведомлённые, себя самого. Нет, конечно, формально — в пользу Международного сообщества писательских союзов. Основателем этого виртуального, как утверждают опять же осведомлённые люди, Сообщества стал Михалков, спустя некоторое время после первых месяцев сумятицы и неразберихи, случившейся в 91-м. Ну, чуть позже. Ещё, добавляют они, но уже шепотком, акция по «очистке» помещений особняка на Поварской была поддержана где-то в самых высоких коридорах власти.

Где он, тот несчастный старик, в одиночестве хлебающий суп за дальним столиком ресторана Дома литераторов?

Февраль, 1992 г.

ОБ АВТОРЕ

Александр Половец — известный в русскоязычной Америке издатель, писатель.

Родился в Москве (1935). Окончил Московский полиграфический институт, в дальнейшем работал в издательском деле. Активно участвовал в изготовлении и распространении самиздатской литературы, познакомился и поддерживал связи с рядом оппозиционных режиму деятелей литературы и искусства.

В 1976 году эмигрировал в США. В 1977 году основал в Калифорнии издательство «Альманах», а затем «Панораму» — независимый русскоязычный еженедельник.

В газете печатались ведущие советские, а также известные беллетристы-эмигранты. Среди них — Василий Аксёнов, Анатолий Гладилин, Сергей Довлатов, Евгений Евтушенко, Вячеслав Вс. Иванов, Эфраим Севела, Саша Соколов и другие.

С 1991 года Половец — президент благотворительного Американского культурного фонда Булата Окуджавы.

Он — автор многих книг прозы и мемуаров.

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН ТАТЬЯНА АИСТ В СОДРУЖЕСТВЕ С ИОСИФОМ БРОДСКИМ

По китайской даосской традиции аист — птица, которая уносит умерших, ставших бессмертными, на острова Пэнлай или в горы Куньлунь — земли, где они обитают. Эта птица не поёт — она молчунья. И поскольку традиция восточной поэзии культивирует звук, который на самом деле передаёт тишину, аист становится наиболее подходящим символом для этой поэзии, где основное — немногословие, намёк, намеренная простота. Именно такое ощущение возникло у меня, когда я впервые познакомился со стихами Татьяны Аист, поэта тонкого и мудрого, глубоко лирического; её творчество было созвучно моему увлечению восточной литературой.

АИСТ ТАТЬЯНА ГЕННАДИЕВНА (Татьяна Сторч) — поэт, переводчик, доктор наук, профессор китайской философии и религии. Научные статьи публиковала под именем Татьяна Комиссарова. Родилась 22 сентября 1956 в г. Ленинграде, Россия. Окончила Восточный факультет Ленинградского университета. Работала в Институте Востоковедения Академии наук, в Итальянском институте Востоковедения в Риме (1990–1991), сотрудничала с Институтом тибетологии и буддологии в Вене, Австрия. Читала лекции по китайской философии и литературе в Пенсильванском и Колумбийском университетах, в Институте Китая в Нью-Йорке и др. Член переводческой секции Союза писателей России. На Западе с 1989 г. Жила в Сан-Франциско, Калифорния, ныне живёт в штате Аризона,

США, преподаёт в Пасифик университете. Владеет двенадцатью языками как родными, в том числе тибетским, санскритом, классическими и современными японским и китайским. Опубликовала более ста статей и книг по истории и философии буддизма, конфуцианства и даосизма, а также по практическим аспектам восточных самоотранировок, таких как дзен, цигун и хатха-йога. Книги стихов «Китайская грамота» на русском, английском и китайском языках (1996), «Япония под снегом» (2009) на русском, английском и японском языках. Печатается в периодических изданиях.

Когда я готовил подборку стихотворений Татьяны Аист для журнала «Побережье», мы много говорили об истории, философии, литературе, эстетике Востока. Я был покорён и широтой её эрудиции, и знаниями в области восточной культуры. В беседе возник вопрос и о том, что ей необходимо издать свою первую книгу, и я вызвался помочь в чисто технических вопросах. «Я думала об этом и кое-что даже начала готовить, — призналась Татьяна. — Иосиф Бродский обещал написать предисловие, но не успел...» Так я узнал о творческой дружбе двух поэтов и, как позже выяснилось, довольно интенсивной их переписке.

Передо мной письма Иосифа Бродского к Татьяне Аист, отрывки из которых небезынтересно здесь привести. В письме, датированном 23 августа 1993 г., Бродский пишет: «Есть в этих четверостишиях подлинная глубина и смелость. Колоссально это меня обрадовало. Пришлите-ка мне ещё, и побольше. Вообще реальность четырёх строк — вещь особенная, и риск выше, чем в другой форме, ибо — всё видно. Как говорил Луис Армстронг, у одних оркестров есть это, а у других — этого нет. У Вас это, по-моему, есть. И я отчасти себя поздравляю, что интуиция не подвела».

В письме от 19 ноября 1994 г. Бродский высказывается более настойчиво о будущем издании: «Воображение рисует мне маленькую книжечку, страниц на 60, с или без иероглифов: название — „Китайская грамота“. Название такого сорта освободило бы Вас от необходимости демонстрировать своё остроумие каждые пять минут».

Стихосложение Татьяны Аист сформировалось больше всего под влиянием традиционных четверостиший китайской классической поэзии. Этот жанр процветал в VIII–XI веках и назывался «цзюецзюи» — оборванная строка. Здесь важен момент, когда вдруг начинается как бы молитва, экстаз и ты соединяешься с природой, человеком, предметом. И поскольку эта внутренняя полнота не может длиться долго,

то нужно записать её, то есть закодировать это состояние сейчас, сиюминутно: прикоснуться к цветку, неожиданно запеть, издать невольно звук радости, заплясать на месте от восторга и т.д. Кристалл поэзии как бы мгновенно вырастает между ощущением, звуком и смыслом слова.

Такая техника стиха по-даосски называется «не деяние», что означает отсутствие насилия над естественным ритмом — как пропелось душе, так и запомнилось. Чтобы достичь уровня такой техники, Татьяне потребовалось много лет работы, а затем пробы переводов с китайского, японского, корейского, которыми она свободно владеет. Причём, в переводах она пробовала самые различные жанры: поэмы, длинные и короткие стихотворения, песни.

Вот что писала Татьяна Аист в статье «Иосиф Бродский — переводчик с китайского» о том, как обучала поэта китайскому языку и работала с ним над переводами и сочинением оригинальных стихотворений в восточном стиле («Побережье», № 9, 2000, Филадельфия):

Многие стихотворения моей книги «Китайская Грамота», над которой я тогда работала, так или иначе связаны с занятиями китайским языком с Бродским и с разговорами с ним о китайской поэзии и о поэзии вообще... Он переводил с китайского и в буквальном, и в переносном смысле. Как всё есть перевод с одного языка на другой того, что по сути непереводаемо. Так что же мы переводим? По Бродскому, мы переводим личность, индивидуальный и никогда полностью не воспроизводимый опыт восприятия жизни отдельным человеком. Именно поэтому, я думаю, он был единогласно провозглашён западником в русской литературе, а его отношение к востоку считалось либо несущественным, либо резко отрицательным, как в его стихах об Истамбуле. Но ведь гению ничто не чуждо. А гением он, разумеется, был. Следовательно, не мог он не знать востока, не понимать востока, не переводить, хоть каким-нибудь образом (!) его величайших тайн индивидуального мировосприятия. Конечно же, в Бродском как поэте и Бродском как человеку это всё было. Был в нём восток. Также и запад. Ну, и конечно, север и юг тоже были. А ещё, конечно, и центр. Про центр-то самое главное и не забудьте, то есть про середину, то есть про то, где у бамбука всегда полно свободного места для восприятия нового. Был бы наш поэт мёртв много лет тому назад (не в физическом, а в духовном смысле), если бы

не имел он центра, сути, середины, которым не было предела и которым было дело до всего — от Японии до Марса, и выше, и дальше.

В собственном творчестве Татьяна Аист пользуется литературными приёмами, которые приходят в её произведения или из реальной жизни, или из медитаций. Вот, например, стихотворение, написанное в форме императива, где она призывает читателя: «Если близко смотреть на траву, ближе, ещё ближе — очутишься в бамбуковом лесу». Или, когда она указывает на предмет описания напрямую: «И годы пробежали не напрасно. И никуда восторги не ушли. И жизнь до ужаса прекрасна во-о-он сквозь то дерево вдали». Это подметил и Бродский. В вышеуказанном письме (от 8. 23. 93), он писал: «Ваша сила в „Во-о-он то дерево вдали“».

Татьяна Аист не придерживается в стихосложении строгих правил метров и рифм. Музыка поэзии возникает из ощущений и самой организации текста, звуковые аллюзии создаются не искусственно, а как бы в переключке между собой. Этот метод удивляет и трогает больше, чем намеренно продуманные созвучия. Вслушайтесь в эти удивительные строки и представьте себе описанное в них:

Достаточно закрыть глаза
И мир исчезнет.
Но недостаточно открыть глаза,
Чтоб мир возник.

В этих строках мудрость, ирония, наблюдательность и одновременно соединение с окружающим миром. И если вам пришлось по душе написанное, то значит состоялась передача накопленной духовной энергии между вами и автором. Татьяна Аист сумела развить в себе глубокое понимание мира, всеприемлемое, вселюбящее отношение к нему и одновременно научилась сливаться с ним, приобрела способность передавать полученную духовную энергию другим людям.

Творчество поэта заряжено добрыми, положительными чувствами. Внутренний их заряд уникален как по форме, так и по тематике — здесь нет диссонансов, отверженности, драматизма, а есть счастливая обоюдная открытость поэта и мира. И поэт чувствует внутреннее желание и потребность поделиться своими наблюдениями со всем живым, что

очень характерно для восточной философии. А Татьяна Аист — чистое дитя этой восточной философии — предложила нам свою книгу поэзии «Китайская грамота», которая выдержала уже два переиздания.

В один из приездов Татьяны Аист в Филадельфию, где она несколько лет читала лекции по восточной философии в Пенсильванском университете, мною был устроен приём. Бывшие её студенты читали «хайки», которые сочиняли на ходу. Мне запомнилась одна из них, продекламированная Наоки Михарой:

Когда приходит поздняя осень,
В предчувствии зимы,
Я ищу своих русских друзей.

В ответ Татьяна прочитала стихи из своей новой книги «Япония под снегом». Вот одно из них, дающее ответ на «странное» название сборника.

Снежное поле.
Можешь увидеть что хочешь.
Японию
Или Россию.

Эти стихи были написаны автором в одно позднее осеннее утро. Медитативный опыт нескольких последних лет лёг в их основу. Они рождались в глубоком подсознании, и все детали как бы выстраивались в цепочку образов и соединялись вместе: сливовое дерево, раскачивающееся от ветра, озеро, над которым долго не было дождя, маленький осенний листочек, зацепившийся за волосы поэтессы в прозрачном лесу... Это всё было прожито бессловесно, никогда не просилось в стихотворную форму, не было предназначено для дневникового или литературного творчества. До определённого момента...

Порыв ветра.
В чашу для сбора дождя
Превратился мой зонтик.

В то утро, когда родились эти стихи, как бы проснулась магическая энергия, выраженная в поэзии. Одухотворённые лучи строчек нанизывались в стихотворения. И вот что интересно. Появилось снежное

поле по форме и по мысли очень японских стихов. Русская и японская поэзия соединились, хотя совершенно не были похожи друг на друга. Поэтесса не следует принципам традиционного стихосложения.

А вот история написания двух стихотворений, вошедших в сборник «Китайская грамота», совместно с Иосифом Бродским:

... Как только я заикнулась о том, как китайцы «играли» в свою литературу, Иосиф немедленно заинтересовался. Долго выпрашивал о традициях литературной игры в Японии и в Китае, а потом предложил попробовать сыграть. Я, разумеется, дрожала, как человек, который в первый раз в жизни надел коньки. «Что? Написать следующую строчку за Бродским?!.. Да, вы с ума сошли...» Но тем не менее, игра началась, и игра вылилась в книгу, которая, может быть, останется самой значительной, но уж точно, самой незабываемой в моей жизни, — в «Китайскую Грамоту».

Поскольку он был джентльменом во всём, я получила право первой строки. Можете себе представить, сколько дней я её сочиняла, эту первую строку? Правильно. Очень долго. У меня были две страницы этих первых строк для игрового стихотворения с Бродским. И все они были прекрасны, но, как думалось мне — «Бродскому они покажутся совершенно безвкусными. Лучше не позориться. Лучше совсем не посылать». Наконец, в один день ему такая игра надоела, и он сказал: «Либо давайте строчку прямо сейчас, либо не буду с вами играть». Я дала: «Жизнь описала круг». Он сказал: «Так. Очень хорошо. Не вешайте трубочку». Тишина на полминуты. Потом: «Всё громче суставов хруст. Теперь Вы...» Я, уже в состоянии игры, и потому в состоянии весёлой лёгкости, загадываю ему загадку, которую я уже загадывала ему до этого несколько раз, но он никак не мог правильно, то есть с позиции китайской эстетики её разгадать. Я говорю: «Отчего я люблю бамбук?» И он тут же, без запинки, и к тому же в совершенно чёткой согласности с китайской эстетикой любования бамбуком отвечает: «От того, что внутри он пуст». И потом: «Ну-ка, прочитайте, как всё вместе получилось». Я читаю:

Жизнь описала круг.
Всё громче суставов хруст.
Отчего я люблю бамбук?
От того что внутри он пуст.

«Да, Вы знаете, Таня, что мы с Вами сейчас сочинили гениальное стихотворение?!» Я тогда согласилась с ним немедленно, хотя, на самом деле, я не совсем понимала суть того, что мы сочинили. Через некоторое время чёткость и глубина, простота и правдивость, вечность этого короткого стихотворения, написанного нами на пару по всем канонам китайского буримэ, поразили меня. «Иосиф, а чьё это стихотворение?» «Берите себе, мне не жалко». «А если напечатаю, как подписать?» «Напишите, что Аист в клюве принёс».

Вот так и попал в мой сборник стихотворений один из «солдатиков» игры в китайскую поэзию. Играли и по-другому. Тема: бамбук. ...Начинаем говорить друг другу всё, что мы знаем о бамбуке. Доходим до идеи, которая потрясает обоих — фантастически быстрый рост бамбука...

...Поэтому решено было, что мы оба в одно и то же время будем медитировать на скорости роста бамбука и каждый из нас сочинит по стихотворению, которое мы должны будем утром друг другу прочитать.

Первая строка стихотворения (для обоих поэтов) была условлена во время философского разговора о бамбуке. Она гласила просто и сильно — «Быстро растёт бамбук». Совершенно поразительным оказалось то, что и вторая строка совпала с точностью до одного слова у Бродского и у Аиста. «Ещё быстрее река» написали и один, и другой поэт, возможно, под воздействием их собственной беседы о бамбуке, но уж совершенно точно, что под влиянием китайской и греческой диалектической мысли. Затем их пути разошлись. После того, как они оба точно установили, что бамбук — не самая быстрая вещь в мире, хотя бы по сравнению с рекой, символом времени, один пошёл, что называется, на запад, а другой, конечно, на восток. Как Иосиф сам об этом потом высказался: «По Вашему стихотворению сразу видно, что Вы — поэт-женщина. Мужчина мироздание собой пронизывает, а женщина его собой обнимает». Итак, мужчина-поэт сказал:

Быстро растёт бамбук.
Ещё быстрее река.
Волны несёт на юг
Сквозь заросли бамбука.

(И. Бродский)

Вот в это его «сквозь» я, конечно, сразу же влюбилась, как только услышала это по телефону. Действительно, в этом одном слове, сказанном в столь правильный, решающий момент в стихотворении выразилась вся сила, вся твёрдость, вся мужественность поэта. К тому же, если читатель помнит ещё, в каком именно контексте поэма о скорости роста бамбука сочинялась, то он, разумеется, оценит и весь поэтический поход Иосифа против бамбука. Если до Бродского бамбук протыкал человека, то теперь, благодаря Бродскому, человек проткнул целые заросли этого нахального растения, быстро несясь по свободным волнам реки (на лодочке или вплавь, кому как больше нравится). А тем временем женщина-поэт написала:

Быстро растёт бамбук.
Ещё быстрее река.
Яблоня ярко цветёт.
Ярче — Луна.

(Т. Аист)

И здесь, конечно же, нет никакого протыкания, и даже диалектическое противопоставление бамбука реке, а яблони луне оказывается мнимым. На самом деле, как Бродский и сказал, всё в одно включено и одно в другом округлено. Женское или восточное видение мира.

Элемент традиционного неизменно присутствует в переводах японской поэзии русскими поэтами или в их оригинальных стихах, когда они подражают, создавая «танки» и «хайки». У Татьяны Аист свой путь, особый, и это одно из очень существенных отличий её творчества. Она не следует эстетической и литературной традиции стихосложения западного мира. Её принцип — это суть глубинной восточной эстетики — личные отношения между нею и миром, то есть Вселенной, между произведением и поэтом, а также осознание того, что форма рождается, по сути, «бесформенной» и затем снова и снова возвращается в «бесформенное». Или, если иначе выразиться, то отношения между целым и частью, между Вселенной и символом Вселенной являются основным и решающим в познании мира.

Не печалься о том,
Что со мной не делил
Хлеб и кров.
Мы с тобою делили
Луну.

Книга Татьяны Аист на русском, китайском и английском языках «Китайская грамота», изданная мною, выдержала два тиража. В эмиграции это большая редкость. Не обойдена вниманием читателей и книга стихотворений «Япония под снегом» — тонких по мысли, мудрых и глубоких по содержанию, наполненных ароматом восточной поэзии.

ОБ АВТОРЕ

Игорь Михалевич-Каплан — поэт, прозаик, переводчик, издатель.

Окончил факультет журналистики Львовского полиграфического института. Работал в аппарате Союза писателей Украины (Киев).

В 1979-м эмигрировал с семьёй в США. Долгие годы жил в Филадельфии, теперь — в Нью-Йорке. Немало лет возглавлял известный литературный ежегодник «Побережье».

Автор около десяти книг стихов и прозы. Стихи, проза и переводы вошли в антологии и коллективные сборники: «Строфы века-II. Мировая поэзия в русских переводах XX века», М., 1998; «Филадельфийские страницы. Проза. Поэзия», Фил., 1998, «Литературный витраж», Нью-Йорк, 1996; «Триада», Фил., 1996; «Приближение» Фил., 1999; «Всемирный день поэзии», Нью-Йорк, 2004; «Киев. Русская поэзия. XX век», Киев, 2004, «Библейские мотивы в русской лирике XX века», Киев, 2005, «Современные русские поэты», М., 2006, «Антология русско-еврейской литературы двух столетий (1801–2001)», на английском языке, Лондон — Нью-Йорк, 2007, «Земляки» М., 2009, «A Journal of Russian Thought» (Калифорния), 2009 и др.

Печатается в литературных журналах, альманахах и ежегодниках Украины, США, Англии, Дании, Канады, Германии, Израиля...

Ксения ГАМАРНИК

ЮРИЙ ОЛЕША И ЕГО ЗАЩИТНИЦА

К 125-летию со дня рождения Юрия Олеши (1899–1960)

Жизнь моей мамы, филолога Ирины Григорьевны Панченко (1939–2009), была неразрывно связана с творчеством Юрия Олеши.

«Ирине Панченко принадлежит неоспоримая заслуга по „реабилитации“ опального в СССР писателя Ю. Олеши, чему были посвящены её кандидатская диссертация (1968), книга „В поисках совершенства. О творчестве Юрия Олеши“ (1974) и ряд глубоких исследований», — писал американский литературовед Лев Бердников.

В 1999 году Ирина Панченко опубликовала статью «Носитель дара, мятущийся и грешный» к 100-летию со дня рождения писателя.

Вот фрагменты этой статьи:

Мгновенно вспыхнувшая слава Юрия Олеши и столь же стремительный её закат заставляют нас и сегодня по-прежнему искать ключ к его драматической судьбе.

Золотой медалист, эрудит, увлекающийся историей и латынью, Олеша стал одной из центральных фигур одесских молодёжных литературных кружков «Зелёная лампа», «Коллектив поэтов», участники которых сознательно готовили себя в профессионалы. Олеша не только писал стихи, он пробовал себя в прозе, драматургии, публицистике, рисовал карикатуры. Друзья Олеши находились под обаянием его ума, вкуса, артистизма.

В 1922 году Олеша приезжает в Москву завоёвывать столицу и мировую славу. И он её завоевал. «Из инкубационного периода мировой славы. Юр. Олеша», — горделиво напишет он в 1929 году на письме друзей Берлинского театра, просивших прислать им пьесу «Заговор чувств». Всё лучшее было создано Олешей в этот небольшой отрезок

времени — с 1924 по 1929 годы, в этот промежуток, когда талант художника в Советской России был ещё общественно значим, когда партийный диктат в искусстве ещё не стал тотальным.

Днём Олеша «стоял у конвейера» железнодорожной газеты «Гудок», писал под псевдонимом Зубило по материалам рабкоров бойкие стихотворные фельетоны, а вечерами прямо тут, в редакции, или за деревянной перегородкой, в крошечной комнатке при типографии, где и жил, отматывал бумагу от огромного газетного рулона и весело, вдохновенно сочинял сначала сказку «Три Толстяка», потом свою главную книгу «Зависть», её драматургический вариант «Заговор чувств», изящные рассказы, которые позже войдут в сборник «Вишнёвая косточка» (1931, 1933). Самые известные среди новелл — «Лиомпа», «Цепь», «Любовь», «Вишнёвая косточка», «Альдебаран».

Олеша-Зубило стал знаменит сразу. Первая книга Олеша в Москве — это книга его фельетонов, она так и называлась «Зубило» (1924). Рабочие бережно хранили газету, не перегибая страниц, на которых были напечатаны его фельетоны. У него появились подражатели среди рабочих поэтов и (вот градус популярности!) даже аферисты лже-Зубилы, выдававшие себя за писателя. Появилось два пионерских отряда имени «Зубилы». Вторая книга Олеша называлась «Салют» (1923–1926). В неё, кроме фельетонов, вошли стихи на злободневные темы.

И вот в 1927 году роман «Зависть» завершён. Олеша читает его в небольшом кругу литераторов главному редактору одного из лучших толстых журналов в Москве «Красная новь» А. К. Воронскому. Роман Олеша начинался фразой, ставшей теперь хрестоматийной: «Он поёт по утрам в клозете».

Воронский немедленно публикует роман в двух номерах «Красной нови», для чего ему пришлось переформировать уже готовые к печати номера журнала. Об Олеше заговорила вся Москва. «Зависть» вызвала шквал споров, дискуссий, разногласий мнений.

Роман «Зависть» — самое глубокое, самое художественно-изошрённое произведение Олеша. Роман был посвящён современности. В нём Олеша рассказал о противостоянии дон-кихотов, защитников «старинных чувств», интеллигентов богемного склада деловым людям, «спецам», прагматикам, сторонникам практической целесообразности.

Уже через три-четыре года сюжеты, подобные сюжету «Зависти», «Заговора чувств», «Списка благодетелей», «Секретных записок Занда» станут цензурно немислимыми в государстве, переродившемся в то-

талитарное. Олеша интуитивно словно предчувствовал это: «Литература окончилась в 1931 году. Я пристрастился к алкоголю», — запишет он для себя. Вениамин Каверин зафиксирует в своём дневнике тех лет горькие и пророческие слова Олеша: «Так вы думали, что „Зависть“ — это начало? Это — конец».

Не случайно уже тогда, в начале 1930-х, Олешу в его творческих замыслах настойчиво будут преследовать образ нищего, образ сумасшедшего, с которыми он отождествлял себя. С. Бондарин запомнил слова Олеша: «Я никогда не страшился репутации сумасшедшего. Может быть, именно это даёт мне или сохраняет чувство свободы... Давно сказали мне: «Юра, тебя хотят держать при РАПП как своего сумасшедшего». Это так. Это навсегда определило моё общественное положение». Уход в нищенство, маска «сумасшествия» (как и уход в монастырь) издревле были в России формой бегства от общества, которое не приемлешь. Не случайно подсознательно Олеша искал такой безнадёжный выход.

Благожелательность к Олеше прессы 1920-х годов быстро закончилась, появились зловещие статьи-доносы, в которых эстетические оценки были заменены идеологическими. И хотя пресса, безошибочно угадывая дух времени, изощрялась в разнообразных обвинениях Олеша, в начале 1930-х Олеша всё ещё продолжал испытывать наивное и слепое доверие к власти. Готовность выполнить государственный заказ эпохи и в то же время невозможность отказаться от внутренней свободы художника с исповедальной силой прозвучали в знаменитой речи Олеша 1934 года на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Олеша сказал, что теперь, после съезда, к нему вернулась молодость. «Возвращение молодости» — так и были названы публикации этой речи Олеша в «Правде» и «Литературной газете» 24 августа 1934 года.

Но это была только иллюзия. Идеологическая лоботомия не проходит даром. Молодость не вернулась. Олеша ораторствовал, а его уже подстерегал кризис, творческое бессилие, внутреннее раздвоение... Он печально говорил Эренбургу: «Я больше не могу писать. Если я напишу: Была плохая погода — мне скажут — что погода была хорошей для хлопка...».

Он ещё напишет в духе времени, в духе соцреализма (т.е. безлико и лживо), множество газетных заметок, рецензий, небольших очерков, репортажей, даже рассказов, сценариев в соавторстве и без, но всё это будет большей частью литературной рутинной, подёнщиной ради заработка, ради хлеба, всё это пройдёт незамеченным, потому что не будет

там Олеши-художника. (Статья Ирины Панченко «Носитель дара, мятущийся и грешный» опубликована в литературном альманахе «Побережье», 1999, № 8).

О любви к творчеству Юрия Олеши лучше всего рассказала сама Ирина Панченко в интервью, которое она дала Игорю Михалевичу-Каплану:

Однажды, когда я училась в пятом классе школы, в квартире подруги я увидела книжку с чудесными цветными иллюстрациями, хотя зачитанную, истрёпанную вконец, с загнутыми страницами. Листая, начала её читать — и меня пронзила эта проза своей поэтичностью: *«Лёгкий ветерок развевался, как воздушное бальное платье»; «Трава была такой зелёной, что во рту даже появлялось ощущение сладости»; «Юбки походили на розовые кусты»; «Мосты казались кошками, выгибающимися перед прыжком железные спины»; „«Фонари походили на шары, наполненные ослепительным кипящим молоком...».*

Эта книга была так прозрачно и так несказанно красиво написана! Так не похожа ни на какую другую детскую книгу! Мне захотелось узнать имя автора. Но, увы, в той книге не было обложки и первых страниц. Подруга тоже ничего не знала о писателе. Книга раньше принадлежала её старшему брату, а тот давно не жил в Киеве. Меж тем, почитать это «безымянное» творение, в которое я влюбилась, домой мне дали. Я чуть ли не на память его выучила.

Через два года в родном киевском ТЮЗе начали репетировать спектакль «Три Толстяка», в котором я мгновенно узнала и сюжет, и персонажей так заворожившей меня книжки. Имя автора, наконец, мне открылось. Вот почему, когда пришло время написания дипломной работы, а затем кандидатской диссертации, я не могла не выбрать Юрия Олешу.

Окончив университет, ныне Киевский национальный университет имени Т. Г. Шевченко, Ирина Панченко стала одной из первых на просторах СССР, кто защитил диссертацию, посвящённую Юрию Олеше. Ей было всего 28 лет. Работая над диссертацией, Ирина ездила в Москву в библиотеки и архивы.

«Во время моих научных командировок в Москву я подружилась с вдовой Юрия Карловича Ольгой Густавовной Суок-Олешей. Она жила

вместе со своей старшей сестрой Лидией, вдовой поэта Багрицкого. У них в доме я познакомилась с третьей сестрой, Серафимой Густавовной, и её мужем, известным писателем Виктором Шкловским, а также с литераторами Исаем Рахтановым и Львом Славиним, которые дружили с Олешей ещё с одесской поры», — рассказала Ирина в интервью.

Ирина припоминала интересный случай из того времени:

Москва. 1965 год. Лаврушинский переулок, 17. Писательский дом. Я в маленькой двухкомнатной, со вкусом обставленной квартире Юрия Карловича. Его вдова (седые волосы до плеч, белая блуза, брюки, только что вошедшие в СССР в женскую моду, элегантность) разрешила мне, киевской аспирантке, поработать с черновыми рукописями писателя. Читаю, делаю выписки... Однако сосредоточиться нелегко. Ольга Густавовна Суок устала от одиночества. Ей хочется поговорить, она зовёт меня на крошечную кухню.

Мы с ней пьём чай. Она рассказывает:

— В двадцатые годы мы уже в Москве. С большим трудом собрали денег и наконец-то, как говорил Юра, сумели «построить ему хороший костюм». Сидим мы с ним, вот как с вами, и завтракаем. Он о чём-то увлечённо рассказывает, а я всё глаз от костюма отвести не могу. Любуюсь.

Тут Юра смотрит на меня и говорит: «Оля, ты меня не слушаешь!». Поддевает ложкой сметану — раз! — и опрокидывает её содержимое в наружный нагрудный кармашек своего нового пиджака... (Ольга Густавовна невольно повторяет жест покойного мужа).

Я — про себя — вскрикиваю, но продолжаю слушать. Только слушать. Да Ольга Густавовна и не ждёт от меня слов. Ей интереснее вспоминать...

Уже позже, вернувшись в гостиницу, я обдумываю услышанное. Да, за шокирующим эпизодом из семейной жизни Олеси крылась характерная для советского поколения двадцати-тридцатилетних демонстрация своего полного презрения к материальному, вещному, к быту. «Быта копыто» озаглавил Олеша одно из своих сатирических стихотворений в 1928 году, подписанных тогда уже знаменитым его московским псевдонимом «Зубило». Молодые максималисты 1920-х гг., «строители новой жизни», страшились

«гибели у быта под копытом». Их пугали вещи. Каждая кастрюля, необходимая в домашнем хозяйстве, казалась им результатом злостной болезни «приобретательства». Во всём мерещилась власть вещей, власть мещанского быта (хотя вовсе не той власти им надо было бы тогда бояться!).

И конечно, в том же эпизоде, о котором идёт речь, парадоксально проявилась насущная потребность Олеси в жене-слушательнице, острая привязанность к ней, к её присутствию, реакции, мнению... «Оля, неужели ты собираешься жить после меня? Я бы не смог». Об этом пронзительном признании писателя я тоже услышала от Ольги Густавовны. *(Из статьи Ирины Панченко «Чтобы родиться в Одессе, надо быть литератором. О юности Юрия Олеси», опубликованной в нью-йоркском журнале «Слово/Word», 2004, № 42).*

Фактическим руководителем кандидатской диссертации Ирины Панченко стал московский литературовед и писатель Аркадий Белинков (1921–1970), о котором она всегда вспоминала с благодарностью:

Конечно, у меня был официальный научный руководитель, доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук СССР, но её руководство моей работой в основном сводилось к обтекаемым советам: «Об этом лучше промолчать, правда?», «А вот об этом, не правда ли, мы писать не будем?». Можно понять, как после подобных рекомендаций мне страстно захотелось познакомиться со знатоком-олешеведом. Тем более, что я уже прочитала его талантливую книгу «Юрий Тынянов». Наше знакомство состоялось в Москве в 1964 году. Аркадий Викторович легко, непринуждённо и, вместе с тем, со всей серьёзностью стал мной руководить на дружеских началах. Мы подолгу беседовали с ним во время моих приездов в столицу, он читал мои рукописи, оставляя пометки на полях, писал письма.

Аркадию Викторовичу было совсем не безразлично, каким предстанет в моей диссертации образ Юрия Карловича Олеси. Он считал неоправданным то исключительное благоговение, с которым я относилась тогда к этому писателю (к «вашему герою», как иронизировал Белинков). Ему хотелось всячески умерить мой идеализм, снять с моих глаз розовые очки. Он хотел, чтобы я смотрела на Олешу трезво и бескомпромиссно. С откровенной брезг-

ливностью он рассказал мне, как выглядел опустившийся, пьяный Юрий Олеша, с которым ему довелось возвращаться из Переделкино в Москву в одном автобусе. Олеша уже не держался на ногах, и его положили, как бревно, на пустые задние сидения, с которых он безвольно скатывался при каждом повороте автобуса.

Сцена была, действительно, неприятной и тягостной, но меня она не отвратила от Олеша. Я продолжала жалеть этого человека, жертву собственного безволия, отчаяния и одновременно жертву тяжёлых социальных обстоятельств. Продолжала жалеть его и любить его лучшие произведения.

Бежав на Запад в июне 1968 года, Белинков, живя в Америке, предоставившей ему и его жене-соратнице политическое убежище, к сожалению, так и не увидел изданной свою книгу «Сдача и гибель советского интеллигента: Юрий Олеша». Стараниями его вдовы книга была опубликована в 1975 году небольшим тиражом в Мадриде. В Москве она была издана лишь в 1997 году. Поразительно, хотя книгу долгое время знали только в отрывках, фрагментах, пересказах, авторитет Белинкова был настолько высок, что его имя в постсоветском пространстве навсегда связали с именем Юрия Олеша. Белинков и Олеша сегодня воспринимаются как сиамские близнецы. Всякий, пишущий об Олеше, упоминает и Аркадия Белинкова.

Ирина вспоминала менторство Белинкова и в интервью И. Михалевичу-Каплану: «Наша переписка была как раз сосредоточена вокруг тех или иных аспектов моей диссертации. Меня в ту пору восхищал Олеша-Художник, я хотела писать об этом, а диссидента и бывшего политзаключённого Белинкова сжигала тогда жажда разоблачения державного советского лицемерия и писательского конформизма („Я хочу глум-и-иться!“ — признавался он писателю Бенедикту Сарнову после лагеря). Белинков терпеливо старался научить меня преодолевать идеализм, за эстетикой видеть социальные смыслы».

Несмотря на уважение и благодарность, Ирина не разделяла критических взглядов Белинкова на Юрия Олешу:

«Сильный в разоблачении социального зла Белинков пафос своей книги обрушит на тоталитаризм и ту советскую интеллигенцию, которая тоталитаризму не сопротивлялась, капитулировала перед властью. Олеше в этой книге достанется незавидная „роль маль-

чика для битья“ (именно так объяснял свою позицию мне, тогда аспирантке, в личной беседе с ним в Москве в 1967 году А. Белинков). Между тем книга-памфлет Белинкова столь талантлива, жанр художественного литературоведения („литературоведческий роман“), в котором она написана, столь нов, нетрадиционен, что неискушённые в олешеведении принимают её за блестящее исследование творческой биографии Олеша. (Из статьи Ирины Панченко «Носитель дара, мятущийся и грешный»).

«В годы войны творческий кризис так и не был Олешей преодолен, — пишет Панченко. — Истоки кризиса следует искать в довоенных мрачных политических событиях, происходивших в стране, в драмах писателей и их семей (Олеша пытался помочь отправленной в ГУЛАГ вдове поэта Лидии Густавовне Суок-Багрицкой, старшей сестре его жены), в несправедливых претензиях критики, требовавшей от него писать по-другому и о другом. Всё это не могло не травмировать художника, породило в нём комплекс социальной неполноценности, стало настоящей трагедией. Горькая шутка Олеша „Никогда не думал, что умру среднеазиатским нищим“, кочевавшая среди знакомых, очевидно, относится к периоду жизни писателя в эвакуации в Туркменистане, где он обосновался в Ашхабаде.

Юрий Олеша писал, зачёркивал, переделывал и переписывал свои рукописи, был бесконечно недоволен собой. Он пропускал сроки договоров, отчаивался, начинал пить. Лечился. Опять садился за письменный стол и... столь же безуспешно. Те несколько рассказов и переводов с туркменского, которые Олеша написал в эвакуации, были опубликованы, но они ни в какое сравнение не идут с его талантливыми довоенными новеллами, в них нет неповторимой олешевской индивидуальности. Будто написаны чужой рукой.

Зато в Москве, куда Олеша вернулся из Туркмени, он вновь становится завсегдатаем любимого кафе, к нему снова вернулась былая «фольклорная» популярность, над которой Олеша невесело подшучивал: «Я – акын из „Националя“».

Эстетика Олеша резко расходилась с эстетикой, дозволенной государством. Её начали называть чуждой и враждебной социалистическому реализму. Первоосновой изустности Юрия Олеша было его «литературное молчание» тех лет. И тогда главным эстетическим делом Олеша становится его изустная верность эстетике, которая изгонялась.

Олеша до конца остался верен этому малому, но по-своему нестигаемому сопротивлению.

«В годы, когда литераторам позволяли быть лишь послушными соавторами государственного мифа, когда царил страх, когда арестовывали, ссылали, убивали близких и дальних, Олеша не мог, не был в состоянии писать прозу, но его раздавленное и сжатое „я“, не утерявшее окончательно своей независимости, нашло свой способ духовного протivостояния режиму.

В кафе „Националь“, неподалёку от Красной площади и Кремля, Олеша возрождает дух кабаре с его миражностью полухмеля, экспромтом, театральностью, вольным словом. В „Национале“ за столиком Олеша, где собираются актёры, литераторы, художники, царили навряд ли мыслимые тогда ещё где-либо формы неофициального, карнавального общения. Играя, импровизируя, соря остротами, изощряясь в застольном красноречии, Олеша удовлетворял свою неистребимую потребность в творчестве и одновременно помогал преодолевать себе и другим „психологию заключённого“, которую в те годы прививали всем гражданам страны. В эпоху, когда интеллигенция жила „под собою не чуя страны“, афоризмы и экспромты Олеша расходились по всей столице, их запоминали, пересказывали друг другу».

...В 2018 году вышла из печати книга статей Ирины Панченко «Эссе о Юрии Олеше и его современниках».

ОБ АВТОРЕ

Ксения Гамарник родилась в Киеве. Окончила художественное училище и Киевский национальный университет театра, кино и телевидения (факультет театроведения). С 1994 года живёт в Филадельфии.

Публиковалась в украинских, американских и канадских периодических изданиях: в журналах «Український театр», «Сучасність», «Ренессанс», «Побережье», «Русские евреи в Америке», «Зеркало», украинских и американских газетах. Автор книги «Влюблённые в театр» (2014), написанной в соавторстве с литературоведом Ириной Панченко.

Постоянный автор журнала «Времена».

Юрий КАЦНЕЛЬСОН
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ЛЕДИ

Наши свидания с ней на мосту происходят
почти ежедневно:
Я в вагоне сабвея. Она у себя
на острове и
Приветственно машет мне факелом,
поднятым над головой.
И если что, увы, иногда происходит,
на Ист-ривер ложится
Туман и мешает нам свидеться, я всё равно
продолжаю упорно смотреть,
Пока Бруклинский мост не окончится,
чтобы ещё раз увидеть
Её очертанья и наверное знать,
что теперь жизнь терпима...

СОВЕТ СЕБЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Негоже вспоминать про годы, гоже
на них глаза свои бы закрывать.
Сами придут, уж раз-то в год напомним,
зайдут в твой дом, присядут на кровать.
А за столом затем вальяжно тост поднимут,
чтоб, мол, встречать, но не в последний раз.
И подмигнув, «лехаим» при этом бросят,
взглянув на именинника в анфас.

«НОЧЬ, УЛИЦА, ФОНАРЬ, АПТЕКА...»

А. Блок

Ночь, улица, фонарь.
Аптека
В *Midtown* фанерою
обита.
Так что, винить огрехи
века?
Мне — за Америку
обидно.

* * *

Война идёт, воскресный ль день,
суббота,
Лишь оттого, что орк один
решил,
Что это главная теперь
его работа
И недреманных примененье
сил.
Наверно, в детстве он
не доиграл
В то что другие в детстве
доиграли:
Каких бы званий ни
наполучал,
Мечталось об одном —
о генерале.
И вот сейчас ОН верховодит,
он,
Которому людская кровь
водица...

* * *

В Благодаренья День благо-
дарю
Судьбу не так уж, правда, щедрую
свою:
Но всё равно затянем пояса
потуже
И скажем честно, что могло
быть хуже.
Мы живы и здоровы... от-
носительно
(Не только дети, но при том
родители!),
От жизни получаем на-
слаждение,
К ней даже сохранивши
интерес...
И утреннее — пусть не рано —
пробуждение
С улыбкой всё ещё встречаем
до небес.
Так как же не сказать судьбе
спасибо —
Могло быть всё гораздо хуже
ибо...

* * *

Знаменитое фото матроса на Таймс-сквер, целующего незнакомку в день празднования победы над Японией было сделано фотографом Альфредом Айзенштатом, в своё время бежавшим из гитлеровской Германии и эмигрировавшим в Америку. Меж тем по иронии судьбы у себя на родине он когда-то снимал... самого фюрера — Ю.К.

Фотографы, они снимают, но и не так чтоб понимают,
кого и что запечатлевают...
Им только кадр подай хороший
(ну, соответственно, и гроши!)
А там как вывезет судьба — так это
было с Айзенштатом,
Снимавшим Гитлера, а в
Штатах
Сумевшего запечатлеть на
многолюдном Таймс-сквере —
Тот снимок стал венцом
в его карьере, —
Как ошалевший от восторга
матрос целует даму в белом,
Чуть ошалевшую от наглости его, но всё же
свою-то сумочку держа поближе к телу...
А самое во всём смешное: Альфред
снимал, писал он позже, втёмную.
И не была бы леди в белом, а по контрасту
моряк — в тёмном,
Тогда бы не было ни фото, ни прижизненной и
после славы, а был бы только
Обычный рядовой фотограф. Тот, который однажды
фюрера своею «Лейкой» щёлкнул...

* * *

«Киев бомбили, нам объявили, //
что началась война...»
(Из песни времён Великой Отечественной)

Опять бомбят — и снова Киев,
не Воронеж,
Нам объявили: началась война, уже никак
её не проворонишь,
Поскольку льётся кровь людская,
не водица,
Днепр в огне. А на экранах
лица
Людей перед развалинами дома,
того, где час
Какой там — несколько минут назад —
они, про то и сказ,
Могли спокойно спать, не веря или скорей
не ведая о том,
Что вот сосед, а **может повторить**
в двадцать втором
Случившееся в **сорок первом**, при этом
с ним самим!
Но вот случилось. И на этот раз —
с другим...

К ЕДИНСТВЕННОЙ

Я прощаю ТЕБЕ то, чего никогда я
никому, знаю, что не простил бы.
Никогда. Ни за что. Пусть со мною
во всём быть могли они даже на ты.
Всё равно это были ОНИ. Не одни. А одна —
это ТЫ... И единственно что, а вернее,
О чём я ТЕБЯ попросил бы, это чтоб поводов
в будущем для прощений было
Не слишком уж много...

ОБ АВТОРЕ

Юрий Кацнельсон — выпускник переводческого факультета Московского «Иняза», с начала 2002 года проживает с семьёй в США, в Нью-Йорке.

Работал литсотрудником/редактором в газете *Московские Новости* и АПН.

Двуязычный поэт, чьи стихи (в основном переводные) публиковались как в России, так и, по большей части, в Америке, в литературных журналах и альманахах, а также в ряде англоязычных издательств, чьи названия не слишком на слуху...

Сборник на русском языке «Сто избранных стихотворений» опубликован в Израиле.

Семён РЕЗНИК ОН ВСЁ УСПЕЛ...

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЮРИЯ ДРУЖНИКОВА

1

Большая часть 1968 года прошла для меня под шелест страниц Белого ТАССа. До того времени Белый ТАСС мне видеть не доводилось.

Зелёный ТАСС видел не раз и иногда перелистывал — ещё когда студентом сотрудничал в Отделе науки «Комсомольской правды». Это были тоненькие аккуратные брошюры в зелёных обложках. В них включались материалы на самые разные темы. Это были не те обязательные ТАССовки, из-за которых, бывало, ночью останавливали печатные прессы, перевёрстывали газетные полосы, дабы втиснуть в текущий номер, на самое видное место, очередное: «ТАСС уполномочен заявить...». Такие официальные материалы поступали по другим каналам. «Зелёный ТАСС» не был ни сверхсрочным, ни обязательным. Редакции имели право публиковать или не публиковать материалы из зелёных брошюрок — по своему усмотрению. В Отделе науки «Комсомолки» к ним относились с пренебрежением, хотя в них помещались и статьи о научных открытиях. Не помню случая, чтобы «Комсомолка» ими воспользовалась. В отделе всегда были на подхвате студенты или недавние выпускники технических вузов, которые могли подать любую тему основательнее и живее.

Белый ТАСС имел другое назначение. Это были последние, самые свежие сообщения корреспондентов ТАСС в том первоизданном виде, в каком они стекались в Москву со всего света. Они не просеивались через сито редакторского и цензорского отбора, а сразу рассылались по особым спискам — для осведомления высокопоставленных номенклатурных работников. Они были напечатаны на белой бумаге, на отдельных листах. В издательство «Молодая гвардия» Белый ТАСС

поступал в одном экземпляре — на имя директора, которым тогда был Ю. Н. Верченко.

Однако сам Верченко его не читал: ему было некогда или неинтересно. Главные новости и накачки он получал в ЦК. Толстые стопки Белого ТАССа лежали невостребованными на столе у его секретарши. Заведующий редакцией серии ЖЗЛ Ю. Н. Коротков повадился каждое утро забирать в приёмной директора эту толстую пачку белых листков — страниц триста-четырееста. Он приносил их в редакцию и пускал по кругу.

Чего-то существенного, что не передавали накануне по Би-Би-Си или «Голосу Америки», в этих листках обычно не содержалось. Но читать их было очень интересно, и с каждым днём всё более тревожно. Доминировала одна тема — события в Чехословакии. О них корреспонденты ТАСС писали отовсюду: не только из Праги и Братиславы, но из Парижа, Лондона, Буэнос-Айреса, Сиднея, Сингапура, Токио, Рио-де-Жанейро... Каждое высказывание на этот счёт местных политических деятелей и прессы в подробном переводе-пересказе направлялось в Москву. Было ясно, что корреспондентам ТАСС дана такая установка. Кремль хотел знать, какова реакция на Пражскую весну во всех, даже самых удалённых уголках мира.

Под влиянием этого чтения становилось видно, что кремлёвские старцы пребывают в истерике и что они готовы на всё, чтобы не допустить развития Чехословакии по демократическому пути. Если не удастся усмирить Дубчека* посулами и угрозами, они пойдут на самые крайние меры.

Когда появилось сообщение об *«оказании братской помощи Чехословакии путём введения в неё войск стран Варшавского договора»*, — так официально было названо вторжение советских танков в Прагу, — то меня оно повергло в ужас, как практически всю тогдашнюю интеллигенцию. Но большой неожиданностью бандитская акция для меня не стала: благодаря Белому ТАССу я был к ней подготовлен.

Нетрудно представить себе, каким ударом это вторжение стало для тех, кто подготовлен не был.

Кинорежиссёра Алексея Германа, как он поведал в недавнем интервью, «братская помощь» застала в писательском доме творчества

* Александр Дубчек был избран Первым секретарём компартии Чехословакии в январе 1968 года — после устранения закоренелого сталиниста Антонина Новотного. Под руководством Дубчека власти Чехословакии стали проводить демократические реформы с целью построения «социализма с человеческим лицом»

в Коктебеле. «На набережной Коктебеля, — вспоминает он, — рыдал Василий Аксёнов, ходили люди с перевёрнутыми лицами... Они дружно горевали, а я не мог разделить их переживаний, поскольку получил персональный повод для уныния. Из Ленинграда пришла телефонограмма: ваша картина закрыта».

У меня тоже, сверх общего, был личный повод для уныния: моя первая книга, биография великого генетика Н. И. Вавилова, затравленного лысенковцами и замученного до смерти сталинскими палачами, была уже в типографии. При её подготовке к печати многим пришлось поступиться, но в ней всё же оставалось немало «крамолы»; шансы на то, что её выпустят в свет, теперь резко уменьшились. (Её всё-таки выпустили под конец года, но тут же «поймали на разноске», т.е. арестовали не вывезенный из типографии тираж. Но это другая тема).

Приятель-газетчик рассказал, что происходило у них в конторе в канун рокового 21 августа. Незадолго до конца рабочего дня главному редактору позвонили по вертушке и предупредили, что никто из сотрудников не должен расходиться, так как готовится экстренное сообщение ТАСС. Сотрудники без дела слонялись по комнатам и строили догадки о том, что бы это всё значило. Экстренные сообщения поступали и раньше, но занимались этим дежуривших по номеру; никогда прежде из-за этого не задерживали весь коллектив.

Поздно вечером пришло, наконец, сообщение о вводе войск. Пока его набирали, вычитывали, завёрстывали на первую полосу, пришёл новый сигнал — ждите: в сообщении будет поправка. Потом прислали саму поправку. Потом поправку на поправку... Едва управились к пяти утра, после чего собрали общее собрание, благодарили за работу и «порекомендовали» не торопиться по домам, а вместо этого потолкаться на улицах и в общественном транспорте, прислушиваясь, что говорят в народе об этой «братской помощи».

Работавшему в газете Юрию Дружникову не пришлось быть причастным к этим мерзостям, но он сполна столкнулся с другими. За несколько дней до роковых событий он — в составе группы журналистов — впервые выехал за границу. В маршрут поездки входили Польша, Австрия, Чехословакия. Сообщение о вторжении войск группу настигло в Варшаве. Ей тотчас было дано указание вернуться домой. Но когда она прибыла в Брест, пришло другое указание: продолжать поездку по намеченной программе, демонстрируя, что ничего особенного не происходит. В Вене группа столкнулась с хлынувшими туда беженцами из Чехословакии. Услышав русскую речь, они бросились к советским журналистам

со сжатыми кулаками. Оправдываться своей личной непричастностью к злодейской акции было бесполезно.

У Юрия был порыв — остаться в Австрии, попросить политическое убежище. Но он ещё не был готов к такому бесповоротному шагу, да и семья оставалась бы заложницей.

В Москву он вернулся другим человеком. Не раздавленным (сколь многих тогда раздавила эта «братская помощь!»), а, напротив, окрепшим, готовым к борьбе.

Быстро созрел замысел большого романа, в котором он вознамерился сказать то, что думал о лучезарной советской действительности. На осуществление ушло десять лет: в 1969-м приступил, в 1979-м завершил. В результате появилось великое произведение, один из лучших романов на русском языке, созданных во второй половине XX века: «Ангелы на кончике иглы». Роман философский и сатирический, трагический и весёлый, гротескный и ироничный, очень талантливый, с целой галереей ярких, врезающихся в память характеров.

Роман-приговор всей советской системе. Не только и даже не столько сталинской эпохе (это само собой), а той относительно вегетарианской эпохе, в которую мы сами жили: эпохе Брежнева, эпохе Андропова. Оба они узнаются в героях романа, оба окарикатурены пером едкого сатирика, но, может быть, самое умное и глубокое в том, что они предстают не как властители, а как рабы той системы тотальной лжи и маразма, которой должны служить.

В романе вскрывается технология изготовления советских пропагандистских мифов, без которых система не могла бы существовать. Но о том, насколько, по мнению Дружникова, она была жизнеспособна, красноречиво говорит тот факт, что главным изготовителем мифов автор делает «индейского еврея» Якова Раппопорта, пишущего под псевдонимом Тавров, — прожжённого циника, отсидевшего два срока в ГУЛАГе, где ему переломили хребет в прямом и переносном смысле. Он люто ненавидит тот строй, которому вынужден служить.

Хотя основной пафос романа состоит в развенчании большевистских мифов, в нём присутствует и другой мотив: показано, что БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ большевизма укоренена в более глубокой исторической почве. Потому фабула повествования закручена на циркулирующей в самиздате книге маркиза де Кюстина «Россия в 1839», которая в своё время вызвала неистовый гнев со стороны Николая Первого за рассказанную в ней правду о русском самовластье, нравах российского высшего общества и некоторых особенностях российского быта. После революции книгу издали в Советском Союзе, видя в ней разоблачение свергнутого царизма.* Но с течением времени становилось всё более очевидным, что «проклятое прошлое» России, рельефно выставленное напоказ французским путешественником, не умерло, а напротив, с новой силой проступило в большевистском настоящем.

Я хорошо помню, как интеллигентская Москва зачитывалась де Кюстином — как раз в то время, к которому приурочено действие романа Дружникова. Строго говоря, книга не была запретной. Её можно было найти в некоторых крупных библиотеках, в открытых фондах. Но то было серьёзным упущением системы, браком в работе.

В романе Дружникова эта ошибка «исправлена»: распространение книги маркиза в нём — страшный криминал. Главный редактор газеты «Трудовая правда», Игорь Иванович Макарец, высокопоставленный номенклатурный работник, кандидат в члены ЦК партии, которому подсунили крамольную рукопись, оказывается перед неразрешимой дилеммой — доложить «куда следует» или не доложить.

Доносить на своих сотрудников он считает непорядочным, но не исключает, что «свинью» ему подложили сами органы, дабы проверить его большевистскую бдительность и преданность системе. Если так, то недонесение чревато для него серьёзными последствиями.

Сильные переживания, вызванные этой дилеммой, приводят его к инфаркту и преждевременной смерти, несмотря на то, что Тавров-Раппопорт — единственный человек, с которым Макарец решился посоветоваться, — находит для него «гениальный» выход из положения.

Раппопорт уничтожает крамольную рукопись, но это ничего не меняет. Его друг и коллега журналист Ивлев, который заново перевёл

* Из Википедии: «В СССР почти в 3 раза сокращённый текст, в котором практически остались только выпады в адрес Николая I и русского высшего света, с грубыми неточностями в переводе под названием «Николаевская Россия» был издан в 1930 году издательством политкаторжан». (Прим. 2023)

книгу маркиза де Кюстина и решился её распространять в самиздате (единственный «ангел» из числа героев романа), попадает-таки в гебистскую мясорубку.

2

Случилось так, что с Юрой Дружниковым я познакомился дважды. Первый раз — в 1965 или 66 году, когда он пришёл ко мне в редакцию ЖЗЛ. Он незадолго перед тем стал редактором отдела науки «Московского комсомольца» и захотел узнать, какие книги об учёных у нас в работе, чтобы выбрать из них интересные отрывки.

Юрий сразу понравился мне своей какой-то удивительной доверчивостью и открытостью. Всё в нём было просто и естественно — его открытое лицо с ясными серыми глазами, манера держаться, говорить, шутить, смеяться. Как я теперь знаю, он был на пять лет старше меня — разница в молодые годы заметная. Но он выглядел моложе своих лет, и мне показалось, что мы ровесники. Хотя мы виделись впервые, общение сразу же стало простым и лёгким, как с давним задушевым другом. Я почувствовал, что говорить с ним можно абсолютно обо всём, без малейших опасений и оглядок. В те времена, когда люди, по много лет сидевшие в одной комнате, подозревали друг друга в стукачестве, такое случалось нечасто.

Договорились, что я подготовлю для него один-два отрывка — самых невинных — из моей книги о Вавилове. Это я и сделал, и он без проволочек опубликовал их в газете.

Завязавшиеся отношения сулили естественным образом перерасти в прочную дружбу, но этого не произошло: в суете жизни мы потеряли друг друга из виду. А встретились снова через полтора десятка лет.

Произошло это в серой девятиэтажке у метро Юго-Западная, в квартире евреев-отказников, куда меня пригласили на домашний спектакль (я жил по соседству в таком же доме). Спектакль давали два человека: Юрий Дружников (автор текста) и известный киноактёр Савелий Крамаров.

Квартира была забита до отказа, присутствовало немало совершенно незнакомых людей, о том, кто их привёл, не знали и хозяева квартиры. Спектакль — под названием «Кто последний? Я за вами» — был настолько острым, едким, «антисоветским», что я по временам оглядывал комнату, всматриваясь в лица присутствующих и пытаюсь угадать, кто из

Савелий Крамаров и Юрий Дружников

них — *оттуда*, из известного учреждения, и не составит ли он свой отчёт таким образом, что отважных актёров заметут.

После спектакля я подошёл к Юрию. Он меня тотчас узнал, и с того дня мы стали часто встречаться.

Дружников был в отказе уже несколько лет, и перспектив на эмиграцию не было видно. Из Союза Писателей он был исключён, его пьесы, ранее шедшие в театрах, были сняты с репертуара, книги изъяты из библиотек. Его грубо вытаскивали из литературы. Роман его был уже написан, знакомый американец вывез микроплёнку в пачке «Мальборо», но публиковать его было невозможно. Рукопись ещё раньше была найдена при обыске у одного из знакомых Дружникова. Имени автора на титульном листе не значилось, но органы его «вычислили», стали таскать на Лубянку, жёстко предупредили: если роман будет опубликован на Западе, у автора в свободной советской стране останется свободный выбор: лагерь или психушка.

«Я на многое готов, — сказал мне однажды Юрий, — но сидеть не хочу».

Меня эти слова удивили, ибо действовал он так, словно был готов *на всё* — без всяких оговорок. Он открыто встречался с иностранными журналистами, давал интервью, публиковал статьи в иностранных газетах. Вероятно, ему это сходило с рук потому, что Лубянка знала: доводить до крайности не следует, ибо тогда будет опубликован его роман. Вероятно, это же делало его «вечным» отказником, ибо было понятно, что, если его выпустят, роман тотчас будет опубликован. Чтобы ликвидировать театр ДК (Дружников-Крамаров), актёра выпустили, а писателя — нет!

3

Тем временем развивалась моя борьба за получение вызова из Израиля (то был период, когда власти, дабы ослабить напор на ОВИРЫ, распорядились задерживать вызовы), а затем — за выездные визы,

получить которые в начале 1980-х, после вторжения «ограниченного контингента» в Афганистан, казалось совершенно невероятным.

Визы мне были выписаны, но не выданы якобы из-за нехватки каких-то справок. Когда я принёс эти справки, мне сказали, что дело направляется на пересмотр. Я слал протестные телеграммы формальному (милицейскому) начальству московского ОВИРа, в которых, изрядно блефуя, грозил международным скандалом.

Через два месяца нас с женой снова позвали в ОВИР для выдачи виз и снова потребовали дополнительных справок. Я ответил майору Семёнову, что никаких новых справок представлять не буду: не хочу давать повода для нового пересмотра нашего дела.

— В таком случае вы не получите визы, — нагло усмехнувшись, сказал майор Семёнов.

— В таком случае я объявлю голодовку, — ответил я.

Меня поразило молниеносное изменение тона, в котором он вёл разговор:

— Семён Ефимович! — заулыбался майор, разыгрывая деланное изумление. — У вас визы на руках, а вы — голодовку объявлять!..

— Мои визы в ваших руках, у меня нет другого выхода.

— Но я не могу сейчас выдать вам визы, мне надо согласовать, а сейчас уже конец рабочего дня, пятница. В понедельник всё согласуем, и вы получите визы... Может быть, вам полезно поголодать пару дней? — съехидничал он под конец, намекая на мой несколько избыточный в то время вес.

— А вы пробовали? — спросил я.

— А мне — зачем? — удивился он.

Он действительно был строен как берёзка, не в пример его прямому начальнику подполковнику Зинченко, пузатому и толстозадому флегматику, который иногда, с трудом переваливаясь с боку на бок, откормленным боровом проплывал по коридору.

— И мне незачем, — сказал я. — Я не такой дурак, чтобы начинать голодовку в пятницу вечером. Я начну её в понедельник, если не получу виз.

— Но в понедельник вы их получите!..

В понедельник мы собрались ехать в ОВИР, но вдруг жена сказала:

— Ты знаешь, я сегодня с тобой не поеду. Всегда, когда мы являемся вместе, что-то срывается, и у меня такое чувство, что, если мы будем

вместе, опять сорвётся. Поезжай без меня. Но только позови кого-нибудь, чтобы ты не был один.

Почему надо было кого-то позвать, мы друг другу не объясняли. Ситуация дозрела. Угроза голодовки произвела гораздо большее впечатление, чем я ожидал. Что там вываривалось в их чёрном ящике за прошедшие выходные, мы знать не могли. Но было похоже, что либо они выдадут визы, либо мне придётся начать голодовку, но они о ней предупреждены и могут попытаться сделать так, чтобы об этом подольше никто не узнал. Надо было, чтобы кто-то из надёжных людей хотя бы видел, что происходит, и мог сообщить, если меня поведут или повезут в неизвестном направлении...

Я позвонил Дружникову, и он, не задавая вопросов, тотчас примчался на Колпачный, в ОВИР, на своём стареньком «Москвиче».

Почему я обратился тогда к Дружникову, — не могу объяснить. У меня было немало друзей — более давних и не менее преданных. Но в ту минуту, одну из самых пиковых в моей жизни, я внутренне понял, что должен чувствовать рядом *его* локоть, *его* плечо...

В предбаннике мы ожидали недолго: меня по селектору вызвали к майору Семёнову. На этот раз он был вежлив и сугубо официален. Произнёс небольшую, хорошо подготовленную речь о том, что нас лишают гражданства, и мы никогда не сможем вернуться в Советский Союз.

— Не беспокойтесь об этом, — сказал я, — я не для того уезжаю, чтобы вернуться.

— Многие просят назад.

— Я не попрошусь. Общение с вами привило стойкий иммунитет от ностальгии.

Не веря себе, я вышел из кабинета с заветными визами. Сел рядом с Юрием, перевёл дух, сказал:

— Вот они, посмотри, нет ли там какой подлянки. Я сейчас плохо соображаю.

Дружников стал рассматривать визы и тотчас обнаружил «подлянку». Срок действия истекал через три дня. Купить билеты и улететь за такой короткий срок было невозможно, даже если ни с кем не проститься и бросить к чертям все дела, которые требовалось завершить. Мы смотрели друг на друга, не зная, как оценить ситуацию. В это время раздался голос по внутреннему селектору:

— Гражданин Резник, зайдите в кабинет номер 22.

Это был кабинет Зинченко.

Я с ещё большим недоумением посмотрел на Дружникова. В голове мелькнуло: «у них вышла ошибка, визы хотят отобрать». Юрию я сказал:

— Держи визы. И если что — беги с ними, не отдавай!

Ничего более глупого сказать в той ситуации было невозможно.

...Подполковник Зинченко сидел в своём кабинете за обширным столом, его одутловатое, похожее на раздутый пузырь лицо с узкими щёлочками вместо глаз, хмурилось, как грозовая туча. Он указал мне на стул и, помолчав, произнёс:

— Ну что, гражданин Резник, мы расстаёмся с вами.

— Да нет, — возразил я. — К сожалению, ещё не расстаёмся. Визы истекают через три дня. Придётся прийти к вам за продлением.

На этом Зинченко меня остановил и произнёс с неподдельной обидой в голосе, медленно, чётко разделяя слова на слоги:

— За-ме-сти-тель на-чаль-ни-ка глав-ка! — он поднял вверх отёчный как сарделька палец. — У него что, дел других нет, как заниматься вами!.. Будете писать жалобы — не продлим!

Тут я только понял, на каком низком уровне решалась моя судьба. Оказывается, генерал Минаев, который курировал ОВИР по линии МВД и на чьё имя я слал свои телеграммы, не был даже начальником главка, а только заместителем! И кто бы мог подумать, что эти телеграммы имели какое-то действие.

— А если не буду писать, продлите? — спросил я.

На это он потупился и, уставившись в крышку стола, процедил:

— Продлим.

По-видимому, решение о моём выезде было окончательно принято, и Зинченко теперь должен был обеспечить, чтобы всё дальнейшее шло гладко, без неожиданностей, которые могут доставить новое беспокойство начальству. Под это, вероятно, многое можно было выторговать, вплоть до вывоза архива и библиотеки. Но тогда я об этом не думал. Доминировало желание убраться как можно скорее и никогда больше не видеть эти морды...

Вместе с Юрием мы вышли из ОВИРа, пожали друг другу руки. Было непередаваемое чувство общей, одержанной вместе победы. Не помню даже, сказал ли я ему спасибо. Пожалуй, это было тогда даже не очень уместно: всё равно, что благодарить самого себя.

4

Дружникову удалось вырваться из Совдепии уже при Горбачёве, после того как он устроил публичную выставку под названием «Десять лет изъятия писателя из советской литературы», которая привлекла внимание иностранной прессы. Однако годы отказа он не потерял даром.

После окончания вуза он был школьным учителем, путь свой в литературе начинал как детский писатель. В течение многих лет его интересовала судьба легендарного советского пионера-героя Павлика Морозова, возвеличенного агитпропом и обслуживавшей его литературой. Познакомившись с разными произведениями о Павлике, Дружников обнаружил массу нестыковок и противоречий.

В 1982–84 годах он предпринял ряд тайных поездок по стране. Разыскал мать Павлика, его учительницу, беседовал с односельчанами, добрался до некоторых архивов, нашёл двух ГПУшников, причастных к делу Павлика Морозова, и сделал ряд потрясающих открытий, не оставивших буквально ничего от советской пропагандистской легенды. Он установил, что Пионер № 1 никогда не был пионером, ибо первый пионерский отряд появился в селе Герасимовка уже после его смерти. Что отца своего он заложил не по идейным соображениям, а по наущению матери, мстившей ему за то, что он ушёл из семьи. И что убили Павлика вовсе не кулаки, каковых в бедной Герасимовке никогда не было, а скорее всего, те два ГПУшника, которых ему удалось разыскать: они *прямо* признались ему в причастности ко многим мокрым делам и *почти прямо* — к убийству Павлика и его младшего брата Феди. Мотив этого чудовищного преступления тоже был выявлен Дружниковым: власти стремились создать в селе атмосферу террора, запугать жителей, чтобы загнать их в колхоз, куда они упорно не желали вступать. Выявив правду, Дружников проанализировал и технологию сотворения мифа о пионере-герое, который с энтузиазмом создавали многие советские писатели — подручные партии.

Книга вышла в лондонском издательстве *Overseas* в 1988 году и произвела эффект разорвавшейся бомбы. Замолчать её в России в эпоху гласности уже было невозможно, но на неё накинута пресса, не желавшая смириться с разоблачением большевистских мифов, из которых миф о Павлике Морозове был одним из самых стойких.

В рецензии на книгу «Доносчик 001 или вознесение Павлика Морозова», опубликованной в израильском журнале «22» (1989, май-июнь, № 65, стр. 204–212), я сопоставил это «частное расследование» с аналогичным расследованием киевского журналиста Бразуль-Брушковского по делу Бейлиса.

«Автор книги „Вознесение Павлика Морозова“, писатель Юрий Дружников, ведя своё частное расследование, возможно, не думал о Бразуль-Брушковском и деле Бейлиса,—говорилось в рецензии.— Однако его расследование имеет немало параллелей с тем, которое вёл киевский журналист. Достаточно сказать, что в обоих случаях речь шла об убийстве мальчиков примерно одинакового возраста. В обоих случаях поводом к убийству послужило доноительство (правда, в случае с Ющинским—мнимое). В обоих случаях к суду были намеренно привлечены невиновные и оба раза—для нагнетания ненависти: в одном случае—расовой, а в другом—классовой. И, наконец, в обоих случаях истинные убийцы были раскрыты благодаря частному расследованию, проведённому отважными людьми».

Я указал и на различия этих двух расследований, делавшие задачу Дружникова во много раз более трудной:

«Первое велось параллельно с официальным следствием и решительным образом повлияло на судьбу обвиняемого. А второе велось через пятьдесят лет после самого убийства и повлиять на исход дела не могло. Однако его значение для уяснения истины не менее важно». И далее: «Сейчас, когда в России идёт трудный процесс очищения от скверны сталинизма, свержение с пьедестала Павлика Морозова, реабилитация его мнимых убийц и восстановление всей правды о событиях в Герасимовке 1932 года невозможно переоценить».

Это было написано почти 20 лет назад.* С тех пор в России и в мире произошли грандиозные перемены. Большевизм канул в Лету, Советский Союз распался, в России произошёл ряд грандиозных переворо-

* Напоминаю, что данная статья была написана в 2008 году, то есть через 20 лет после выхода в свет книги Ю. Дружникова о Павлике Морозове и моей рецензии на неё.

тов. Но книга Дружникова о Павлике Морозове и сегодня не утратила своего значения. Доказательство тому — появившаяся три года назад «новая» книга о Павлике, написанная профессором Оксфордского университета Катрионой Келли.

Она тоже объездила все места, связанные с Павликом Морозовым, а сверх того, посетила архив ФСБ, где её любезно приняли и познакомили с судебным делом об убийстве Павлика и его брата Феде. В деле не оказалось документов о том, что Павлика убили сотрудники ГПУ, зато присутствовали признательные показания «убийц», приговорённых показательным советским судом. На этом основании Катриона Келли «оспорила» версию Дружникова, сознательно или несознательно став рупором для озвучивания версии ФСБ. Это в самом конце книги. А большая часть её текста представляет собой не что иное, как почти дословный перевод книги Дружникова на английский язык. При том, что его книга вышла по-английски десятью годами раньше (Transaction Publishing, 1996).

В книге есть лишь одна небольшая глава, написанная оксфордским профессором самостоятельно. К Павлику прямого отношения она не имеет, так как в ней перечисляются случаи убийства детей в политических целях, запечатлённых в анналах российской истории, — от легендарных княжичей Бориса и Глеба до царевича Димитрия и до Андрюши Ющинского. Делу Бейлиса, возникшему в результате убийства Ющинского, отведено две страницы, но в них нагорожено рекордное число нелепостей на столь малый объём текста. (См.: С. Резник. *«Дело Бейлиса в Оксфордском исполнении»*, «Заметки по еврейской истории», № 8, 2005 год.). При таком уровне познаний британской исследовательницы её нетрудно было использовать тем, кто пытается подорвать доверие к фактам, установленным Дружниковым.

5

После эмиграции, в Америке, Дружников быстро и легко нашёл себя и своё место. Помогло превосходное знание английского языка и то, что его хорошо знали в Америке как одного из ведущих писателей-диссидентов.

Год он провёл в Техасском университете, а затем ему предложили постоянное место профессора русской литературы в Калифорнийском университете в Дэвисе, где он прекрасно проработал до последнего

дня, то есть двадцать лет, хотя к своим официальным званиям и обязанностям он относился несколько иронически и письма свои мне иногда подписывал: «Профессор кислых щей».

Преподавательскую работу он любил, но досадовал на административные дела, которые съедали много времени, отрываемого от творческой работы. Прежде всего он считал себя писателем, и он написал ряд замечательных произведений уже здесь, в Америке. В их числе ряд «микророманов», большое число литературоведческих и публицистических работ, весёлый, острый, сатирический роман «Суперженщина», и многое другое, в том числе трилогия о Пушкине.

Эта грандиозная книга поражает, прежде всего, тем, что она вообще написана. Казалось бы, зачем? Что нового можно сказать сегодня о Пушкине?

Ещё при жизни, а в особенности сразу после трагической гибели поэта, Пушкина стали осознавать как ключевую фигуру всей русской истории, культуры и литературы. А потому и внимание к Пушкину на протяжении вот уже более ста семидесяти лет — самое пристальное. Пушкинистика — самая разработанная часть российского литературоведения. Изучением Пушкина занималось несколько поколений исследователей, сотни, если не тысячи, в их числе мастера самого высокого класса: П. В. Анненков, Ю. Н. Тынянов, П. Е. Щёголев, Б. М. Эйхенбаум, М. А. и Т. Г. Цявловские, С. М. Бонди, И. Л. Андроников, Ю. М. Лотман, А. Д. Синявский и многие другие. Но собственно пушкинисты, это только небольшая часть исследователей, обращавшихся к пушкинской теме по самым разным поводам.

«Специалистам по русской истории и культуре XVIII века порою просто приходится в той или иной степени превращаться в пушкинистов, — писал Н. Я. Эйдельман. — Изучая архитектуру того столетия или освободительные битвы XIX, историю государственных учреждений или землепашество, войну 1812 года или дворцовые тайны, народное мнение — историк должен время от времени советоваться с Пушкиным, имея в виду его „умение одной строкой, одним метким выражением определить всю сущность крупного исторического явления“ [следует ссылка на О. Мандельштама]».

Результатом этой гигантской работы стало то, что изучены не только все тексты Пушкина, все материалы, имеющие прямое или косвенное отношение к нему, но и весь круг его друзей и недругов, все мало-мальски заметные фигуры его времени, все особенности и приметы его эпохи.

«Мы знаем о Пушкине в несколько раз больше, чем он сам знал о себе!» — любил повторять Н. Я. Эйдельман.

Что же можно добавить к уже известному? Наверное, какие-то штрихи, подробности, нюансы... Стоило ли ради этого писать три объёмистых тома, на создание которых писатель-исследователь потратил 18 лет?

Надо прочитать эти три тома, чтобы понять: не только стоило, но было совершенно необходимо. И сделать это мог только такой человек, как Дружников, с его широким кругозором, методологической оснащённостью и талантом повествователя. Однако самая сильная сторона книги, на мой взгляд, состоит в идейно-нравственной позиции автора. Она позволила ему заново открыть Пушкина, показать его таким, каким он был, без ретуши, без грима. Только прочитав трилогию Дружникова, я понял, что почти всё, читанное мною прежде, было не столько о Пушкине, сколько о... *памятнике Пушкину*.

«Историческая трагедия Пушкина, на мой взгляд, в том, — разъяснял Дружников свой замысел, — что поэта превратили в идола, которому поклонялись как иконе, в икону, в монументы, в названия городов, улиц, библиотек, пароходов, причём реальный Пушкин всё плотнее покрывался наслоениями грима... Его объявляли индивидуалистом и коллективистом, русским шеллингианцем, эпикурейцем и представителем школы натурфилософии, истинным христианином и воинствующим атеистом, масоном, демократом и монархистом, умеренным, идеалистом, материалистом и даже историческим материалистом. Но один псалом дружно пелся властями всегда: Пушкин — олицетворение всемогущего русского духа, символ великой, единой и неделимой России, государственный поэт № 1».

Это сказано не только ёмко, но и предельно точно. Да, Пушкин был нужен властям (и не только властям, замечу, ибо в плену мифов

оказывались и авторы, отнюдь не лакействовавшие перед сильными мира сего), как *лицетворение*, а не как *лицо*! Дружникова же интересует подлинное *лицо* поэта. Он срывает с него маски, смывает все слои грима, сводит его с пьедестала. И великий поэт предстаёт перед нами не как «наше всё» (Аполлон Григорьев) и не как «начало всех начал» (Максим Горький), а как живой человек.

6

Борьба с мифами — таков лейтмотив всего творчества Юрия Дружникова. Понятно, что его книга о Пушкине, как ранее о Павлике Морозове, вызвала в России горячие отклики — восторженные со стороны немногих, злобную хулу со стороны большинства, не имевшую, однако, ничего общего с профессиональной литературной критикой.

Мифологическое сознание — это духовный конформизм, часто безотчётный. Людям, боящимся самостоятельно мыслить, надо принадлежать к группе, к стаду, а это значит — верить во внушённые им мифы. Тот, кто покушается на мифы, подрывает их душевный покой, вселяет чувство тревоги, духовной и душевной неустроенности, сирости. Этого обычно не прощают.

Трилогия Дружникова о Пушкине носит название «Узник России». Большинство пушкинистов встретило её в штыки, чего и следовало ожидать. Они годами, десятилетиями соревновались в том, чтобы поднимать Пушкина на всё более высокие пьедесталы, так что давно уже, задрав головы, ничего не видят кроме его ботинок. И вдруг их кумир — предстал перед ними в натуральный свой рост!

В своих стихах Пушкин призывал хвалу и клевету принимать равнодушно и не оспаривать глупца. Но в жизни он не был равнодушен к хуле и с глупцами схватывался в полемических баталиях. Так же поступил и Дружников, издав вслед за трилогией ещё один том, под выразительным названием «Дуэль с пушкинистами». Неудивительно, что она тотчас вызвала злобную реакцию со стороны тех, кому, говоря словами Пушкина, «их возвышающий обман» дороже «тьмы низких истин».

7

Живя на противоположных концах континента, мы редко встречались, но по телефону общались постоянно. На «Голосе Америки» я вёл еженедельную передачу «Клуб интересных встреч» и часто приглашал к микрофону Дружникова. Он всё время двигался, шёл вперёд, с ним всегда было что обсудить в эфире. Он был гостем одной из первых моих программ и одной из последних.

Совсем недавно, уже в этом году, вышел в России последний роман Дружникова, «Первый день оставшейся жизни». В названии есть что-то символическое.*

В последние годы он чувствовал себя всё хуже, хотя редко жаловался на здоровье. Он боялся, что не успеет закончить роман. Потом, когда закончил, боялся, что не успеет его издать. Когда роман вышел, он боялся, что не успеет получить из России первые авторские экземпляры.

Он успел их получить.

Он начал перечитывать свой роман, уже лёжа в постели, и тихо скончался, оставив книгу открытой на 130-й странице...

Это произошло 14 мая 2008 года.

Юрина жена Лера (Валерия) Дружникова мне сказала:

— Ты знаешь, он как-то всё успел...

ПОСЛЕСЛОВИЕ 2024

В сентябре 1997 года в «Литературной газете» было опубликовано большое интервью Павла Басинского с Юрием Дружниковым. Оно завершалось фразой: «Я пишу о прошлом, думая о нынешнем, а снится мне здоровая Россия».

* Книгу я прочитал уже после того, как было написано это эссе. Последний роман Дружникова — удивительное, интересное, весёлое и вместе с тем глубоко философское произведение. В основу сюжета положены невероятные приключения... «звезды генералиссимуса». Такой звезды не существовало, но писательское воображение подсказало Дружникову блестящий сюжетный ход. Коль скоро товарищу Сталину было присвоено (то есть он сам себе присвоил) звание генералиссимуса, то должна была быть отлита для него особая звезда — по аналогии с маршальской, но украшенная ещё большими драгоценностями и совершенно уникальная. О том, как она исчезла и как её искали по всему свету, и повествуется в этом необычном романе.

Увы, Россия всё ещё не выздоровела. Хуже того, болезнь перешла в куда более тяжёлую стадию — кровавого национал-путинизма.

Остаётся надеяться, что у России ещё есть силы, которые помогут ей одолеть все болезни, и сны Юрия Дружникова сбудутся.

ОБ АВТОРЕ

Семён Резник — известный писатель, публицист, автор биографий крупнейших учёных.

В СССР был редактором отдела серии «Жизнь замечательных людей». Занимался популяризацией науки, опубликовал несколько научно-популярных книг.

В начале 80-х эмигрировал в США. Сотрудничал с вашингтонским журналом «Вестник», был многолетним сотрудником «Голоса Америки» и радио «Свобода»[2], редактором издательства Чалидзе.

Автор историко-документальных романов «Хаим-да-Марья» (1986) и «Кровавая карусель» (1988, о событиях Кишинёвского погрома 1903 года), книг исторической публицистики «Красное и коричневое. Книга о советском нацизме» (1991), «Нацификация России. Антисемитизм в постсоветскую эру» (на английском языке, 1996), «Растление ненавистью. Кровавый навет в России» (2001), «Вместе или врозь? Заметки на полях книги А. И. Солженицына „Двести лет вместе“» (2003 и 2005), «Выбранные места из переписки с друзьями» (2004, 2010), «Мифология ненависти. Об антисемитизме — для всех» (2006 и 2008), историко-филологического исследования об авторстве приписываемой В. И. Далю «Записки о ритуальных убийствах» (2008 и 2010), «Убийство Ющинского и дело Бейлиса» (2013), сборника историко-документальной прозы «Сквозь чад и фимиам» (2010). Обширная биография Николая Вавилова была опубликована в 2017 году.

Публикует историко-литературные тексты в «The Washington Post», «The Washington Times», «The Scientist» и других англоязычных изданиях.

Живёт и работает в Вашингтоне.

Михаил РЫКОВ
«ПЕРЕВОЗРОЖДЕНИЕ» —
ЛЕОНАРД КОЭН В ПЕРЕВОДАХ

*Мы научились благородству в эту зиму
у строгих клёнов и кустов безлистных...*

Леонард Коэн

Я никогда не считал себя поэтом, если говорить правду. Я всегда полагал, что поэзия — это приговор, который другие люди выносят особому виду сочинительства. Поэтому называть себя поэтом — довольно опасная вещь. Оставьте это определение другим; только они и могут им пользоваться.

*Леонард Коэн: из интервью
американскому журналу Esquire*

За более чем четверть века глубокого погружения в многогранное творчество Леонарда Коэна мне не раз — в основном в роли слушателя — доводилось наблюдать полемику о том, переводим ли этот во многом уникальный монреальский гений. Мнения по этому поводу, как водится, бывают диаметрально противоположны. Причём география этих мнений — от Остина в Техасе до новозеландского Веллингтона, восточно-европейских Киева и Праги и ближневосточного Тель-Авива.

Во многом аргументы участников полемики зависят от того, кем для них является Коэн — поэтом, автором музыки к песням, исполнителем этих самых песен, к которым он также писал слова, иконой контр-популярной культуры или даже пророком. Переводы поэ-

тов — органически необходимы и, как правило, получаются, если их переводят поэты, а не дилетанты, или того хуже — графоманы. Песни, например «Битлз», либо той же итальянской эстрады, в своё время покорившие мир популярной музыки, в основном обходились без переводов, где бы они ни звучали. Контр-культура в самом своём значении подразумевает наличие противоречий. Переводы пророков и вовсе иная сфера.

Для обитателя канадской столицы Михаила Рыкова родившийся на противоположном берегу реки Оттава, в провинции Квебек Леонард Коэн, безусловно, прежде всего поэт. Искренне надеюсь, что Михаил лишь до поры не афиширует собственные опыты в стихосложении. Коэна он переводит мастерски, без надрыва и бескомпромиссно близко к оригиналу. Для этой журнальной подборки выбраны стихи Коэна из ранних поэтических сборников — «*Давайте сравним мифологии*» (*Let Us Compare Mythologies*), вышедшего в Канаде в 1956-м году и «*Коробка пряностей Земли*» (*The Spice-Box of Earth*), увидевшего свет там же в 1961-м. Канадская и американская литературная критика сразу же заметила эти по сути ранние стихи Коэна, и титул поэта для автора с тех пор даже не обсуждался. Он был выдан по праву. И даже несмотря на то, что с середины 60-х Леонард Коэн с головой уходит в песенное творчество, тексты его песен и там — безусловная поэзия.

Михаил Рыков чувствует дыхание и органическое естество коэновских оригиналов, как мало кто из известных мне переводчиков Коэна. Он, конечно же, перевёл тексты всех покоривших мир песенных «хитов» этого автора. И перевёл их, поверьте — великолепно. И тем не менее, именно выбор для этой публикации стихов, с которыми Леонард Коэн изначально явился в мир большой литературы, и бережное, воистину ювелирное обращение Михаила с внутренним построением уже тогда непростой поэтики Коэна — особое отличие состоявшегося переводчика-мастера.

Гарри Лайт

Из книги «Давайте сравним мифологии»
(Let Us Compare Mythologies) 1956

МОЛИТВА О МЕССИИ

И кровь его греет ладонь, как птенец.
Свинца тяжелей его сердце в руке.
Он светит из глаз моих ярче любви.
И голубь готов; где же ворон — зови!

Он в песне моей меньше, чем человек.
И смерть его грудь мою глыбой теснит.
Он светит из глаз моих ярче любви.
О, голубь готов; где же ворон — зови!

О, голубь готов; где же ворон — зови!
В пещере прикованный — пой из оков.
Ты светишь из глаз моих ярче любви.
Поправ смерть, в балладе моей твоя кровь.

В пещере прикованный — пой из оков.
Ты светишь из глаз моих ярче любви.
Свинца тяжелей твоё сердце в руке.
И кровь твоя греет ладонь, как птенец.

О, ветка любви, оторвись и лети!
Пал ворон, чтоб голубя жертвой спасти.

ЭЛЕГИЯ

Не ищи его,
Где шквал горных вод —
В них слишком холодно богам.
И не выпытывай у рек сердитых,
Где клочья нежной плоти.
Не камни прячут его кровь,
Но в океане тёплом
Он вниз среди скал скользит
В зелёных водах,
И цветные зависшие рыбы
Его раны целуют,
И вьют укромные гнёзда
В трепещущей плащанице

ПЕРЕВОЗРОЖДЕНИЕ

Мучительное возрождение весной,
как воссоздание соборов между войн,
и каменщики у разбитых стен;
и нет уж сил совсем, чтобы начать всё вновь,
с листвою открыть мир тайн
и замереть, когда внезапно выйдет солнце;

устали мы от тающих отвалов, что всё ещё лежат,
как рыбы туши сгнившие на пляже;
под равнодушный лязг лопат
песок сгребаям с тротуаров, губя ручьи;
и школьники в трамваях
глазеют изумлённо.

Мы научились благородству в эту зиму
у строгих клёнов и кустов безлистных,
но нас весна тревожит, словно утро,
и мы надеемся, что осень не наступит.

РИТУАЛЫ

В дар неся цветы и карамель,
семья пришла смотреть, как умирает
мой папа; стояли у его кровати;
он лежал на окровавленной подушке
с полуистлевшим сердцем,
с покаянием в горле сухом.
Так обыденно... И этот запах...
Всё казалось необходимым.
Мои дядюшки, словно безумцы,
пророчили жизнь как оракулы;
лишь к утру они прекратили,
после... когда он умер...
Тогда я и стал кричать.

КОГДА ЭТА АМЕРИКАНКА

Когда эта американка,
чьи бёдра стянуты простой пурпурной тканью,
врывается и, громыхая, проносится,
как всё сжигающая на пути монгольская орда —
мой город потрясён,
а шаткие столетние дома
разбрызганы кругом;
и воспалённым взором
ищу китайских дев в шелках,
уже немолодых,
столь неприметных между тонких сосен
на этих без границ просторах,
что только отведи свой взгляд —
и потеряешь их надолго.

ЭТИ ДЕЯНИЯ ГЕРОЕВ

О, был бы надо мною нимб,
и люди, что сидят в трамваях,
вперяли бы в меня свой взгляд;
о, если б мог скользнуть,
пронзая волны,
бок о бок с рыбой и морской змеёй;
и крылья растопить
в полёте смелом к солнцу;
ты думаешь, я б в комнате сидел,
тебе читая вирши,
лелея те безумные мечты,
что рождены движением твоих губ?

ПАРЯЩИЙ

Моя любовь прикрой от солнца плоть
Рук не протягивай смущённым небесам
Там ангелов гоняя день и ночь
Убогий каждый должен сцапать сам

Приладив ложный шрам костыль иль крюк
О лёгкость ты не свойственна всем нам
И плоть унять не научиться вдруг
Из грешных тел не вырасти крылам

И молим мы — прижмись и излечи
От ночи где не различить глазам
Ран на ногах того кто не молчит
Поёт и борется за нас и вот он там

Идёт с любовью в небо где они
К нему тепло руки своей тяни

Из книги «Коробка пряностей Земли»
(The Spice-Box of Earth) 1961

МОЯ ЛЕДИ МОЖЕТ УСНУТЬ

Моя леди может уснуть
На носовом платке,
А если листопад,
На опавшем листе.
Я видел, охотники
Пали пред ней ниц,
Но даже во сне она
Отворачивается от их лиц.
Дары, что они несут —
Их вечные скорбь и тоска.
Я роюсь в карманах
В поисках платка или листа.

К АННЕ

Она ушла,
И чьи глаза сравнить
С восходом солнца?

Нет, я не сравнивал,
Но вот теперь сравнил,
Теперь, когда ушла.

ДАР

Ты говоришь, молчанье
намного ближе к миру, чем поэмы,
но если б я, как дар,
принёс тебе молчанье
(я много знаю про молчанье),
ты бы сказала:
«Это не молчанье,
это ещё одна поэма», —
и ты б тогда её вернула мне.

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Михаил Рыков родился в Минске в 1965 году. После окончания Минского Радиотехнического Института, теперь Университета Информатики и Радиоэлектроники, работает в сфере информационных технологий. С 2001 года проживает в столице Канады Оттаве.

В Канаде он увлёкся переводом произведений канадского монреальского поэта Леонарда Коэна, в связи с чем в Университете Оттавы посетил несколько курсов по современной канадской поэзии и отдельно по творчеству Леонарда Коэна. В университете его преподавателем стал другой поэт из Монреаля, профессор Симур Мэйн, чью книгу «Пик» (2014) Михаил перевёл, и двуязычный вариант которой вышел в свет в Санкт-Петербургском издательстве «Серебряный век» в 2019 году.

Михаил переводит с английского и белорусского; является членом Творческого Оттавского Литературного Клуба (ТОЛК) и регулярно печатается в альманахе, издаваемом клубом; активный участник Белорусского Института Науки и Искусства в Канаде (BINIM); с января 2021 посещает Торонтовский семинар художественного перевода Илья Липеса.

Игорь МИХАЛЕВИЧ-КАПЛАН

ИВАН ЕЛАГИН: ДОЛГОВЕЧНОЕ СЛОВО

Давняя традиция отмечать юбилеи русских знаменитых писателей: со дня рождения или памяти со дня смерти-ухода в изгнании восходит к истории первой эмиграции: чтили Газданова, Набокова, Поплавского, Берберову, Яновского, Зайцева, Мережковского, Гиппиус, и многих, многих других. К этой когорте Великих принадлежали и два лауреата Нобелевских премий Иван Бунин и Иосиф Бродский. В декабре прошлого года исполнилось 105 лет со дня рождения большого русского поэта Второй волны эмиграции Ивана Елагина, с которым я был знаком — судьба благоволила ко мне. Приехав в Зарубежье в 1979 году, я ещё застал и познакомился с некоторыми яркими представителями, в основном второй волны.

Вообще, в жизни мне везло — вырос я в культурной семье, в доме у нас бывали писатели, журналисты, люди науки, актёры, режиссёры. Например, лекции по литературе мне индивидуально читала мамина подруга Евгения Семёновна Гинзбург (мать писателя Василия Аксёнова). Всё это было: круг интеллектуальной молодёжи, жаркие споры, капустники, студенческая среда, розыгрыши. Эти традиции перекочевали со мной и с выездом в эмиграцию, когда я попал сорок лет тому на постоянное место жительства в Филадельфию. Оглянулся, осмотрелся и взялся за старое: организовывал встречи, литературные концерты и живое общение с людьми, позднее открыл издательство и литературно-художественный журнал «Побережье». Что было — то было...

Мне всегда были интересны люди неординарные, оригинальные, необыч-

ные. Поэтому, когда представлялась какая-то возможность познакомиться и пообщаться с этими людьми, я её не упускал. Так, в эмиграции, в поле моего зрения попали Иосиф Бродский, Наум Коржавин, Лев Лосев, Василий Аксёнов, Сергей Довлатов, Александр Генис, Борис Филиппов, Евгения Жиглевич, Валентина Синкевич, Татьяна Аист, Ираида Лёгкая... Этот список можно продолжать и продолжать... Но степень близости была разная: встречи, переписка, телефонные переговоры, смс сообщения по интернету, общие литературные проекты, издательские дела, славистские конференции, совместные писательские выступления и тому подобное.

...В начале июня 1984 года состоялся творческий вечер поэтов альманаха «Встречи» в Вашингтоне. С чтением стихов выступили поэты Иван Елагин, Борис Филиппов, Виктор Урин, Нонна Белавина, Александр Рязановский, Валентина Синкевич, Татьяна Фисенко, Михаил Крепс и другие. Участвовал в этом мероприятии и ваш покорный слуга. Встреча проходила в пресвитерианской церкви. А девятого июня об этом доброжелательно написала главная эмигрантская газета Зарубежья того времени «Новое русское слово». Газета писала: «Заключительным аккордом вечера явилось выступление поэта Ивана Елагина. Он прочитал несколько стихотворений — одно прекраснее другого. И по просьбе публики ещё одно, написанное давно, можно сказать, ставшее уже классикой — „Мне незнакома горечь ностальгии...“».

Мне незнакома горечь ностальгии.
Мне нравится чужая сторона.
Из всей — давно оставленной — России
Мне не хватает русского окна.

Оно мне вспоминается доньне,
Когда в душе становится темно —
Окно с большим крестом посередине,
Вечернее горящее окно.

Вот там, в Вашингтоне, я впервые увидел и познакомился с Иваном Елагиным. Он отнёсся тогда ко мне довольно благосклонно. Сказал, что читал мои стихи во «Встречах». Он знал, что я с Украины, работал в Киеве в Союзе Писателей (сам он был киевлянином, очень любил этот город). Иван Елагин интересовался писательскими шутками-

прибаутками, побасёнками. Смеялся моим рассказням. Он хорошо выглядел: красивое лицо, высокий лоб, необычно большие глаза.

Вскоре, в том же году, 4 ноября, мы встретились ещё раз в собрании Литературного фонда, и уже в Нью-Йорке. Состав выступающих был почти тот же, но ещё дополнительно помню Владимира Шаталова, Елену Клюеву, Павла Бабича. Творческая встреча проходила в помещении нью-йоркского Св. Серафимовского фонда. На этот вечер приехала первая жена Елагина, Ольга Анстей (наст. имя *Ольга Николаевна Штейнберг* (1912, Киев — 1985, Нью-Йорк) — русская и украинская поэтесса и переводчица «второй волны» эмиграции. Она была в госпитальной коляске. Я мог её рассмотреть, так как сидел недалеко: умное, спокойное выражение лица, но чувствовалась усталость и болезненность.

Иван Елагин читал своё знаменитое стихотворение:

На пустыре, забором огороженном,
Землечерпалки роют котлован.
А я хожу каким-то растревоженным,
Наверно люди думают, что пьян.

Уже закладка началась фундамента,
Подвоз цемента, балок, кирпича,
А я иду по улице, беспамятно
Какие-то обрывки бормоча.

А в центре пустыря начальство высшее
Стоит, над чертежами ворожа,
А вот для моего четверостишия
Никто мне не покажет чертежа.

Глядишь — и над цементною площадкою
Воздвигнут металлический каркас,
А у меня слова такие шаткие,
А стойких слов я в жизни не припас,

А у меня слова такие ломкие,
Что я не знаю, как их уберечь.
Эпохи ветер налетает комкая
Мою невразумительную речь.

Что будет в этом здании? Кузнечные
Цеха, или музей, или вокзал?
Векам на зависть балки поперечные
С продольными строитель увязал.

А я хочу, чтоб было долговечнее
То слово, что я шёпотом сказал...

Стихотворение было опубликовано: Иван Елагин, «Собрание сочинений в 2-х томах» (М.: «Согласие», 1998) под редакцией Е. Витковского.

Была ещё одна довольно интересная встреча — обед в доме Валентины Синкевич, где мы были втроём: она, я и Иван Елагин. На следующий день Елагин должен был сольно выступить в местном клубе. Валентина Алексеевна приготовила свою традиционную запечённую в духовке курицу, картошку и салат. Я привёз соленья из русского магазина, в общем был «пир на весь мир». Мы вели довольно оживлённую и весёлую беседу, говорили о литературе, изданиях, друзьях... И вот наступил момент, когда Валентина Алексеевна должна была сказать Ивану Елагину немного неудобную новость. Встречу с ним организовал поэт-графоман, некий, назовём его С., который поставил условием, что перед выступлением нашего гостя прочитает четыре-пять своих стихотворений в его честь. Валентина Алексеевна осторожно преподнесла это Елагину. Он очень спокойно выслушал эту новость, улыбнулся и ответил категорическим отказом. Уговаривать было бесполезно и неловко. Мы же с Валентиной Алексеевной на следующий день на вечере выступили вместо нашего гостя, и как говорится, «отдувались» по полной программе, читали и стихи Елагина. Вот такая была история. Думаю, что он был прав, во всяком случае это было его право.

Были ещё встречи, но ничего такого особенного, кроме общих разговоров, я уже не помню. Единственное, что особенно запомнилось — жадные расспросы о Киеве — уж очень он любил этот город. Его связывали с этим местом творчество и молодость.

А вот отрывок из статьи Валентины Синкевич об одной интересной истории, связанной с Иваном Елагиным:

«Умиравший от неизлечимого рака (поджелудочная железа) Елагин с дочерью Лилей, ухаживавшей за больным, нуждался в спокойном помещении на время между лечебными процедурами,

проходившими в филадельфийской больнице. (Денег на отели у семьи не было.) Шаталов сразу же предложил свой дом. Там, слушая тихо игравшую классическую музыку и любуясь шаталовским портретом Гоголя, который он попросил поставить на мольберт у своей постели, умиравший поэт провёл много дней. Накануне возвращения домой в Питтсбург он написал своё последнее стихотворение. Может быть, оно не самое лучшее елагинское стихотворение. Но, бодрое по духу, оно было написано, когда Ивану Елагину невероятно тяжело было думать, писать и жить. Вот оно:

ГОГОЛЬ

Владимиру Шаталову

Пока что не было и нет
Похожего, подобного,
Вот этот Гоголя портрет —
Он и плита надгробная.

Портрет, что Гоголю под стать,
Он — Гоголева исповедь,
Его в душе воссоздавать
А не в музее выставить,

Его не только теплота
Высокой кисти трогала,
Но угнездились в нём места
Из переписки Гоголя.

И Гоголь тут — такой как есть,
Извечный Гоголь, подлинный,
Как птица, насторожен весь,
Как птица, весь нахохленный.

И это Гоголь наших бед,
За ним толпятся избы ведь!
О Русь, какой ты дашь ответ
На Гоголеву исповедь?

Иль у тебя ответа нет,
Кто грешник, а кто праведник
Есть только Гоголя портрет.
Он и портрет, и памятник.

Перед посадкой на самолёт из Филадельфии в Питтсбург, Иван Елагин сказал Владимиру Шаталову слабым, еле слышным голосом: «Я рад, что кончаю жизнь не плачем о себе, а стихотворением о Гоголе».

Как-то у меня зашёл разговор с художником Владимиром Шаталовым об Иване Елагине, и он мне принёс и подарил копию-фотопортрет оригинала картины, где написано: «В Шаталов. 1984. Дарственная подпись и дата: вересень 1999».

Хочется хотя бы коротко остановиться на некоторых фактах биографии. Иван Венедиктович Елагин (1 декабря 1918, Владивосток — 8 февраля 1987, Питтсбург, штат Пенсильвания, США). Знаменитый русский поэт второй волны эмиграции. Елагин — псевдоним, настоящая фамилия Матвеев. Его дед Николай — поэт, журналист, прозаик, издатель, редактор, известный в литературных кругах под псевдонимом Амурский. Отец Ивана Венедикт Матвеев (творческий псевдоним Венедикт Март), был поэтом-футуристом. Мать, Сима Лесохина, была фельдшером.

Дальше идёт довольно пёстрая и яркая биография. После 1918 года семья Матвеевых переехала жить в Киев. В скором времени родители Елагина разошлись, мальчик остался с отцом, вместе с которым в 1919 году переехал в Харбин. Спустя некоторое время они вернулись и поселились в одном из подмосковных городков. Вместе с отцом Иван прожил недолго — отца арестовали и отправили в ссылку в Саратов. Елагин попал в круг беспризорников. Скитаясь, он наконец снова встретился с отцом. В Украине отец пытался продолжать свою творческую деятельность, но в 1937 году был опять арестован, осуждён и казнён.

После смерти отца Иван остался в Киеве, женился на поэтессе Ольге Анстей и начал литературную деятельность. Ему всячески помогал близкий друг его отца, знаменитый украинский поэт Максим Рыльский.

В начале Великой Отечественной войны Иван Елагин не эвакуировался и находился на оккупированной территории, что было опасно, поскольку его мать была еврейкой. Уже в конце 1943 года Иван Елагин с супругой, оказавшись среди «перемещённых лиц», перебрались в Че-

хословакию, Польшу, а затем в Германию. Окончание войны застало их в лагере под Мюнхеном. В 1945 году у них родилась дочь, которую назвали Еленой. Позднее девочка пополнила ряды поэтов семейства Матвеевых, с пяти лет начав писать стихи. Будучи в Германии, Елагин издал в Мюнхене свои первые сборники стихотворений: «По дороге оттуда», 1947 и «Ты, моё столетие», 1948. Иван Бунин, который получил в подарок оба первых сборника Елагина, достойно оценил талант поэта.

Прибыв в Америку, Матвеевы сразу же официально развелись, но их дружеская и творческая связь сохранилась до конца жизни. Дальнейшая судьба этих одарённых, талантливых людей была более-менее, можно сказать, благополучной. Следует отметить, что обустроиться в Штатах Елагину было намного труднее, чем Анстей, которая была филологом, владела европейскими языками, устроилась работать в отдел перевода при ООН. В Америке Елагин опубликовал свои главные книги. Сборник «Тяжёлые звёзды» (Tenafly, NJ, «Эрмитаж», 1986). Скорейшему выпуску сборника помогали друзья Елагина, желавшие порадовать уже умирающего поэта. А в начале 1987 года, сразу же после его смерти, вышел сборник «Курган», Франкфурт-на-Майне, в который были включены выбранные самим Елагиным стихотворения о годах террора.

В Америке Ивану Елагину пришлось пройти знакомый эмигрантский путь «перемещённого лица». Он работал в ресторане, затем рабочим на фабрике, и только позже в отделе объявлений газеты «Новое русское слово». В 1970 году Иван Елагин защитил докторскую диссертацию и начал работать в Питтсбургском университете, где преподавал русскую литературу.

Иван Елагин умер на 68 году жизни от тяжёлой болезни — рака поджелудочной железы. Он мужественно выдерживал смертельную болезнь. Последним произведением поэта стало стихотворение «Гоголь», посвящённое филадельфийскому художнику Владимиру Шаталову, написавшему портрет великого писателя. Стихи Елагина начали печататься в России уже после его смерти: в «Новом мире», «Неве», «Огоньке» и других изданиях.

Как писал сам Иван Елагин:

Полетать мне по свету осколком,
Нагуляться мне по миру всласть
Перед тем, как на русскую полку
Мне когда-нибудь звёздно упасть.

У меня сохранилось несколько писем из архива Эдуарда Штейна. Это письма Ивана Елагина, адресованные ему.

ПИСЬМО 1

Дорогой Эдуард!

Я говорил о Бетаки — можно устроить его выступление во второй половине февраля. Кстати, в русском клубе есть интерес к Вашей персоне. Меня спросили — «а если Бетаки приедет со Штейном, можно задавать вопросы Штейну» (вероятно, Ваше шахматное творчество повинно в Вашей известности). Я взял на себя смелость и сказал: «Да». Обещают \$100, а м.б. и больше за выступление Бетаки.

Одновременно высылаю Вам последний свободный экземпляр «Тело Джона Брауна» (цените!) и «В зале вселенной», которых у меня очень мало.

Сейчас я написал большую вещь и там есть [...] строчек, связанных с шахматами.

Всех благ в Наступающем Новом Году!

Ваш Иван Елагин.

18 декабря, 1982. [Дата на конверте].

ПИСЬМО 2

Дорогой Штейн!

Спасибо за письмо. «Нового Колокола» не видел. Заранее могу сказать, что дело «зряшное». Нельзя жить чужим пафосом. Человек 70-х годов 20 века ничего не создаст пафосом Герцена. Надо создавать своё. А если своего нет, то лучше стать обывателем, чем повторять чужие зады. Большевики сильны пафосом прошлого, но они реакционеры, охранители. А новые эмигранты претендуют на революционность, идут по чужим следам. Думаю, что секрет прост: богатые дяди дают деньги на «Колокол» и Герцена, потому что представляют Россию по учебникам кабинетных мудрецов с устаревшей схемой. Впрочем, говорить об этом лишнее, дяди через несколько номеров перестанут давать деньги и колокол замолкнет.

О Фишере и Спасском судить не могу и думаю, что Фишер явление очень значительное.

Буду благодарен, если Вы пришлёте мне стихотворение «Шахматисты» Лозины Лозинского, я его не знаю.

Жму руки.

И. Елагин, 12 июня, 1972. [Дата на конверте].

* * *

Отдельных слов заслуживает Елагин как переводчик. Он успешно переводил для литературных изданий, в число которых вошли журнал «Диалог — США» и газета «Новое русское слово». Для получения докторской степени Елагин сделал перевод поэмы Стивена Винсента Бене «Тело Джона Брауна».

В моём архиве сохранились переводы Ивана Елагина

ПОЛЬ ВЕРЛЕН (1844–1896)

Из французской поэзии

Небеса над крышей
Синева. Покой.
Дерево над крышей
Шелестит листвою.

Благовест я слышу
Мирный вдалеке.
Жалобу я слышу
Птицы на сучке.

Боже мой, кругом он
Мир спокойный Твой.
Безмятежный гомон
Жизни городской.

Что же ты наделал,
Плачь теперь о ней,
Что ж ты с нею сделал,
С юностью своей.

Глубоким чувствам свойственно молчанье.
Нет, не молчанье, сдержанность скорее.
Он не кривил душою, говоря —
«Ко мне домой входите, как в трактир!»
Трактиры не являются жильём.

ЭДУАРД ФИЛД (1924 -)

Нью-Йорк

Я живу в прекрасном месте, в городе —
люди приходят в изумление,
когда им говоришь, что ты там живёшь.
Люди говорят о наркоманах, нападениях, грязи, шуме,
полностью забывая о самом главном.

Я говорю им, что ад — там, где они живут,
в краю замороженных людей.
Они никогда не думают о людях.

Дом мой, я изумлён тем, что меня окружает,
это тоже одна из форм природы,
как те парадизы из деревьев и трав,

но это человеческий рай,
населённый преимущественно нами, людьми, —
хотя благодарение Богу
за собак, кошек, воробьёв и тараканов.

Это вертикальное место столь же не случайно,
как Гималаи.
Городу нужны все эти высокие дома,
чтобы вместить туда гигантскую энергию.
Ландшафт гармонически распределяется.
Знаем ли мы об этом или нет,
но мы выполняем Божью волю —
где я живу — улицы впадают в реку из солнечных лучей.

КОГДА ГОД СТАРЕЕТ

Когда приходят зимы
И старятся года,
О как невыносимы
Ей были холода.

И ласточек, бывало,
Следит она полёт,
И тяжело вздохнувши
От окон отойдёт.

Когда ж ложился ломко
На землю бурый лист,
И слышен в дымоходе
Тоскливый ветра свист,

Так озиралась дико,
Что лучше б не смотреть,
Испуганная птица,
Попавшаяся в сеть!

О прелесть голых веток,
Что сплошь в снегу ночном
Касаются друг друга
И ходят ходуном!

Но шум огня в камине,
Но шубы тёплый мех,
Её душе казались
Прекрасней веток всех.

Когда приходят зимы
И старятся года,
О как невыносимы
Ей были холода.

АРЧИБАЛД МАК-ЛИШ (1892–1982)

«НЕИСТОВЫЙ ГРЕШНЫЙ СТАРИК»

Любить, когда любовь уж не под стать годам!
Таков удел и мой, и Ейтса, и всех нас.
Но хорохорится стареющий Адам
И непристойный пыл выносит напоказ.

И всё же в сумерках, в кустарнике сухом,
Где птица птицу кличет (о услышь
Крик горлинки!) — Есть что-то в крике том,
Чего вовеки ты ничем не утолишь.

Вот завершился день, и время ветру спать,
И ветер ни веткой, ни листвой не шелохнул —
И всё ж какая-то грохочет в море страсть,
Грохочет без конца!

(О слушай моря гул!)

Быть старым для любви — и всё ж хотеть... Чего?
Ещё польстить себе и снова доказать,
Что зверь ещё силён, что плоть жива его,
На пульсе стук копыт почувствовать опять?

Иль всё-таки есть то, о чём и птичий крик,
И вечный моря гул, и похоть старика?
Все знают, но ничей не выразит язык.
Бывает ли любовь,
Которую никак

Ничем не завершить? И понимает тот,
Кто страсть знавал, — что страсть вовеки не поймёт?
За невозможностью погнавшись, ни на миг
Не забывать о ней — вот твой триумф, старик?

ДОПОЗДНА В ПОСТЕЛИ

Ах, если бы хорошую жену!
Подолгу б в тёплой нежиться постели
(её теплом согретой) как струну
звнящую, жизнь ощущая в теле.
К её шагам внизу прислушаться порой,
когда она метёт сосновый пол метлой.
Вот стукнула окном на солнечный восход,
вот открывает — вот закрыла краны,
вот блюдцем брякнула, вот в чашку кофе льёт...

Лежать, вдыхая кофе запах пряный,
не думать ни о чём, а время пусть идёт...

То там, то тут её шаги,
там, где она тебя поцеловала — ещё болит твой рот.
Ты помнишь на краю постели блеск ноги,
потом с одеждой началась возня...

Лежишь и слушаешь — она снуёт как тень,
свой дом для нового приготавливая дня,
и для своей любви готовит новый день...

А ты лежишь,
ты ни о чём не думаешь,
глядишь на небо...

АМЕРИКАНСКОЕ ПИСЬМО

Вот, вот она — наша страна, вот — наш народ...
Вот она — ни страна, ни раса. Здесь должны мы собрать
Урожай для души, пожиная ветер в траве:
Здесь должны мы есть нашу соль, не то наши кости зачахнут.
Здесь нам жить, если стать не хотим мы тенями.
Это наш род, хоть без роду и племени мы, хотя
Не окружают нас древние стены и голоса.
Вот она — наша страна, древняя наша земля,
Почва сырая, пришлые люди, смешенье кровей,
Ветер, чужие глаза, переменчивость сердца.
Этого мы не оставим, хотя старики нас зовут.
Это — наша страна и земля, наша кровь, наша плоть.

СТЕНЛИ КУНИЦ (1905–2006)

Подсчёт

Хвастливо начертал я на моей стене:
Любви, Имущества и Платы сторонись!
Всё ж в годы юности они достались мне
Почти что за гроши — ценою ста страниц!

И вот я в зрелости без приводных ремней,
Разбиты и потеряны трофеи.
Я лозунг мой опять пишу на стыке дней:
Изменчивость — Пускай, любой ценой, чёрт с нею!

ДЕНИЗ ЛЕВЕРТОВ (1923–1997)

ТРЕТЬЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Кто мне поверит,
если скажу я: «Меня
взяли и вскрыли
от скальпа до паха,
а я осталась живой,
брожу, наслаждаюсь
солнцем и щедростью
всею земною». Быть честной
не так уже просто:
честность простая
ни что иное как ложь.
Разве деревья
в листве своей,
ветер упрятав,
не говорят шепотком?
Так измерение третье
прячет себя самоё.
Если дорожный рабочий
камни ломает,
то камни есть камни.
Но любовь
ломая, вскрывает меня,
и живу я,
чтоб вымысел мой рассказать,
но не точно:
слова
всё изменяют. Так пусть это будет
— под ласковым солнцем —
вымыслом только,
пока я дышу
и поступь меняю мою.

Владимир ФРУМКИН ОН НЕ ПРОШЁЛ МЕЖДУ СТРУЙ

Судьба СЕВЕРОКОРЕЙСКОГО МАЭСТРО

Долгие годы, более полувека, я пытался узнать, как сложилась его судьба после возвращения на родину. В наши консерваторские годы в Ленинграде мы были соседями по комнате в общежитии. Хо Дя Бок был замечательным парнем и удивительно одарённым, многообещающим дирижёром. За годы учёбы в классе профессора Ильи Мусина он четыре раза выступил в Большом зале ленинградской филармонии.

Вот рецензия на один из его концертов, присланная мне из Петербурга музыковедом Ириной Родионовой:

«Смена», 8 декабря 1956 г.

Оркестром дирижирует студент

ОКОНЧИВ в Пхеньяне музыкальное учебное заведение, Хо Дя Бок решил отдать своё мастерство музыканта на вооружение родного народа, героически сражавшегося за независимость и свободу. На фронтах Кореи в передышках между боями выступал военный музыкальный ансамбль. Дирижировал им 19-летний Хо Дя Бок. Затем он приехал в Ленинград и поступил на дирижёрский факультет Консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

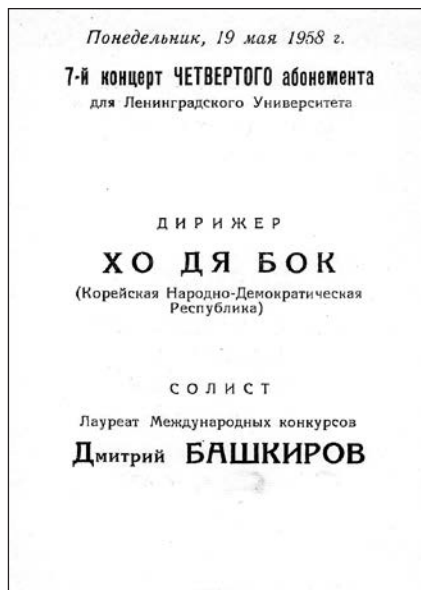
С первых дней учёбы корейский студент проявил редкое трудолюбие, пытливість к знаниям и увлечённость исполнительским творчеством. Выпускник Хо Дя Бок дирижировал оперой «Таня», недавно показанной студенческим коллективом в оперной студии Консерватории.

В один из вечеров нарядный белоколонный Большой зал Филармонии сверкал огнями хрустальных люстр. Как обычно, его заполнили любители симфонической музыки. В этот день за пультом, у кото-

рого выступают прославленные дирижёры мира, встал Хо Дя Бок. Концерт оркестра Филармонии под управлением студента прошёл с большим успехом. Исполнялась увертюра к опере «Итальянка в Алжире» Россини, третий фортепьянный концерт Д. Кабалевского и пятая симфония А. Дворжака.

По дошедшим до меня слухам, мой друг стал чем-то вроде «генерал-музикдиректора» Северной Кореи. И только сейчас мне удалось узнать то, что произошло с ним на самом деле. Рассказал мне об этом знаток Северной Кореи Андрей Ланьков, которого я увидел в Ютубе в качестве собеседника Юрия Дудя. Он немедленно ответил на моё электронное письмо, в котором я задал мучивший меня вопрос. Вот его ответ:

«У меня для Вас есть новости, и их много. Сразу скажу, что мне, как говорят в России, „медведь на ухо наступил» (и это был большой, жирный медведь), так что к музыке я равнодушен. Поэтому из музыкального мира Северной Кореи я знаю лишь несколько имён — в основном, тех музыкантов, которые так или иначе были связаны с миром политики. Однако Вам повезло в том смысле, что транскрипция, которую Вы указали, позволяет с большой точностью восстановить оригинальное корейское имя Вашего знакомого. Возможны всего лишь четыре варианта, что со старыми советскими транскрипциями 1950 годов бывает **ОЧЕНЬ** редко. Поэтому я (признаться, без особого энтузиазма и не ожидая результатов) пробил его по большой базе данных северокаорейских публикаций и публикаций по Северной Корее. К своему удивлению, я обнаружил несколько упоминаний музыканта по имени Хо Чжэ-бок (100% он — имя и фамилия редкие). Оказалось, что он является действительно большой фигурой в мире северокаорейского искусства. Он упоминается среди тех музыкантов, которые вернулись в КНДР после обучения в Советском Союзе и сыграли решающую

роль в развёртывании музыкального образования в КНДР после Корейской войны.

В диссертации по истории северокорейской музыки Хо Чжэ-бок упоминается среди наиболее известных музыкантов, получивших звание «народного артиста КНДР» (причём упоминается со ссылкой на исследовательское интервью с известным северокорейским музыковедом, с которым диссертантка лично общалась в Пхеньяне в 2017 году — то есть имя Хо Чжэ-бока на слуху и сейчас).

Впрочем, не всё там было просто. Учитывая характер подобных режимов, я даже несколько удивился, когда начинал поиск, что Ваш сокурсник, как мне показалось поначалу, «прошёл между струй» во время гонений на интеллигенцию вообще и на интеллигенцию с советскими связями — в особенности. Нет, не прошёл!

Об этом печальном и предсказуемом, но закончившемся в целом благополучно повороте его биографии я узнал прямо из сочинений Ким Чен Ира, том 15, стр. 167–168 (издание 2016 года, сама речь произнесена в 1971 году).

Там Хо Чжэ-бок упоминается как человек, который был отправлен на тяжёлые работы в ссылку (учитывая прецеденты, полагаю, что кайлом уголь в шахте рубал или навоз лопатой на поля грузил). Однако вёл он там себя правильно, в итоге был приглашён самим Ким Ир Сенем на личную беседу, после которой был прощён и по личному указанию Солнца Нации вернулся к творческой работе. Разумеется, Ким Чен Ир приводит эту историю как пример того, что даже оступившийся и уклонившийся от правильного идейного пути интеллигент может исправиться.

Есть и грустная новость: Хо Чжэ-бока давно нет в живых. Возможно, поездка на шахты свою роль сыграла. Он скончался в довольно раннем возрасте, 5 августа 1977 года (родился 24 декабря 1931 года). Похоронен на Кладбище Патриотов на горе Тэсонсан — нечто вроде северокорейского аналога Новодевичьего кладбища. Место захоронения само по себе показывает, что к концу жизни он был более чем успешен в КНДР.

Хо Чжэ-бок был женат на Хо Сок-ук, первой северокорейской арфистке. У них есть дочь, которую зовут Хо Мун-ён, которая тоже является дирижёром (дирижёркой?) и, кажется, довольно известной — не стал уж пробивать дальше, хотя там, кажется, более чем интересная сеть родственных связей сформировалась.

Такие вот результаты примерно часовой работы с материалами.

Современные технологии позволяют делать чудеса — и это я ещё в общедоступный интернет не полез, дабы не увязнуть там на пару-другую часов, чего себе позволить не могу.

С уважением,
Андрей Ланьков»

Вот такая получилась судьба. Причудливая, трагическая, подарившая Маэстро всего лишь 46 лет жизни. Жизни, в которой не было ни симфонического оркестра, ни любимой музыки, созданной великими мастерами.

Освобождённый из лагеря Хо Дя Бок был назначен дирижёром в «Народном Театре», репертуар которого состоял из стилизованных под фольклор грандиозных представлений, прославлявших Великого Вождя. Я узнал об этом совсем недавно от петербургского музыковеда Ирины Родионовой, имеющей доступ к Википедиям разных стран мира. Так закончилась, едва успев начаться, творческая жизнь моего друга. Художник, талантливый интерпретатор мировой музыкальной классики превратился в пропагандиста, бойца идеологического фронта. Был ли у него выбор? Пожалуй, только один, самоубийственный: отказаться от назначения и вернуться в лагерный ад...

Пианист Арнольд Каплан и Хо Дя Бок в Ленинградской филармонии в день концерта 27 апреля 1957 года.
© Архив Санкт-Петербургской филармонии им. Д. Д. Шостаковича

* * *

Я поделился этой историей с несколькими из своих друзей. Их отклики, комментарии, вопросы отправил Андрею Ланькову. Его ответное письмо сильно меня удивило: я понятия не имел, что не все северокорейские и китайские студенты, обучавшиеся в СССР и «в странах народных демократий», вернулись в родные пенаты.

«Уважаемый Владимир! Вот что мне захотелось ответить на один из вопросов. [...]

Для Ирины Райкиной.

Обучение в СССР и странах Восточной Европы всегда было основанием для того, чтобы считать человека подозрительным. Вообще говоря, в середине 1950-х и начале 1960-х годов некоторые студенты, обучавшиеся в этих странах, объявили о своём несогласии с курсом Ким Ир Сена и запросили политического убежища, которое и было им дано — правда, при условии, что, находясь в СССР или иной стране Восточной Европы, они не будут там заниматься какой-либо политической деятельностью, направленной против КНДР. Наиболее известные инциденты такого рода — групповой побег студентов ВГИКа и побег группы северокорейских студентов в Болгарии. Последних болгарские друзья, при молчаливой поддержке болгарских властей, буквально отбили тогда, когда северокорейские спецслужбы пытались их силой вывезти из страны (инцидент этот, кстати сказать, привёл к фактическому прекращению дипломатических отношений между КНДР и Болгарией на несколько лет). Любопытно, кстати, что многие из тех, кто тогда получил политическое убежище, потом сделали очень неплохую карьеру на своих «новых родинах»: один из беглых студентов ВГИКа стал крупным режиссёром, а один из болгарских студентов со временем защитил докторскую и стал даже директором НИИ (в Болгарии). Впрочем, тогда политическое убежище в Советском Союзе получил ни много ни мало северокорейский посол Ли Сан-чжо.

Все студенты, обучавшиеся в социалистических странах, были отозваны в КНДР в 1959–1962 годах. После этого на протяжении примерно 15 лет студентов за границу Северная Корея практически не направляла. Практика отправки студентов в СССР и Восточную Европу возобновилась только в конце 1970-х годов.

Как мне рассказывал Кан Сан-хо, заместитель министра внутренних дел КНДР (потом тоже бежал из КНДР, в старости жил в Ленинграде, недалеко от меня, я к нему иногда ездил пить чай с сушками в конце восьмидесятых), всех вернувшихся студентов тогда отправили в своего рода фильтрационный лагерь, где несколько месяцев заставляли заниматься «взаимной критикой» и всячески проверяли на предмет идеологической правильности, выясняя, не поддались ли они пагубному влиянию советских ревизионистов. Большинство после окончания этой проверки было признано достаточно благонадёжными, но кое-кого послали на несколько лет на трудовое перевоспитание, а некоторое количество — отправили в места не столь отдалённые.

Полностью отделаться от этих людей было невозможно по прагматическим причинам — вернувшиеся из СССР и Восточной Европы сту-

денты были лучшими кадрами, которые тогда имелись в распоряжении КНДР.

В колониальный период японцы умышленно тормозили развитие в стране высшего образования, а те немногие учёные, инженеры и прочие специалисты, которые это образование получили, в своём большинстве в 1945–1953 году ушли на Юг.

Тем не менее на протяжении всей своей карьеры эти люди считались отчасти подозрительными. В 1960-е годы, когда отношения с СССР были более чем напряжёнными, этих людей время от времени хватало и сажали. Некоторых потом выпускали — как случилось с Хо Чжэ-бокком, а некоторые так и сгнули в тюрьмах».

* * *

Собрать материал для этой публикации и оформить рукопись мне помогла Елена Крыжановская, за что я ей бесконечно благодарен (В.Ф.).

ОБ АВТОРЕ

Владимир Аронович Фрумкин (р. в 1929 году) — известный музыковед, журналист, эссеист. Закончил теоретико-композиторский факультет и аспирантуру Ленинградской консерватории, в 1957 году был принят в Союз советских композиторов.

В начале 60-х годов стал заниматься исследованием и распространением песен Булата Окуджавы, Александра Галича, Новеллы Матвеевой, Юлия Кима и других поэтов-певцов.

В 1974 году эмигрировал в США, где опубликовал два сборника песен Булата Окуджавы с нотной строчкой и буквенным обозначением гармонии (издательство «Ардис», 1980 и 1986). Преподавал в Оберлинском колледже (штат Огайо), в Русской летней школе при Норвичском университете (штат Вермонт), с 1988 до 2006 года — сотрудник Русской службы «Голоса Америки» в Вашингтоне.

В издательстве «Деком» (Нижний Новгород) вышла книга «Певцы и вожди», в которой автор размышляет о взаимоотношении искусства и власти в тоталитарных государствах, о влиянии «официальных» песен на массы и о возникшей после смерти Сталина альтернативной, свободной песенной культуре.

Александр ПОЛОВЕЦ
АННА СЕМЁНОВНА

Из книги «Между прошлым и будущим»

44-й год, декабрь... Война скоро кончится — об этом уверенно говорят в очереди, что задолго до рассвета выстраивается в Орликовом переулке. Фасад продуктового магазина, когда-то тщательно оштукатуренный, празднично-жёлтый, теперь весь в сколах, в комьях смёрзшихся грязевых брызг, оставшихся с долгой осени. Пытаясь сохранить остатки домашнего тепла, женщины кутаются в платки, бьют себя по бокам, приплясывают — отчего снег под их ногами сбивается в плотную корку, темнеет и становится скользким. Болтаются, постукивают пустыми бутылками авоськи: обещали с утра молоко. Скользят по насту деревянные костыли, много костылей — на них опираются одетые в шинели со следами споротых погон совсем ещё не старые дядьки.

Война скоро кончится. Скоро.

«24-мя артиллерийскими залпами!» — нарочито растягивая слова, совсем как диктор Левитан, вещают в самодельные рупоры — обрезки водосточных труб — пацаны, забравшиеся на припорошенную ночным снегом огромную, занимающую чуть не четверть всего двора, кучу угля. Уголь свален ближе ко входу в подвал — там дворовая котельная. Грубые, хрипловатые мальчишеские голоса победно поднимаются вверх, вдоль стен нашего двора-колодца, составляющего утробу пятиэтажной кирпичной громады.

Дом занимает весь квартал, отделяя собою Кировский проезд от Боярского переулка. Перед ним — гранитная арка станции «Красные ворота»; там, в вестибюле метро, клубится пар, образованный врывающимся в открытые стеклянные двери морозным воздухом. Удивительный пар, не похожий ни на какой другой: возникая, он тут же сме-

шивается с постоянно витающим (только здесь, только в этом метро!) волшебным запахом моего детства — запахом шоколадных ирисок.

* * *

Итак — немцы в Москве. Пленные: по Садовому кольцу движутся колонны. Они сворачивают в Кировский проезд, идут мимо метро. Они нескончаемы — тысячи людей, одетых в зеленоватую форму, едва укрывающую от колючего зимнего ветра. Охраны почти нет — нельзя же считать охраной этих молодых, может, чуть старше нас, ребят с болтающимися за плечами, дулом вниз, совсем не страшными карабинами. Или — открытый газик с лейтенантом, тарахтящий рядом с колонной. Чего же с ними так долго воюют?.. Кто-то из бредущих в колонне безразлично, пустыми глазами смотрит вперёд. Кто-то шагает, опустив голову. Другие любопытно озираются по сторонам, на ходу заговаривают с остановившимися прохожими, протягивают самодельные зажигалки и перочинные ножики — в обмен на хлеб.

Хлеб у москвичей уже есть. Появилась на столах (пусть и не у всех, потому что цены пока коммерческие) всякая снедь — рыба, колбасы, сыр.

У нас дома всё это бывает — приносит из «орса» отец. Орс — это «Отдел рабочего снабжения», нечто вроде распределителя для тех, кто сюда «прикреплён» от своего учреждения, не обязательно — завода. И ведь, правда, многие семьи так в войну выжили. А кто-то, прежде всего, сотрудники «орсов», близкие им — обогатились, сбывая продукты «налево», по блату, через рыночные ларьки. Правда, попавшихся, бывало, расстреливали. Время такое...

Ещё не взяты Будапешт и Прага, и целёхонький, неразрушенный стоит Нюрнберг, и германскую столицу по-настоящему тоже пока не бомбили... Отец снова в Москве, теперь он восстанавливает производство и снова живёт в цеху — как тогда, с того дня, когда его вернули сюда из призывного пункта. Вернули и нас в Москву — меня, маму и верную мою няньку Полю, в последние дни 41-го прошедшую с нами в скотской теплушке маршрут Москва — Раевка — Бийск... А теперь — обратно.

Наша квартира понемногу оживает — возвращаются из эвакуации старые жильцы, подселяются новые. Здесь семь комнат. Вернее, семь высоких — их наличники почти упираются в лепной карниз потолка — дубовых дверей. Когда-то сиявшие лаковыми поверхностями искусно

подогнанных друг к другу досок, а теперь матовые и тёмные, они усиливают своей странной огромностью постоянный полумрак длинного коридора. Слабые лампочки едва освещают его; электрический свет отражается неяркими бликами на глянце выложенного замысловатыми многоугольниками паркета.

Я и сейчас, спустя много лет, закрыв глаза, вижу отчётливо наш коридор. Он совсем не похож на типичный московский: здесь отсутствуют сундуки в тёмных углах, и педали велосипедов, подвешенных крюками на уровне глаз, не заставят вас, проходящего, прижаться к противоположной стене. Наш коридор широк и просторен. К тому же он совершенно пуст — даже мой велосипед, собранный из частей и деталей по меньшей мере трёх довоенных веломашин, хранится в прихожей квартиры на первом этаже, где живут бабушка с папиной сестрой.

А больше ребят в квартире нет — если не считать совсем маленьких Юрку с Мариной. У них долго ещё не будет своего велосипеда — и потому что рано им, и потому, что давно живут без отца. Юрка хотел, чтобы во дворе знали — отец их на фронте пропал без вести. То есть погиб, скорее всего. Он и правда погиб — но в заключении. Тогда же знать нам этого было нельзя.

Квартира когда-то вся принадлежала Семёну Ароновичу Кливанскому, видному меньшевику, совершенно невероятным образом не задетому частыми лопастями мясорубки, запущенной четверть века назад его политическими оппонентами. Он и сейчас живёт здесь со своей дочерью Бэллой, старой девой, служащей корректором в научном издательстве. А может — редактором. Она почти всегда дома, её гости часто приносят в охалке толстые портфели и сумки, из которых высовываются лохматыми углами пачки рукописей.

Кливанские — самые редкие гости на кухне. Оба ходят бесшумно, она — кутаясь в длинный махровый халат, он — в полосатой пижаме, накинутой на ночную рубашку, склонив блестящую, опушённую венчиком седых волос, лысую голову. Жёлтые светляки лампочек пробегают по стёклам его пенсне. Оба высокие, носатые, не улыбочивые. За их дверью — всё, что осталось после многократного «уплотнения», как называется подселение к хозяевам квартиры новых жильцов. Разных, но всегда чужих. Год за годом Кливанские отступали, освобождали комнату за комнатой, стаскивая в самую просторную из пока остаю-

шихся им всё дорогое и необходимое. Хотя их жилплощадь и теперь велика, там выгорожены целые три комнаты, и все они, по московским меркам, просторны. Причём две — светлые, с окнами на улицу.

У нас одна комната, окно её выходит на чёрный ход. Поэтому здесь всегда горит свет, даже когда дома нет никого, — так нам кажется лучше. Нашей комнатой, самой дальней от парадного входа в квартиру, завершается коридор. В торце его две узкие, покрашенные масляной краской двери — уборной и ванной с газовой колонкой, фитилёк колонки всегда зажжён. Сбоку — ещё одна: сразу за нашей стеной кухня с семью столами и двумя покрытыми рябой эмалью газовыми плитами. И — чёрный ход.

А за другой нашей стеной, с которой спускается плотный старый ковер, укрывая собою топчан с пружинным матрасом — на нём я сплю — живёт Анна Семёновна Шарф. Её комната больше нашей раза в два, высокое окно выходит в сторону двора. Самого двора отсюда не видно — надо далеко высунуться из окна, и только тогда можно заглянуть в этот огромный, кажущийся бездонным колодец. Зато из её окна видны ряды крыш соседних домов — с нашей стороны дом имеет пять этажей (мы живём на четвёртом), а с противоположной — лишь четыре. Вон Козловский переулок, начинающийся клубом Министерства морского флота, куда мы по десятку раз бегаем смотреть «Небесный тихоход», «В степях Украины» и, конечно, «Чапаева»... Вон они — Хари-тоньевский, Фурманский... И чуть левее, в сторону Садового кольца — Хоромный тупик.

Крыша нашего дома — это отдельная история. Для меня она началась поздней зимой 44-го, когда, проникая сюда через чердачные лабиринты, мы собирали с гремящего, крашенного охрой железа осколки зажигательных бомб. Осколки эти можно было выменять на противогазные маски, резина которых совершенно незаменима при изготовлении первоклассных боевых рогаток. Или — на запчасти для самодельных пистолетов-хлопушек: кажется, их называли «мечики», и собирались они из трубочек, бойков, пружинки и каких-то металлических загогулин. О них я, кажется, уже рассказывал.

Вскоре снесли дома по другую сторону Садового кольца — на их месте стали строить высотку. К тому времени у меня появилось увлечение, отчасти переросшее спустя годы в первую профессию, — фотография. Появился и реликтовый фотоаппарат с растягивающейся

гармошкой — «мехом», и к нему — металлические кассеты, в которые вставлялись стеклянные пластины. С этим «фотокором» я забирался на крышу нашего дома и снимал все стадии строительства нового здания, до самого его завершения: в это здание вскоре переехал НКПС. Где они сейчас, эти кадры — наверное, там же, где стеклянные негативы из ленинградского «Большого дома», — но о них потом.

* * *

Между прочим, крышей же могла завершиться моя недолгая жизнь — когда однажды, в первую послевоенную зиму, мы затаились там, устроив засаду на лазутчиков с недружественной нам Домниковки. Покидал я её почему-то последним; часы, проведённые на звенящей от морозного ветра жести, свели мёртвой судорогой кисти обеих рук. Позже, обнаружив себя дома, я едва мог вспомнить, каких усилий стоило мне, десятилетнему пацану, распластанному на скользкой от намёрзшего льда и снежной пороши покатою поверхности, доползти, упиравшись локтями, до чердачного люка, чтобы почти замертво свалиться в него...

Вскоре на все входы в чердак навесили тяжёлые замки, — наверное, не без настояния моего отца.

На окне у Анны Семёновны плотно, шершавыми глиняными бочками друг к другу прижались горшки с маленькими кактусами. Кактусы — это увлечение Анны Семёновны, у них даже есть свои имена. И мне эти кактусы разрешается поливать. Ещё мне дозволено рассматривать сквозь мерцающие тёмные стёкла внутренности шкафов, которые, собственно, составляют стены её комнаты. Там — книги.

Русских совсем немного — один или два шкафа. Все остальные изданы где-то за границей: вот Данте — множество томов в тёмных шагрeneвых переплётах, раскрыв которые можно подолгу рассматривать удивительные сюжеты старинных гравюр. В соседнем шкафу — Сервантес, это испанский шкаф. Вот — Шекспир, разумеется, на английском. Все эти книги Анна Семёновна давно прочла. И продолжает читать... А над ними — рукописное объявленьице: «Не шарь по полкам жадным взглядом — здесь книги не даются на дом».

Помню очень много немецких книг — Фейхтвангер, Шиллер, Гейне... Их больше всего — не поэтому ли мои родители условились с Анной Семёновной, что она, помимо общепросветительных тем, будет учить меня немецкому?.. И ещё (но это уже за моей спиной) — пытаться исправить мои, скажем так, не отличающиеся особым изяществом

манеры, обретенные в целиком захватившем меня теперь общении с красноворотской шпаной. А впрочем — и с преображенской, и с черкизовской: туда мы нередко «срываемся» на подножках трамваев, идущих от Каланчёвки, выяснять наши непростые отношения.

Теперь Анна Семёновна столуется с нами, что позволяет ей исключить из своего быта магазины, а заодно продлить наши занятия до практической проверки усвоенных мною навыков. Как сейчас помню: укоризненно глядя на меня, она перекладывает из «неправильной» руки — в «правильную» нож или возвращает на стоящую рядом тарелку вынутый у меня почти изо рта огромный ломоть хлеба. Ах, Анна Семёновна, Анна Семёновна, — я ведь, правда, и сейчас, прочно забыв всё, чему меня учили в те годы в школе номер 305, на Садовом, я ведь и сейчас помню ваше «Гутен таг, фрау Майер, вас костен ди айер? — Ахт пфениг. — Ахт пфениг?! О фрау Майер, дас ист зер тойер!».

И помню, как, прикрыв ладонью глаза — чуть выпуклые, всегда внимательные и удивительно, совсем не по возрасту живые — как вы задумчиво слушаете стихотворение, которое я сам, сам написал под впечатлением прочитанного томика Лермонтова — в виде редчайшего исключения вы разрешили мне унести его к себе в комнату «...только на один день!».

Эти стихи, кроме вас, Анна Семёновна, не видел никто.

Потом я часто ловил на себе её внимательный взгляд, — так смотрят, когда собираются что-то сказать — важное и необходимое. Он смущал меня и тревожил, мне даже казалось, что я могу ощущать его спиной, покидая её комнату...

Несколько лет спустя, когда ей, наверное, уже было далеко за 70, я заметил в её руках учебник китайского языка. Она стояла у плиты, следя, чтобы из крохотной кастрюльки не выкипело молоко, и посматривала в самоучитель. «Анна Семёновна, — удивился я, — зачем это вам?». Насколько чудовищна мера бестактности подобного вопроса, адресованного пожилой женщине, в голову мне, разумеется, не приходило. Ну ведь, правда, — зачем ей? В Китай она, что ли, поедет?

На всю жизнь я запомнил её ответ. И по сей день я вспоминаю его и даже цитирую — когда есть тому подходящий повод. «Видишь ли, — сказала она, глядя куда-то поверх моей головы, — вот заметь: я всегда опрятно одета, я трижды в день чищу зубы. Я знаю, что буду делать сегодня, и планирую всё, что собираюсь сделать на этой неделе. Я живу так, будто знаю, что буду жить вечно». Потом она посмотрела на меня,

едва дотянувшись, положила мне, как когда-то, сухонькую, покрытую с тыльной стороны старческими родимыми пятнами ладошку на плечо — что было уже совсем нелегко при её маленьком росте — и добавила, улыбнувшись: «...Хотя, вообще-то, я готова умереть в любую минуту». И, повернувшись, прошаркала войлочными тапочками по паркету к своей двери.

* * *

...А вскоре меня провожали в армию. Повестки были уже у всех собравшихся сегодня в нашей «главной» комнате и ещё в крохотной пристройке к кухне: холодная кладовая всякими правдами и неправдами была отцом превращена в дополнительную жилплощадь, позволявшую мне иметь свою отдельную конуру. Умещались там только топчан (теперь я спал здесь), некое подобие письменного стола, сколоченного «по месту» знакомым плотником, и дощатая табуретка с полукруглой прорезью в сиденье.

Сегодня, на проводах, комнатка служила нам неким буферным пространством, куда втискивались отужинавшие, чтобы присоединиться к нестройному хору, голосившему под аккордеон всё, что в те годы пела молодёжь. А пели мы тогда вернувшиеся из долгого забвения студенческие куплеты, вроде этих — «Через тумбу, тумбу — раз...», или ещё — совсем уже старинные «Крамбамбули» — в которых припев подхватывался всеми присутствующими, и непременно в полный голос.

— Соко-о-о-лики... — а-ой-люли... — поддерживали мы поющего. — Давайте пить... — выкрикивал аккордеонист, он же запевала. — Кр-р-рамбам-були! — вопили гости. Между тем, время перевалило за полночь... Перед моими глазами до сих пор, как будто было всё это только что, Анна Семёновна, сжавшая виски ладонями: она мечется по коридору, умоляюще глядя на нас.

Эх, мерзавцы мы, бесчувственные мерзавцы — ну хоть бы кому из нас пришлось на ум одёрнуть орущих!

К шести утра на нескольких таксомоторах почти все мы добираемся до районного военкомата — где-то за Чистыми прудами. Здесь нас отделяют от провожающих: теперь уже совершенно другие парни окружают меня — одетые кто в потасканную телогрейку, кто в совершенно немислимого вида дедовский зипун, вытасченный из дальнего чулана, кто в старое солдатское обмундирование — гимнастёрки, хлопчатобумажные галифе и подобную им рвань. Считается (и впоследствии подтверждается полная справедливость этого суждения), что в армейских

каптёрках, куда вся гражданская одежда будет сложена по меньшей мере на три года, мало что за время службы сохранится. А раз так — чего рядиться-то?

Все навеселе — кто-то ещё не отрезвев от проводов, кто-то захмелел уже поутру. Пить продолжают и здесь — пока втихую, потому что вокруг спуют старшины и сержанты-сверхсрочники, должны сопровождать наш состав. И позже, в теплушках — там пьют уже в открытую. В ход идёт всё: у меня и сейчас на губах жив вкус тройного одеколона от путешествовавшей из рук в руки алюминиевой кружки, в которую и мне кто-то плеснул тёплой водки. Здесь начиналась другая жизнь — но сегодня не о ней...

Совсем не о ней.

* * *

Вернёмся же в нашу квартиру — дней на десять назад. Уже известна дата сбора, мы с родителями наносим прощальные визиты родным, чьи семьи разбросаны по разным, немало отдалённым друг от друга концам Москвы. И потом, один уже, я объезжаю приятелей. Или — они приезжают ко мне. С соседями мы будем прощаться ближе ко дню моего отбытия. Но вот Анна Семёновна останавливает меня в коридоре и зовёт к себе в комнату.

Она подводит меня к шкафу с русскими книгами, копошится с минутой, пытаюсь раздвинуть плотно прижатые друг к другу толстые их корешки, и осторожно, потягивая то за один уголок, то за другой, вытаскивает оттуда конверт. Отогнув клапан, она бережно вынимает из конверта старую фотографию. Это фотопортрет. Необычный ракурс: камера снимала сбоку и немного сзади, и кажется, что объект этой фотографии совсем рядом и смотрит от нас куда-то вдаль — так, что невольно хочется проследить за его взглядом. Черты лица знакомы... Ну да — это Фёдор Шалапин.

Правый верхний угол занят надписью, стилистически не вполне совершенной, но весьма выразительной: «Милая Аллочка! Вступая на самостоятельную дорогу в жизненном пути, не всему доверяйся слепо». Дальше следует размашистый росчерк подписи и дата: «24 апр. 913 г. СПб.» Она протягивает портрет. «Знаешь, — говорит она, — мне уже много лет. Ты вот уходишь в армию, а вернёшься — меня, может, не будет в живых. Возьми, на память...». Я растерян — не столько щедростью дара, это я смогу оценить лишь годы спустя, — но прямоотой, с которой она вдруг говорит о возможности своей смерти.

«Анна Семёновна, ну как же... три года — не так много, мы с вами, конечно же, увидимся... А кто она — Аллочка, кому подарен портрет?» — «Аллочка — это я, — поджав губы, Анна Семёновна смотрит куда-то в сторону. — Так меня называли. Больше ничего она не сказала. Ничего. А я, балбес, и не пытался выудить из неё хоть какую-то подробность, пусть самую малую, определившую наставительный тон надписи, адресованной ей великим уже в те годы певцом.

Конечно же, не увиделись... Спустя два года, когда мне позволен был десятидневный отпуск и я, убегая от патрулей в подходящем к Москве ленинградском экспрессе (в столице шёл первый молодёжный фестиваль, солдат-отпускников отлавливали в поездах и отправляли обратно в части) — так вот, когда я добрался до нашей квартиры, её в живых не было уже с полгода.

...Анна Семёновна, как всегда, оказалась права.

ПРИМЕЧАНИЕ:

Спустя почти двадцать лет я снова уезжал из Москвы, на этот раз навсегда. Позади были месяцы полной неопределённости — формального отказа в выезде не было, но не было и разрешения. Подававшие одновременно со мной прошение на право покинуть страну давно уже были в Израиле или в Италии — на пути в Америку, в Австралию, в Канаду. И кто-то уже был там... Мы же, я и сын, ждали. Тому полгода, как я нигде не работал. Время от времени сын, продолжавший по инерции ходить в школу, подводил меня к стеклянной двери балкона.

— Па, гляди, они опять здесь, — говорил он, кивая на прогуливавшегося по тротуару недалеко от нашего подъезда человека.

Неподалёку стояла «Волга», разумеется, чёрного цвета. Словом, слезка была демонстративная, совершенно открытая. Напугать, что ли, хотели? Так же демонстративно они оставляли после своих как бы тайных визитов в нашу квартиру сдвинутые с места стулья, на столе — вынутые для просмотра из шкафа книги.

Однажды я по-настоящему испугался — мне показалось, что они унесли хранившийся между книг портрет Шаляпина. Портрет нашёлся — и я с облегчением перепрятал его, убрав подальше от любопытных глаз незваных визитёров. Господи, да знали бы они о моём наивном тайничке в туалете — достаточно было лишь чуть сдвинуть оргалитовую плитку в потолке, чтобы прямо на голову свалились сотни фотокопированных книжных страниц.

* * *

Прошли ещё недели. Всё уже оставалось позади: зловередная «Софья Власьевна» (так на московских кухнях называли советскую власть) пригрозила на прощанье корявым пальцем — о разрешении на выезд мы узнали спустя неделю после того, как срок его истёк — и наконец выездная виза, одна на двоих, была у нас на руках. Теперь времени на подготовку и отъезд получалось чуть больше двух недель — что всё же было достаточным, поскольку вещей на отправку у нас не было. Это если не считать книг, с которыми я не хотел расставаться. Те, что вывозить было не дозволено, я роздал друзьям: и заветный томик самого первого издания Надсона, и вставленные в чужой переплёт мемуары вдовы Мандельштама, и берлинскую перепечатку философа Соловьёва...

Коробки с книгами удалось довольно скоро пристроить на отправку «медленным» грузом. Шёл густой снег, сотрудники грузовой таможни вручили нам, толпящимся в очереди, неуклюжие фанерные лопаты: хотите, чтобы скорее — расчищайте подъезды к складу. Может быть, москвичи-«отъезжанты» 76-го года, если кому-то из них доведётся читать эти строки, вспомнят последние числа марта, грузовую таможню на Комсомольской, сугробы снега у входа — и сумасшедшего в сбившейся на затылок нерповой кепке, машущего деревянной лопатой в ритм «Варшавянки»:

— В царство свободы дорогу грудью проложим себе!..

Ау, ребята, этот сумасшедший — я... Не знаю, откуда у нас, тогдашних эмигрантов, бралась отчаянная, безрассудная дурость — ведь известно было, что и с подножки самолёта снимали кого-то, почти уже успевшего почувствовать себя за границей. ...Я пел, отбрасывая лопатой в сторону пушистый, не успевший слежаться в тяжёлые пласты свежий снег. Кто-то из шурующих рядом со мною посмеивался, кто-то шараялся в сторону, едва разобрав слова...

Наконец, все таможенные процедуры были (не без помощи дорогой ронсоновской зажигалки — да что за чепуха, это же просто сувенир,

берите!) закончены — и ящики с книгами уходят с весов на тележку надёжно «смазанного» грузчика: в его же ведении и деревянные ящики, от прочности которых зависит сохранность багажа. Незадолго до этого, взглянув на обложку журнальчика с фривольными фотографиями, забытого среди отправляемых книг, молодой таможенник вскинул брови:

— Это ещё что?

— А что такого, я же не привёз в страну, я же увожу, — наивно ответил я.

— О, если бы привёз — мы бы не так говорили! — быстро оглядевшись по сторонам, он незаметным движением смахнул журнал со стола куда-то вниз, следом за зажигалкой. — Конфисковано! — сообщил он мне, ухмыльнувшись, после чего дело, кажется, пошло быстрее. Но оставались ещё фотографии...

У меня, любителя фотодела с мальчишеских лет, скопились многие сотни отпечатков, и, не знаю уж почему, в ящики с книгами их положить не позволили. Отобрав те, что составляли для меня самую дорогую память, я вынул их из альбомов и заложил в толстые конверты. А как быть с портретом Шалапина? О его существовании знали сотрудники Бахрушинского музея и всяческими способами пытались выцыганить фотографию для своей экспозиции — тем более, что был портрет уникален: как выяснилось, ни в одной шалапинской публикации воспроизведён он не был.

Мне же расставаться с портретом решительно не хотелось — в конце концов, он для меня составлял добрую память о женщине, мягко, но решительно противостоявшей влиянию на десятилетнего пацана страшной улицы послевоенной Москвы. И пусть старания её были, чего уж скрывать, не всегда успешны, — память о ней становилась с годами дороже и уважительнее. Была — не была, решил я и засунул фотопортрет среди десятка совсем старых, почти дагерротипных фотографий далёких предков, передаваемых «на свободу» моими родными.

«Наши уезжали в начале века — вдруг найдёшь там кого-нибудь», — напутствовали они меня. Эти дагерротипы сослужили свою службу — я действительно нашёл родных (вернее, они меня — потом, спустя годы, мы вместе рассматривали старые фотографии), и с их же помощью выехал со мною портрет: пограничник в «Шереметьеве» пролистнул их веерно — и бросил в чемодан, сочтя неинтересным подробное разглядывание.

...Зато все мои фотографии — и те, где я был снят в солдатской форме, и те, на которых было больше двух человек, — остались провозжавшим меня друзьям. Ко мне они все попали, но спустя годы. Фотопортрет же, благополучно миновав вместе с нами границы Австрии, Италии и, наконец, Америки, снова занял своё место. И снова не на стене: чернильная надпись на нём стала бледнеть, и я счёл за благо оставить его в конверте — том самом, в котором он достался мне десятки лет назад. Случается, я вдруг забываю — где он, где хранится прощальный подарок Анны Семёновны. Это может произойти со мной в любой час, даже ночью. Где же он? Потом я, конечно, нахожу его и, не вынимая из конверта, перекладываю в новое, как мне кажется, более памятное место...

Иногда же я достаю из конверта фотографию, рассматриваю её — и наступает момент, когда за чертами Шаляпина, как бы из небытия, проступает передо мною тёмное пространство огромного коридора, из глубины которого медленно, слегка ссутулившись, идёт мне навстречу маленькая женщина. На её плечи наброшен широкий, окутывающий всю её фигурку платок, волосы гладко, на пробор, расчёсаны, выпуклые глаза внимательно смотрят на меня. Она улыбается и, кажется, готовится что-то сказать. Я хочу, я очень хочу узнать — что она говорит мне? Но вот видение исчезает. Подержав какое-то время портрет, я прячу его в конверт и убираю — до другого раза... Узнаешь ли ты когданибудь — что не успела сказать тебе Анна Семёновна?

Инна ТРУФАНОВА

КИТЕЛЬ

Наверное, у каждого киевлянина, у каждого сознательного человека в сердце Бабий Яр — свой, своя история понимания или непонимания этой ужасной трагедии против человечества. А у каждого спасённого — своя история спасения...

Спасение моей семьи связано с обычным кителем, который оказался в нужное время в нужном месте в холодное зловещее утро 29 сентября 1941 года.

Бабушка в то время находилась с годовалым сыном (то был мой отец) в доме своей двоюродной сестры Марии. Он стоял на Большой Житомирской, 36. Когда на рассвете нацисты ворвались в дом и начали выгонять людей на улицу, кто в чём был, бабушка закутала ребёнка в свой пуховый платок, а уже у двери схватила с вешалки и накинула себе на плечи первое, что попало под руку — китель Петра, мужа сестры. На улице они слились с бесконечной колонной людей и потом долго двигались печально известной «дорогой смерти» в сторону Бабьего Яра... А когда уже приблизились к самому Лукьяновскому пропускнику, немецкий офицер, заметив молодую женщину в кителе с младенцем на руках, выдернул её из колонны. — Что это? — он ткнул пальцем в значок на кителе. Бабушка ответила, что это одежда сестрино мужа. (На тот момент Пётр служил в немецкой полиции). Бабушка назвала фамилию Поповиченко (по фамилии Петра). После короткого допроса ей приказали возвращаться назад и трое суток не выходить из квартиры. Вернувшись домой, бабушка уничтожила метрику и все документы, указывающие на еврейское происхождение её семьи. Так польская еврейка Франя Чарковская стала украинкой Ефросинией Поповиченко. Марию, бабушкину сестру, расстреляли в тот день в Бабьем Яру. А Пётр навсегда остался в том проклятом Яре в декабре — оказалось, что на самом деле он был подпольщиком.

Так я утратила свои еврейские корни. Надо сказать, что родители всю жизнь тщательно скрывали от меня эту страшную историю. Но, ещё учась в школе, расположенной почти у Бабьего Яра, я чувствовала в сердце какое-то подсознательное непонятное беспокойство. Что-то влекло меня в этот Яр, я даже прогуливала уроки, чтобы побродить по его замшелым заросшим тропинкам. И как было странно то, что ни от кого из взрослых я не получала ответа на свои постоянные расспросы. До сих пор помню нахмуренный взгляд моей учительницы Розы Владимировны: «Яр как яр... Ничего особенного. Сядь за парту»...

Повзрослев, я, конечно, узнала о том, какое ужасное преступление против человечества произошло там во время войны, узнала о чудовищных масштабах этой трагедии, которая замалчивалась десятилетиями. Теперь я ходила туда с явственно ощутимым звоночком душевной боли...

Однажды израильские авторы предложили мне для исполнения песню «Маме лошн» — о Холокосте, о Бабьем Яре. Я тогда остро почувствовала: это то, что я должна сказать и спеть!.. Непостижимо, но мне пришлось сделать 96(!) дублей прежде, чем записать эту песню начисто. На середине песни комок подкатывал к горлу, и начинали душить слёзы.

После этого несколько месяцев были посвящены работе с архивными документами, встречаю с киевоведом и специалистами по этой теме, перечитано множество воспоминаний. Я снова и снова шла в Бабий Яр в попытке восстановить места жестоких преступлений. Зачем мне это? Что со мной происходит? — спрашивала я себя... И чем больше я погружалась в эту тему, тем больше кричала душа. Но я так и не могла понять, почему так сильно и больно она резонирует.

Я отправилась в Яд-Вашем. Бродила по музейным залам, подолгу останавливалась возле экспозиций, разглядывала, вчитывалась. И вот в этих бесконечных отпечатках трагедий Холокоста наткнулась на уголок, посвящённый Бабьему Яру. Мгновенно захлебнулась слезами. Душа скорчилась от боли.

... С малых лет я живу в районе Бабьего Яра. Каждый день я шла с работы пешком по Большой Житомирской — улице, на которой родилась, по ул. Артёма, дальше по ул. Мельникова... То есть, я каждый день проходила той «дорогой смерти», дорогой, ставшей последней для десятков тысяч киевских евреев в те страшные трагические дни. Мои ноги, мои ступни научились чувствовать и слышать, они горели. По обеим

сторонам брусчатки — кое-где ещё сохранившиеся с тех пор дома. Однажды из них вышли простые, ни в чём не повинные люди — старики, женщины, дети — чтобы никогда уже в них не вернуться. Эти люди, — думала я, — мои соседи, мои киевляне, мой народ. Они шли навстречу смерти по той же дороге, по которой ежедневно хожу и я...

Иногда, когда приходила к Яру — казалось, будто нестерпимая боль врётся из меня немимым криком до небес и прорастает в землю...

Разгадка пришла только накануне того, как моему папе суждено было уйти в мир иной. Отец тогда, наконец, решился открыться и поведал мне страшную тайну истории нашей семьи, связанную с Бабьим Яром. Я ошеломлённо слушала исповедь отца и почти не дышала... Так вот что меня мучило все эти годы, всю мою жизнь!.. Это был шок... Но поразило тогда и другое. Папа рассказывал почти шёпотом, опустив глаза. А под конец строго-настрого запретил мне говорить об этом кому-либо. Я пыталась убедить его в том, что прошли времена умышленного забвения, что об этом надо говорить, об этом надо кричать на весь мир!.. Но отец оставался непреклонным.

После того разговора с отцом я стала ощущать, как, наконец, боль, которая долгие годы разрывала мою душу пополам, постепенно унимается и словно оседает, развенчанная и укрощённая, где-то в уголке сердца. Но всякий раз, когда я прихожу в Бабий Яр, кладу цветы возле Меноры и поклоняюсь праху Марии и Петра, которых никогда не знала, праху моих незнакомых соседей, моих киевлян, когда брожу в его чащах мимо заросших склонов и оврагов, хранящих в себе страшный отпечаток того времени, я думаю о том, что молчать мы просто не имеем права, о том, что недопустимо передавать из поколения в поколение тот страх, который когда-то был «намертво вживлён» в нас, в человечество. Это молчание передавать идущим далее — недопустимо, потому что тем самым мы соглашаемся со злом, и, значит, подсознательно становимся его участниками. А потом взываем к Господу: «За что?..»

Странно... Мы ведь все — люди, человечество. Мы — единый организм нашей планеты. Почему же у одних болит, а другие делают больно? Почему одни помнят, а другие забывают и заставляют забывать?

Наш долг — говорить! Ибо это — нить Ариадны, которая поможет нам выйти из страшного, коварного царства жестокости, безразличия, лжи. Говорить — чтобы побеждать зло. Говорить — чтобы те, кто спосо-

бен на подлость и измену, кто способен на убийство веры в справедливость, знали, что возмездие придёт обязательно.

«Всевышний пробуждает нашу совесть, но если вдруг уснёт она случайно, враги о ней напомнят непременно...»

ОБ АВТОРЕ

Инна Труфанова родилась в Киеве. Закончила Киевский педагогический университет им. Драгоманова в 1986 г. (правда, в то время он назывался Педагогическим институтом им. Горького). Долгое время работала учителем начальных классов, но когда настало время выбирать — либо школа, либо сцена, то выбрала последнее. Актриса музыкально-драматического театра «ДАР».

Стихи и песни пишет с 1989 г. и в большей степени считает себя музыкантом, хотя в её литературном портфеле, кроме стихов, есть и эссе, и сказки. Автор-исполнитель (г. Киев, Украина).

2001–2006 — организатор и руководитель международного литературно-музыкального проекта «А будет это так...» в Киевском Доме актёра.

2004–2008 — ведущая авторской программы «ТРУФАНОВ ОСТРОВ» на «Radio ROKS — Украина».

С 2013 г. — член Союза писателей Израиля, в 2015-м печаталась в литературно-художественном альманахе СРП Израиля «Юг».

С 2006 г. по сей день — организатор и ведущая АРТ-студии «ТРУФАНОВ ОСТРОВ».

Изданы 11 авторских аудиоальбомов.

Виктор ДАЛЬСКИЙ

МОЯ ФАИНА (ХУЛИГАНКА)

*Один вечер из жизни Фаины Раневской
К 40-летию со дня Ухода*

Автор выражает глубокую благодарность замечательным актёрам Анне Варпаховской и, увы, ушедшему от нас Анатолию Адоскину за интереснейшие рассказы о героях спектакля и Театре Моссовета.

Отрывки из спектаклей «Дальше — тишина» и «Странная миссис Сэвидж» могут быть представлены и как монологи героинь Раневской, и как документальные кино-телекадры спектаклей «Театра Моссовета» с участием Раневской и Плятта.

В грим-уборной перед столиком с зеркалом сидит Раневская. На столике и на зеркале парики, шляпки, шарфики. На стенах плакаты спектаклей с её участием, большая поздравительная газета. Два стула, стойка с костюмами. Что-то пишет в тетради.

ГОЛОС ПО ТРАНСЛЯЦИИ. Внимание всем службам. Ровно час до спектакля. Через 30 минут открываем зал. Уборщица, завершайте уборку сцены. Монтировщики, проверьте механизм люка провала, были жалобы на шум. И где Раневская? Кто-нибудь видел Фаину Георгиевну?! Её журналисты ждут... Толпа целая налетела...

РАНЕВСКАЯ (в дальнейшем ФР). Пробралась в театр незаметно и закрылась от этой своры. Дома-то двери никогда на замок не запираю — брать нечего, бояться некого... А в театре приходится. Я журналистов на порог перед спектаклем не пускаю. В душу лезут. Такое пишут, читать страшно! И фразы мои часто за свои выдают. «Раневская — это эпоха!», «Язвительный философ с сигаркой в зубах». Каждое моё высказывание — скандал и эпатаж.

«Почему, Фаина Георгиевна, вы не ставите и свою подпись под этой пьесой? Вы же её заново за автора переписали?!» — А меня это устраивает. Я играю роль яичек: участвую, но не вхожу.

Сегодня тем более не до них. Играю прощальный спектакль в театре. Ухожу на покой. Хорошо хоть не ногами вперёд. И название соответствующее: «Дальше — тишина». Гримируюсь и записки свои перечитываю. «Я — Раневская». Надо бы на спектакле сосредоточиться, а я вот жизнь вспоминаю.

...Однажды, в больнице, решила написать воспоминания. Почему? Не знаю. Сама ведь сказала: «Главное живой жизнью жить, а не по закоулкам памяти шарить...» И не могу остановиться. Может, ощутив тогда опасную близость смерти, и решила. И всё вспоминаю, вспоминаю. Про детство, про дорогого моего друга Плятта, про ужасного главного режиссёра театра Завадского. Про любимых Эфроса и Варпаховского, Юрского. И многих других — дорогих и ненавидимых. Мне есть что вспомнить. Я по жизни провинциальная актриса. Где я только не служила! Только в городе Вездесранске не отметилась!

Про театр, и про жизнь — что за мир нас окружает? Сколько умалишённых вокруг и как с ними весело! Чувствуешь себя старой пальмой на вокзале: и никому не нужна, и выбросить жалко...

(измеряет давление, вздыхает) Странно... Обычно в это время у меня болит жопа... ой, простите, хотела сказать, спинной хребэт, но сейчас скакнуло давление... Высоковато, но до «пора» ещё далеко. 160 на 100. Давно не было такого. С тех пор, как прорабатывали на партсобрании по поводу моей заносчивости и зазнайства. Упрекали, что на гастролях я завладела машиной и лучшей гостиницей, что люди на улице встречают аплодисментами! Как будто я требовала. А на съезде партии меня вызвали в президиум, я вышла на аплодисменты, относящиеся к Сталину... У меня тогда впервые случился сильнейший спазм сосудов.

(ещё раз смотрит на измеритель давления; зло отбрасывает аппарат в сторону)

Не падает, проклятое. А скоро занавес откроют. Я никогда не отменяла спектакли. Публика платит деньги и хочет посмотреть на Раневскую. Когда однажды меня, еле живую, заставили сыграть спектакль, раз и навсегда возненавидела свою «славу». А, в сущности, на чём она зиждется? Что я создала за жизнь? Пропищала в искусстве, да и только!

Родилась недовыявленной и ухожу со сцены недопоказанной, недоигравшей. Я — вечное «недо»... Зародыш в гриме...

...Ну да, я сыграла более 200 ролей! Но где? В провинции. В Москве-то, кроме как «Странная миссис Сэвидж» и «Дальше — тишина», не сыграла ни одной, о которой мечтала. Могу создать кладбище несыгранных ролей. Я не знала успеха у себя самой... Только у зрителей и власти. Вот орден очередной к юбилею в Кремле навесили. Я все свои ордена и медали называю похоронными принадлежностями. Сталинские премии получены за роли, которые считаю пустыми. У нас в стране «незаметно» сыграешь Гамлета, а премию получишь за роль идиота-передовика производства!

Всенародная популярность и вовсе пришла после дурацкой фразы: «Муля, не нервируй меня!» Шага не могу пройти по улице. Толпы преследуют. Кричат дурными голосами как оголтелые: *(утрировано)* «Муля, не нервируй меня!» Пионеры и пенсионеры, старые девы и милиционеры. И даже проститутки, хотя их в стране официально нет. Я не кокетничаю. И это не старческий маразм. Я сокрушаюсь... И нервы часто сдают... Вот и сегодня нервничаю. А вдруг прощальный спектакль не заладится, не будет контакта с залом. И аудитория самая что ни есть взыскательная — друзья и враги, которые ждут моего провала. *(берёт со столика стакан с водой, выпивает)* Руки вон трясутся...

Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом. Работаю в метро скульптурой. Меня можно пощупать в вестибюле. Это я там стою в купальной шапочке и медных трусиках, в которые все пионеры стремятся залезть. Меня отполировало такое количество лап... *(берёт со столика увесистый конверт с записками)*

...Опять макулатурой завалили. Поклонники и хулители. Каждый божий день в театр мешки писем приносят. Даже домработнице в подъезде суют. То совет спрашивают, то просто от отчаяния вопиют. Бедные люди, несчастные, не у кого больше совет спросить. Но есть и такие, кто гадости пишет, оскорбления грязные...

Раньше я просто не знала, как отвечать на вопросы трудящихся, а теперь часто не понимаю, о чём спрашивают. Но стараюсь, изощраюсь. Сама себя радую. *(достаёт записки, читает, комментирует)*

Бывают же люди, которым язык так и чешется задать вопрос: «Сложно ли вам живётся без мозгов?»

Лучше быть «ругающейся матом», чем тихой, воспитанной тварью.

А вот наблюдения из жизни. Если женщина призналась, что вы лучший мужчина в её жизни, значит, она прекрасно осознаёт, что другого такого дурачка ей больше не найти.

Если женщина идёт с опущенной головой — у неё есть любовник. Если с гордо поднятой — у неё есть любовник. И вообще, если у женщины есть голова, у неё есть любовник!

Оптимизм — это недостаток информации.

Вы можете говорить обо мне всё, что вашей душе угодно. Вы хоть раз встречали кошку, которую волновали бы мышинные разговоры о ней?

Есть люди, в которых живёт Бог; есть люди, в которых живёт Дьявол; а есть, в которых живут только глисты.

Я, в силу отпущенного мне дарования, всю жизнь пропищала, как комар.

Жизнь — это затяжной прыжок из промежутиости в могилу.

Животные, которых осталось мало на земле, как правило, занесены в красную книгу, а вот животных, которых много, надо занести в книгу о здоровой и вкусной пище!

Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

Когда мне не дают роли, чувствую себя пианисткой, которой отрубили руки.

Что толку в пластической операции? Фасад обновишь, а канализация всё равно старая. *(достаёт с вешалки несколько разноцветных шарфиков, подбрасывает в воздух)*

И никакими украшениями его не украсишь...

(вздыхнув) Эх, сейчас бы съесть что-то домашнее, вкусное... Но я с бытом совсем не лажу. Я абсолютная бытовая дура. Приходится нанимать домработниц. Они приходят в дом как завоеватели, и уходят как мародёры с поля боя...

(раздаётся громкий шум из коридора; подходя к двери, кричит кому-то невидимому в коридоре) Эй, вы, там, коридорные, потише. Что разгалделись? Мне надо в образ войти. *(прикрывает рот рукой)* Чёрт, забыла, меня же ещё нет в театре...

Как ни стараюсь, не могу сосредоточиться. Мысли по закоулкам памяти скачут.

...Я — дочь нефтепромышленника, едва ли не самая богатая невеста Таганрога! Была бы умная, уехала бы с мудрым папой и семьёй из большевистской России за границу. Но я — дура. Разве Россия пригодна для жизни? Азохенвэй, а не жизнь.

...Когда отец узнал о рождении ещё одной девочки, огорчился, что опять не получился наследник. Но увидел меня, новорождённую, и не сдержался: «Майн фегеле! Их глейб, аз ди вест флиенойх». Птичка моя, я верю, ты взлетишь высоко. Фаина — это производная, вариант еврейского имени Фейга — «Маленькая птичка». Друзья зовут меня Фуфа...

...Впервые почувствовала себя актрисой в пять лет. Умер маленький братик, я жалела его, плакала. И всё-таки тайком отодвинула занавеску на зеркале — посмотреть, какая я в слезах.

...Семнадцатилетняя, выпросила у родителей немного денег и приехала в Москву. И отправилась по театрам в поисках работы. Бог знает, отчего, но вновь стала заикаться и падать в обмороки. Мне говорили, ухмыляясь: «Театр не для вас, вы профессионально непригодны. Не морочьте себе голову». Я была некрасивая, худая и длинная. Чистый урод. Я и сейчас урод, ничего не изменилось. Только теперь в морщинах, с мясистым носом и хриплым голосом...

(берёт со столика несколько бутафорских носов, гримасничая, примеряет) Мне и носы бутафорские во многих ролях не нужны. Свой за тридцать земель виден...

...После революции был голод. Потом «Военный коммунизм». Гражданская война. Было много такого страшного, чего нельзя забыть до смертного часа.

Было много театров, много режиссёров, разные люди. Была Великая Отечественная. Эвакуация в Ташкенте. Хвала небесам, там мы вновь встретились с Анной Ахматовой... И, наконец, Москва! Неповторимый Камерный театр. Единственный за всю жизнь режиссёр, которому верила — Александр Таиров. Негодяи свели его с ума, а имя вычеркнули надолго из упоминания.

...Мой «Театр Моссовета» ориентирован на праздничные и великие даты. Кроме мировой классики, в запасниках всегда пьесы, которые должны идти, скажем, в день проведения всесоюзной конференции доярок. Приехали орденоносные мастерицы высоких надоев — что им

показывать? Не «Горе же от ума», в конце концов. Пусть смотрят «Рассвет над Москвой»!

(рассматривает фото, приколотые к стене, которые появляются на экране; простирая руку в направлении фотографий, называет имена) ...Рихтер, Ахматова, Ия Саввина, Шостакович, моя дорогая Вульф, Леночка Камбурова. Утёсов, который такой же Утёсов, как я Раневская... Мой пантеон, самое дорогое, что у меня есть. *(подходя к фотографиям ближе)* Целый иконостас друзей и поклонников *(читает надпись на фото)*: «Великой Фаине с любовью. Святослав Рихтер».

Хм... «великой»! Всегда отношусь с иронией к подобным высказываниям... Но в то же время любая критика доводит до нервного срыва. А вот если говорят приятное, особенно люди понимающие, думаю, может что-то хорошее во мне всё-таки есть — в актрисе...

(указывает на другой портрет на стене)

Ещё один приличный человек — Твардовский. Однажды ночью — звонок в дверь. Испуганная, вскакиваю в ночной рубашке. — Кто там? *(из кулис появляется Твардовский)* Это я — Твардовский *(в дальнейшем — АТ)*. Простите...

ФР. Что случилось, Александр Трифонович?

АТ. Понимаете, дорогая знаменитая соседка, могу обратиться только к вам. Пришёл домой, ключа нет. Забыл на даче. Вспомнил, этажом ниже — вы. Пойду к ней, она интеллигентная. Мне срочно надо в туалет...

ФР. Глаза виноватые, как у напроказившего ребёнка. Потом кормила его. И он говорил: «Почему у друзей всё вкуснее, чем дома?» Однажды приехал из Италии...

АТ. Вы, конечно, начнёте сейчас кудахтать: ах, Леонардо, ах, Микеланджело. Нет, дорогая, я застал Италию в трауре. Скончался Папа Римский. Даже коммунисты плакали, узнав о его смерти. Мы с товарищами поехали к Ватикану, но не смогли добраться, толпы народа в трауре стояли на коленях на протяжении нескольких километров. Мне перевели энциклику — прощальное послание Папы. Какие же у нас дураки, что не напечатали её. Он призвал верующих и сказал: «Братья мои, я ничего вам не оставляю, кроме моего благословения, потому что из этого мира ухожу таким же нагим, каким в него пришёл».

(Твардовский уходит)

ФР. (показывая своё фото в молодости). Это я в молодости — выкидыш Станиславского. Господи, уже все коллеги ушли, а я всё живу. Серафима Бирман, которую часто называли моей тенью, — и та умерла, а уж от неё я этого никак не ожидала.

Просто нужно сесть и всё про друзей и врагов записать! Включая главу о мужчинах... К ней и эпиграф придумала: «Ночью все кошки серы, все бабы желанны. Зато мужики — круглые сутки глупцы».

...Была у меня любовь юности. Пригласила я эту любовь в гости, обещал прийти к восьми вечера. Я стол накрыла, лучшее платье надела. Восемь — его нет. Полдевятого — нет. Девять... Этот час мне показался бесконечным. Наконец, звонок в дверь. Открываю — стоит мой рыцарь с барышней и говорит: «Фаня, иди-ка пару часиков погуляй, нам уединиться надо...» Пока гуляла, на всех мужиках крест поставила.

Журналисты каждый раз спрашивают: «Так и не встретили свою вторую половинку?» Отвечаю: «Вторая половинка есть только у таблетки, мозга и жопы. А я изначально целая!!! Но любимых мужчин у меня много: Чаплин, Станиславский, Качалов... Я влюбилась в этого гениального артиста со всей дурью восторженной провинциалки и, выследив его, от переизбытка чувств рухнула в обморок. Меня перенесли в кондитерскую, возле которой я совершила этот кульбит, и стали приводить в чувство. Открыв глаза и обнаружив, что надо мной хлопочет сам Качалов, я повторно потеряла сознание... (залпом выпивает стакан воды, указывает на фото Ахматовой)

А это — Ахматова... Анна Андреевна. Думаю — какая же я старая, ещё помню талантливых и, главное, порядочных людей! Ахматова мне говорила: «Фаиночка, вам 11 и никогда не будет 12». А потом улыбнулась и добавила: «Не расстраивайтесь. Боре Пастернаку — четыре».

(без перехода) Наверное, нельзя жаловаться на судьбу, коль общалась с Шостаковичем... Меня к нему Михаил Ромм привёл. Я стеснялась, боялась, о чём говорить с гением? Решилась сказать, что потряс 8-й квартет. Утром он прислал пластинки всех квартетов. Величественный, простой. Ужасно понравился. Скромный, знает ли, что он — гений? Нет, наверное...

Может, правда, стоит писать не о том, как жила, а о том, что чувствовала, с кем встречалась, и главное, что мне эти встречи дали... Это уже стало традицией — самая яркая ода — на похоронах. А потом — словно и не было человека.

...О моём педагоге, гениальной актрисе Вульф даже к её годовщине ничего не написали... Каким счастьем была встреча с Павлой Леонтьевной! Она во мне воспитала актрису, человека, научила работать, радоваться природе. Любить музыку. Да просто — быть человеческой. Умирая, поцеловала мне руку и сказала: «Прости, что воспитала тебя порядочным человеком».

Потому и пишу о дорогих мне людях. Уже были пробы пера. Но я всё порвала. Во-первых, не хочу, чтоб кто-то читал мою жизнь. А во-вторых... Писать надо то, от чего читателю жить захочется, крылья вырастут. А что у меня было в жизни? О чём писать? О временах полной разрухи? О том, как я в Крыму практически умирала, и, если бы не Максимилиан Волошин — не выжила. Голод, тиф, трупы на улицах, головокружения из-за недоедания, страх... и единственное счастье — выходить на сцену. Поняла, об этом не стоит писать.

Умное давно не посещает мои мозги. И честно, терпеть не могу актёрские мемуары. Стариковский лепет. И почерк у меня жуткий. С таким почерком меня никогда не взяли бы в следователи. Только в бандиты...

(очередное объявление по внутри театральной трансляции)

— Внимание. Всем службам. Полчаса до прощального спектакля Фаины Георгиевны. Где же она? Кто-нибудь видел её в театре?

Мой злой гений — главный режиссёр Завадский, услышав одну мою импровизацию, орал как умалишённый: «Что вы себе позволяете? А если каждый начнёт кромсать пьесу под своё личное видение?» Тогда я и сделала вид, что ничего не понимаю: «Шо вы грыте!» Но автор был в восторге и разрешил мне, так сказать, отсебятину!.. Плохо мне в этом театре. Я то увольняюсь, то возвращаюсь... За свою долгую жизнь переспала со многими театрами, но ни с одним не получила удовлетворения. Искала настоящее искусство. И нашла... В Третьяковской галерее...

(смотрится в зеркало, красит губы, берёт шляпку, примеряет)

Красота — страшная сила! *(без перехода)* А сколько раз Завадский меня предавал... И перед Парижем тоже. *(появляется портрет Завадского на заднике)* Вызвал к себе, проблеял так ласково: «Фаина Георгиевна, мы едем во Францию, в Париж. Везём „Дядюшкин сон». Налил себе воды из графина, но не выпил, руки дрожали.

Ну **я** его в лоб, ошарашила: Юрий Александрович, не тяните кота за яйца. Вы что-то хотели?

Он: За хвост, не за яйца! Видите ли, дорогая Фаина Георгиевна, моя жена Вера Петровна...

Ну **я** поддакнула: Украшение театра. Любой уличный прохожий скажет, Вера Марецкая — лучшая актриса Моссовета. За последнее время выросла профессионально... Очень!

Он (сделав вид, что не заметил иронии): Но ей не с чем ехать в Париж. В спектакле она не играет. А сверху дано указание, нельзя брать дублёров. Валюту для страны нужно экономить.

Я: Так в чём проблема? (с наигранной лёгкостью) Пусть играет мою роль.

Он: А как же Париж? Эйфелева башня? Мулен Руж?

А **я:** А что Париж? Я там уже была. А проституток я сама играла, да как! И башня без меня не упадёт! (после паузы) И я ушла из театра. Домой. У меня не осталось ни одной роли. А главное — совсем не осталось близких мне людей. Даже поплакаться некому. Бросили меня на этой чёртовой земле. В гадюшнике со змеями и завистниками. Мне так одиноко в этом бессердечном мире! А мои соседки по дому! Они дружат на почве покупок, живут в комиссионных лавках... Все разговоры только о тряпках, деньгах и любовниках... Я от них бегаю. Хотя и завидую — им, безмозглым, так мало нужно для радости... Одна и вовсе перестала со мной здороваться. У неё был любовник по имени Сима. И она от него забеременела. Билась головой о стенку: «Что делать?! Так я её назвала — „Жертва хера Симы“».

(ещё один стук в дверь гримёрки; не отзывается, бубня себе под нос)

Я занята. Не морочьте голову. О, этот проклятый стук... Вся страна поголовно стучала друг на друга. Лубянка всех приучила. Сколько безвинных по наветам посадили. И по сей день то же самое.

(на экране высвечиваются несколько фото Плятта — в ролях и в повседневной жизни)

ФР. Мой дорогой Плятт. Не человек — уникам. В тридцать на спор голым купался под стенами Кремля. Как его тогда не посадили?! В шестьдесят маршировал в женском парике по коридорам берлинской гостиницы. В восемьдесят из спортивного азарта за две минуты съел килограмм хрустящих хлебцев и, не запивая, просвистел «Вихри враждебные». Удивительным образом сочетаются любовь к розы-

грышу и поразительный такт, знание самых неприличных анекдотов и манеры английского аристократа, мальчишеское озорство и жизненная мудрость...

Самые звёздные роли Слава сыграл в пенсионном возрасте. Пастор Шлаг в «Семнадцати мгновениях», старик в «Послесловии»; скрипичный мастер Амати из «Визита к Минотавру».

А была ещё театральная сцена: «Милый лжец», «Цезарь и Клеопатра», «Дальше — тишина...»

На экране же мы с Пляттом сошлись много раньше... В комедии «Весна» в народ ушла не только моя фраза: «Алло, скорая помощь? Помощь... скорая... Белая горячка... Горячка белая... Кто больной? Я больной, Маргарит Львович... пардон, Лев Маргаритыч...», но и Плятта: «Где бы не работать, только бы не работать!».

А в 1964-м снялись мы в комедии «Лёгкая жизнь», и что же? Моя спекулянтка «Королева Марго» опять попала в зрительский фавор: «Я ваша тётя из Киева, буду у вас жить...»

...Пьесу для спектакля «Дальше — тишина» нашёл Лев Лосев, директор нашего театра. Настоящий администратор, часто принимал огонь на себя, старался, как мог, помочь всем, кто служил в театре. Его единственного из директоров любила. «Глыба!» — так он меня называл. Если бы я могла в это поверить! Однажды он меня спросил: «Фаина Георгиевна, какие женщины самые верные — блондинки, брюнетки, шатенки?»

Ну я и брякнула: «Седые!» Он долго смеялся.

Ещё один директор в театре — распорядительный. Этого однажды насмерть напугала. Вошёл в гримёрку без стука, я была голая, переодевалась. Он аж остолбенел, а я его с порога ошарашила: «Вас не смущает, что я курю?!»

...Именно Лосев показал пьесу «Дальше — тишина» Анатолию Эфросу. Эфрос сразу увидел нас с Пляттом в главных ролях, и пьеса состоялась. Эфрос, как и Варпаховский, был не моссоветовским режиссёром. Уже одно это настораживало. Я тысячу раз повторяла, что ненавижу режиссёров, и они платили мне взаимностью. И с Эфросом мы сработались не сразу.

Я строптива и резка, остра на язык и даже привередлива, но если чувствую, что человек заинтересован не в овациях собственной персоне и правит материал не по своему капризу, а по логике развития действия, готова подчиниться. А уж когда выяснилось, что для Эфроса

сама репетиция, рождение и шлифовка спектакля — главное, я в него влюбилась. Он — создатель, а не постановщик, это не одно и то же. Творец! Не боялся признаваться, если не получалось, если не знал, как дальше, не видел сцены.

Пьеса великолепна, американцы зря её не оценили, на Бродвее она едва вытянула сезон.

Люси и Барклей Куперы — очень пожилая пара, вырастившая пятерых детей, всё отдавшая ради их становления, не жалевшая ради детей ничего. Чтобы раздобыть средства, они заложили свой большой дом, и вот не смогли вовремя выплатить деньги по закладной. Старикам Куперам требуется небольшая сумма ежемесячно, чтобы снимать скромное жильё. У кого же просить помощи, как не у детей, ведь это ради них закладывался «старый добрый дом»? Детям старый дом не нужен, хотя, сложившись, они могли бы легко выкупить его для родителей. Не нужны и сами родители, особенно странная мать, которая, по мнению детей, слишком щедра ко всем нуждающимся. Но разве это порок? По мнению детей, да.

Дети под надуманными предложениями отказывают родителям в помощи. Но допустить, чтобы престарелых Куперов выбросили на улицу, тоже не могут: «Что скажут люди?!» Решено родителей разделить, отца заберёт дочь, а вот для матери ни у кого не находится местечка. И ещё многое станет ясно, стоит лишь услышать, как старуха на пороге богадельни, осознавшая, что она только досаждаёт своим деловитым взрослым детям, случайно, путём подвижнических усилий, встретившись с мужем в ресторанчике своей юности, густым, низким голосом повторяет бесконечное: «Дорогой мой! Дорогой!»

Мелодрама становится трагедией. Зритель, растроганный, взволнованный, только что улыбающийся, «внезапно» чувствует, как у него перехватило дыхание. Других слов не существует в мире. Только эти: «Дорогой мой! Дорогой...» А дальше — тишина. Потому что, сказав всё, Люси Купер умолкает. Навсегда.

...Вскоре сняли телеверсию спектакля, которая меня просто доконала. Нам рыдать в сцене расставания, а тошнотворный занудливый администратор всё канючил точно уложиться во временные рамки. У них, видите ли, смета, переберут и накажут рублём. Хотелось крикнуть: — Да заберите мой гонорар, только дайте играть без хронометража! Чужие равнодушные лица, которым всё равно, что ты чувствуешь в такой сцене, главное, чтобы аппаратура работала чётко и хронометраж не превышен.

Каждому своё, я отвечаю за слёзы, они — за хронометраж, но ведь это искусство, нельзя же выражать слёзы в секундах, иначе их лучше делать глицериновыми. Я глицериновыми слезами плакать не умею. Я последняя из могикан, вон, ещё Плятт остался. Я безумно благодарна Лосеву и Эфросу за такой подарок — в старости сыграть роль Люси.

...Вся же моя творческая жизнь наполнена стенаниями: «Не разглядели меня, не увидели!» *(берёт в руки тетрадь с воспоминаниями)* И ролей настоящих — раз-два и обчёлся. Об этом тоже в своих писульках рассказываю. А фоток моих в книге не будет. Это же надо додуматься, с такой внешностью податься в актрисы! Да ещё по молодости претендовать на любовные роли! Представляете? В первый свой театральный сезон я играла в одной пошловатой пьеске прэлестницу, соблазняющую юного красавца. Стою на горе, говорю противно-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить как змея...» После этих слов мне удалось свалить декорацию, изображавшую гору, и больно ушибить партнёра. В публике смех, партнёр, стена, угрожает оторвать мне голову. Придя домой, рыдала и дала себе слово уйти со сцены.

(снова настойчиво звонит театральный телефон; поколебавшись, снимает трубку, слушает; играет за двоих или диалог с появившимся на сцене директором театра Л. Лосевым)

ФР: Да, дорогой мой директор. Нет, не скрываюсь, просто уединилась. Как себя чувствую? Чувствую, но плохо. Симулирую здоровье. Старожилы не помнят, чтоб у человека всё так болело: печень, сердце, ноги, голова, радикулит... Хорошо, что не мужчина, хоть предстательная железа не беспокоит... Ну конечно, не подведу, сыграю, как и положено в последний раз. Ажиотаж, двери в театр ломают? Конную милицию вызвали? Это хорошо, больше порядка будет. Смотрите только моих поклонников не затопчите!

...Кстати, я просила на сегодня 4 места в партере, а администраторы: «Нет, нету...» Ведь заливают, гады! Своим, небось, всё раздали! Вы уж позаботьтесь, дорогуша. И домработницу мою в директорскую ложу посадите, не то отравит меня. Злюка злопамятная!

...Ещё к одному ордену Ленина меня представили? Премного благодарна. Я все свои медали и ордена держу в коробке, где нацарапала: «Похоронные принадлежности». Учтите на панихиде. Кстати, голубчик, не забывайте меня. Приходите в гости — пока жива. Но звонок, как

и я, очень капризный. Если не сработает, стучите в дверь ногами. Почему ногами? Ну не с пустыми же руками вы придёте! *(кладёт трубку)*

...О боже, как только вспоминаю мои свидания в кабинете Завадского, холодею. Но миссис Сэвидж разрешил сыграть. Это Плятт пьесу раскопал. Сказал: «Там роль просто для вас. Американская миллионерша, мечтающая о театре, добрая, искренняя... Дети предали её из-за наследства и поместили на старости лет в психбольницу... Мне кажется, такой шанс нельзя упускать». *(беря со столика переплетённые листки с текстом пьесы)*

Я аж заорала. Голубчик, вы возвращаете меня к жизни! Психбольница — то, что мне сегодня нужно! Немедленно прочту и прямо с утра буду у Завадского! Психбольница! Грандиозно!

И такой у нас диалог с Завадским выдался. *(из-за задника появляется Завадский)*

ФР. Едва я вошла, **Он** заорал: «Опять вы?! Ну, нет у меня на вас ролей! Нету!

ФР. Я могу сама написать!

З. О! В этом не сомневаюсь. Вы любите нести отсебятину, которой нет в тексте!

ФР. Но я этим только улучшаю спектакль, вы же знаете.

З. Но вы опасный партнёр! Подумайте, каково остальным актёрам, если не знаешь, чего от вас ожидать? Вам просто нельзя давать роли со словами! Вам бы в немое кино!

ФР. *(патетично)* Умоляю, не дайте погибнуть! Назначьте популярную актрису на роль фикуса!

З. Станный вы человек! Просите у меня роль, а сами кляузничаете на меня в вышестоящие инстанции. *(протягивая ей конверты)* Полюбуйтесь, все эти письма ваших рук дело!

ФР. *(берёт листки — один, второй, третий, отбрасывает в сторону)* Юрий Александрович, а это не я писала. Вот это моё, честно признаюсь, а это — нет. *(со смешком)* Хотя здесь тоже написано, что вы — полный идиот!

З. *(прерывая)* Дайте сюда! Не смешно! Ей-богу, зла не хватает! Что у вас за характер?

ФР. Гнусный! Об этом даже в хвалебных статьях пишут.

З. Почему вы всё время выводите меня из себя?

ФР. А почему вы упорно возвращаетесь обратно?

З. Когда вы наконец прозреете?! На мне театр, громадная ответственность. Куча гениев с их эго, райком, горком, ЦК. И всех надо удовлетворить, чтоб театр процветал. А тут ещё вы с бесконечными выходками. Вчера опять взяли в театр собаку, хотя я просил вас этого не делать.

ФР. Но Мальчик никому не мешает, он тихо сидит в гримёрной.

З. Тихо?! В гримёрной?!

ФР. Ну, прибежал на сцену... Ну пописал на входе. Ну, взвыл от тоски один раз. Но ведь и публика от спектакля была не в восторге! К финалу ползала сбежало. Юрий Александрович! Вы же не можете не понимать, что актёр должен играть! Всё время, не останавливаясь!

З. Ну нет на вас ролей в данный момент! Нет!

ФР. Есть!.. Есть! «Странная миссис Сэвидж»... *(протягивает пьесу)* Прочтите! Умоляю! Я столько уродов сыграла! Я хочу хорошего целовека сыграть!

З. Но у нас её некому ставить. Все режиссёры заняты.

ФР. Увидел мой взгляд...

З. Хорошо, я подумаю! Прочту её как-нибудь на досуге... Ну, не сверлите меня взглядом.

ФР. И?

З. Что «И»?

ФР. И обещаю, дорогая Фаина Георгиевна, мы возьмём эту замечательную пьесу в репертуар театра. Повторите, Юрий Александрович...

ФР. Дорогая Фаина Георгиевна...

ФР. И...

З. Что? Ещё одно «И»? Ах, ну да! И обещаю, дорогая, именно вы будете играть миссис Сэвидж!

ФР. Я — Сэвидж? Не может быть! Юрий Александрович, дорогой, спасибо за оказанное доверие! Спасибо, голубчик! Вы возвращаете меня к жизни!

З. Когда же вы будете мудреть, Фаина Георгиевна?

ФР. В мои годы мудрость приходит вместе с маразмом! *(потрясая листками бумаги)*

З. Уберите, пожалуйста, макулатуру от моего носа.

ФР. Это не макулатура. Это жалобы. На вас. Если немедленно не найдёте режиссёра на «Сэвидж», сегодня же всё это разошлю в вышестоящие инстанции! А ещё — упаду в обморок. Прямо здесь. У входа в театр, на улице. И не приду в себя, пока не начнутся репетиции! Знаете, как я мастерски в юности изображала обмороки?

З. Наслышан... Есть у меня один вариант. Режиссёр Варпаховский. Правда, он очень занят... Ставит в Малом и ещё где-то... Нарасхват!

ФР. Уже падаю! В обморок...

З. Не торопитесь, думаю, нам удастся договориться. А сейчас, простите, у меня репетиция.

(из кулис появляется Плятт)

П. Как всегда, двери нараспашку! *(понимающе)* Ограбь народную артистку, не хочу. *(глядя в упор)* Опять не в духах?

ФР. Не дают ролей. Вы же знаете, что в театре сумасшедшая конкуренция среди дураков и бездарностей. Я не прохожу по конкурсу...

П. А Завадский вот очередную Ленинскую получил.

ФР. *(поморщившись)* Мало ему двух Сталинских! Перпетуум-кобеле!.. Мне жить осталось от силы час!

П. Всё шутите?

ФР. Сетую. Дни без репетиций и спектаклей кажутся бесконечными. Это как жить без воздуха! *(затягивается сигаретой)*

П. Совсем о своём здоровье не думаете! Дымите как паровоз.

ФР. И поправилась опять. Нюрка, подлюга, говорит: «Вы очень полная, вам не надо обедать, лучше в ванне купайтесь». И готовить ленится...

П. Вы, в отличие от вашей домработницы, даже к косметологу не ходите!

ФР. Несравненный, ты полагаешь, что это *(показывает на своё лицо)* можно испортить ещё больше?.. *(резко меняя тему)* Почему в жизни такая несправедливость? Все домработницы ныне подались в актрисы, а актрисы — в домработницы! Собираюсь...

П. Куда, позвольте полюбопытствовать?

ФР. *(показывает на небеса)*. Туда! Разонравилось мне здесь! Погода — истеричка, а я её жертва. Сил нет, склероз одолевает... И артрит. И главное — ничего уже не хочется... Ничего!

П. Как жаль, что в данный момент вы при смерти. А я только что от Завадского.

Диалог Плятт – Завадский

П. *(запыхавшийся)* Вызывали, Юрий Александрович?

З. Приглашал. Берём в работу новую пьесу — там отлично выписаны два возрастных героя, муж и жена, которые прожили вместе всю жизнь. Вы будете очень трогательны!

П. А кто партнёрша?

З. Я хотел, чтобы роль играла Вера Марецкая. *(пауза)* Но постановщик настаивает на Раневской.

П. Она будет счастлива! Ведь она три года ничего не играла.

З. Неужели уже три года? Боже, как летит время! Ростислав Янович, у меня просьба, выручите, голубчик, сообщите Раневской о назначении на роль! Я не могу! Я её боюсь!

П. Вы снова вышли на тропу войны?

З. Мы с неё и не сворачивали... Только неделю назад она заявила, что я ей в театре напоминаю кота, который, если не нагадил, то уже хорошо! Как вам это нравится?

Диалог Завадский – Варпаховский

З. Проходите, пожалуйста, Леонид Викторович! Спасибо, что нашли время встретиться! Ну что, прочли пьесу?

В. Пьеса трогательная, человечная... Выгодно отличается от всего, что сегодня ставится... Так нужных партийным идеологам пьес на темы сельского хозяйства и литья чугунных болванок на заводах.

З. Леонид Викторович, вы бы поосторожнее, здесь уши везде... Хотя лично я вашу позицию разделяю. У меня деловое предложение: возьмитесь за постановку «Сэвидж» в нашем театре.

В. Я благодарен, но сейчас очень загружен...

З. Не отказывайте, прошу вас! Сроки мы оговорим. Главное, запустить пьесу в работу, а репетировать можно начать позже. Месяца через два, три... четыре... пять...

В. Ну, что ж, через полгода, думаю, это возможно. У вас прекрасная труппа. И, на удивление, хороший перевод пьесы.

З. Перевод подчистила Раневская.

В. Недавно видел её в «Дядюшкином сне». Когда вышла на сцену, мне показалось, что несколько переигрывает, но прошло пару минут, и я вдруг поймал себя на мысли, что единственный, кто абсолютно естественен — Раневская... Вас что-то смущает или мне показалось?

З. Раневская — блестящая актриса, не спору, но... Вы неосведомлены о её характере?

В. Я сплетни не собираю...

З. Репетировать с ней... как бы это сказать... это как ежедневно входить в пасть к огнедышащему дракону. Нужно иметь крепкие нервы и лошадиное здоровье, чтобы терпеть её в ежедневном общении. Как-то она несла на репетиции отсебятину, и я сказал, что она растоптала мой замысел. Знаете, что она ответила? «То-то я смотрю, что

вдряпалась в говно!» Слово-то какое нашла — «вдряпалась»! Всем даёт прозвища. Знаете, как она называет нашу ведущую актрису? — «Болонка в климаксе». Героев труда — «Гертрудами», а заслуженных работников культуры — ЗасРаками...

В. Остроумно... Юрий Александрович, вы, вероятно, знаете мою биографию?

З. Да, конечно. Двенадцать лет в сталинских лагерях!

В. Семнадцать... Уж насмотрелся я там и несносных характеров, и огнедышащих драконов. К тому же, уверен, если к человеку с добром, то он распустится как прекрасный цветок...

З. Раневская уже так распустилась! Дальше некуда! Я, например, затрудняюсь сказать, кто будет режиссёром, вы или она. К тому же будет утверждать, что «родилась» в недрах МХАТа, и сам Станиславский мечтал видеть её в труппе театра. А после этого добавит, что вас бы не взяли туда даже гардеробщиком...

В. Вполне возможно... Но думаю, что мы всё же найдём общий язык.

З. Только осмелюсь дать совет наперёд: не делайте ей замечаний при других актёрах! Она очень уязвима! Даже если всего лишь попросите встать чуть левее, тут же услышите: «Не буду репетировать с режиссёром, который сказал, что я — паршивая актриса!» И всё время повторяйте, что она репетирует гениально. Что мечтаете только о точном психологическом рисунке.

В. И всё?

З. А ещё будьте готовы, что Раневская будет делать замечания вам, партнёрам, менять костюмы, мизансцены, а за два дня до премьеры откажется от роли. Решит, что «не дотягивает», что роль не получилась, что играет хуже всех... Ещё жалобы на вас писать будет... Поэтому, Леонид Викторович, если не сработаетесь, я пойму, что-нибудь придумаем. В конце концов — заменим актрису...

В. Это неэтично...

З. Но ведь вы понимаете, нам прежде всего важны интересы театра. Пьесу мы в репертуар взяли. А насчёт исполнительницы главной героини... В театре много хороших актрис, Вера Марецкая, например... В любом случае, я верю в успех вашей постановки!

В. Благодарю! Я уверен, мы с Раневской уж как-нибудь поладим.

(ФР пересаживается на стул посреди сцены)

...Странная миссис Сэвидж. Я с этой пьесой носилась как в полном троллейбусе с воздушным шариком, да ещё и спрятанным под одеждой. Прочла впервые, сразу поняла — моё! Начало репетиций всё затягивалось и затягивалось, Завадскому наплевать, Варпаховский тоже занят, одна я болтаюсь без дела как говно в проруби, и всем надоедаю.

Никто не может понять таких мучений, кроме тех, кто сам выпрашивал, вымаливал роли, умолял, пресмыкался, чтобы дали сыграть, чтобы поставили то, что приемлемо, не ради галочки к очередной годовщине. Актёр должен играть! Всё время, разнообразно, не останавливаясь, чтобы не приходилось выпрашивать себе роли. Чтобы быть в форме. Что для этого нужно сделать? Построить побольше театров? Нанять больше режиссёров? Премьеры каждую неделю? Что?

Не знаю, только знаю, что половину времени, уже став настоящей, а не начинающей актрисой, провела впустую, скучая на производственных собраниях, сборах труппы, лекциях о международном положении или просто в ожидании хоть чего-нибудь.

Человек всегда ненавидит тех, от кого зависит. Я ненавижу режиссёров. Не потому, что плохие люди или бездарны, а потому что не давали работать! Но Сэвидж у нас с Варпаховским получилась. (*играет отрывок из пьесы*)

Миссис Сэвидж: Я вышла замуж за Джонатана, когда мне было шестнадцать. Полюбила его с первой встречи до самой его смерти. Вы понимаете, что это значит? Это значит, что единственной целью моей жизни было сделать его счастливым: хотеть того, что он хотел, угадывать все его желания... Я и не жалела, пока он был жив. Но когда его не стало, я вспомнила все свои неосуществлённые желания. Наверное, немного поздно? Если бы всем этим занималась в молодости, никто бы не осудил. Теперь, когда стала старой, моё поведение находят странным.

Я учредила «Фонд Джонатана Сэвиджа» — благотворительное общество — оказывать материальную поддержку людям. Затею сочли безумной. Запрятали меня сюда. В дом сумасшедших. Стала «канард». Это означает «дохлая утка», конченный человек.

Многие понимают, что со мной поступили очень несправедливо. Я совершенно здорова. И меня постараются держать здесь всегда, лишив даже немногих оставшихся причуд.

ФР. Для первого свидания Варпаховский выбрал скамейку в парке. Пока его ждала, еле от стаи голубей отбилась. Поналетели, у воробуш-

ков всё поотнимали и сожрали, засранцы! Все памятники в городе загадили! Даже Пушкину! Прибежал запыхавшийся, три раза извинялся, что опоздал. Я его великодушно простила — сама опоздала. И с места в карьер озадачила, спросив: «Это что, свидание?»

Он не растерялся, мгновенно нашёлся: «А почему бы нет?!» *(из кулис появляется Варпаховский — далее — В.)*

ФР. Так мы ведь уже здоровались! Или вы хотите по второму разу? Какое неожиданное решение — встретиться на скамейке, в парке!

В. А почему бы и нет, Фаина Георгиевна?

ФР. А вы, однако, шалун! Но мне приятно! Скажу по секрету, меня уже давно никто не приглашал на свидание. Странно, не правда ли?

Он. Весьма! Позвольте поцеловать вашу руку!

ФР. А я подумала. Сразу видно — дворянин! И спросила: «Как вам удалось их сохранить, манеры?» Знала, что он в лагерях много лет по доносу безвинно отсидел. Где над ним измывались, били нещадно, в карцер бросали. Изверги проклятые...

В. Что же, мы должны были в зверей превратиться?

ФР. И предложил начать читку пьесы прямо на этой скамейке! Я — за миссис Сэвидж, он — за остальных персонажей.

Я тогда удивилась... «Интересно. Но как? Должна же быть сцена, не задний двор. Надо немного манерности, эмоций».

В. Кстати, о манерах! Расскажу, как нужно целовать даме руку! Мужчина берёт её руку в свою, склоняется, ни в коем случае не тянет к губам, и прежде, чем поцеловать, поднимает взгляд и пронзительно смотрит даме в глаза. Затем, наконец, прикладывается и, не в силах пережить накала страсти, резко отбрасывает её руку, отворачивается и уходит страдать к стене... Это — теория. Теперь, разрешите продемонстрировать на практике... *(показывает)*

ФР. Тут я немного приврала. Я уже просто изнемогаю от желания репетировать с вами! Когда же мы начнём? Прямо на этой скамейке?

В. Именно так! Только, Фаина Георгиевна, пожалуйста: произносите текст таким образом, чтобы на вас не оборачивались... Всё проще, легче... Ничего не нужно играть.

ФР. Замечательное режиссёрское кредо! Терпеть не могу слово «играть»! Играют дети. Можно играть в карты, в шашки, на скачках... А на сцене нужно жить. А он улыбнулся.

В. Совершенно с вами согласен! Что у нас там по тексту?

ФР. *(излишне драматично)* «Посмотрите, доктор!»

В. Фаина Георгиевна, на нас обращают внимание...

ФР. И потрепал свою бабочку. Он в ней всегда ходил, чудак. А я просила с усмешкой: «Перестаньте терзать вашу бабочку, она будет иметь небрежный вид». Но он не смутился.

В. Как раз то, что нужно. Меня сам Мейерхольд учил её завязывать!

ФР. И я подивилась. Да неужели?

В. Да! Он мне говорил: «Лёня, сначала завяжите нормально бабочку, далее сгребите её в кулак, затем долго-долго треплите, потом резко отпустите, и у вас всегда будет небрежный артистический вид...» А теперь — продолжим...

ФР. *(исполняет короткий отрывок из пьесы)* «Посмотрите, доктор! Уже появились светлячки... Что заставляет их светиться? Это у них пора любви? А, правда, было бы великолепно, если бы и люди в период любви светились, как светлячки» ... Тут он слегка лукавил.

В. Замечательно, Фаина Георгиевна! Замечательно!

ФР. Я сделала вид, что поверила и предложила читать дальше. И спросила: «Но можно я, всё-таки, в этой сцене поддам драматизма? Зрители будут плакать! Мне слёзы в зрительном зале дороже аплодисментов». Но он не согласился. Тогда я его попыталась спровоцировать. «Вы тоже считаете, что „Муля“ — мой конёк? Даже этот „заплетай-язык“ — генсек Брежнев, вручая орден Ленина, прошамкал: „Муля, не нервируй меня!»! А я всю жизнь жду роль глубокую, драматическую, чтобы снять с себя клеймо пересмешницы. Но **Он** был невозмутим.

В. Мне кажется, проблема решается гораздо проще. Вам просто нужно научиться ценить свой комедийный дар...

ФР. Я пококетничала. Королевство маловато, разгуляться негде! И тут он меня воодушевил.

В. А вы только представьте: премьеры «Сэвидж». Театр уж полон, ложи блещут, партер и кресла — всё кипит. И, взвившись, занавес шумит... Толпою нимф окружена, стоит Раневская, она... А знаете, как с английского языка переводится «Сэвидж»?»

ФР. Я не знала. Оказалось — Дикая. Для окружения — она, как и я, дикарка... И сказала ему, погрозив пальчиком: «А вы, однако, шалун...»

(меняя тон, передразнивает Завадского)

А Завадский-то как удивился, узнав про наши садово-парковые репетиции. Как это репетируют? Где? На лавочке в парке? А-а-а... Не хочет делать ей замечания при всей труппе... Надо же, какой хитрец! Ладно... Посмотрим, что они будут делать, когда похолодает.

ФР. *(продолжая воспоминания)* Мы с Варпаховским тоже часто спорили, но он ещё тот был дипломат. *(убирает стулья)*

В. Приятно, что вы пунктуальны...

ФР. Пунктуальна? В этом террариуме единомышленников вам уже успели настучать, что я всё время опаздываю... Ну, да бог с ними!

В. Позвольте, а где стул? Я же всё подготовил для репетиции...

ФР. Я его унесла за кулисы. Эта сцена должна играть не сидя, а стоя. Голубчик, вы лишаете меня свободы, всё продумываете за меня. Так нельзя!

В. Поверьте моему опыту, Фаина Георгиевна, внутри моего рисунка вы найдёте множество возможностей для импровизации. Если же этого не произойдёт, обещаю, что изменю мизансцену и сделаю всё, чтобы вам было удобно. *(опять вынес на сцену стул)*

ФР. Ну, хорошо. Давайте попробуем. Фантазия у вас богатая, макет великолепный, рояль закажем коричневый... А про себя усмехнулся: «Рояль будет чёрный».

(переставляет стул в глубину сцены)

В. Фаина Георгиевна, зачем вы переставили стул? Я же просил вас быть на авансцене.

ФР. Я там сидеть не буду. До первого ряда рукой подать. Я боюсь публики. Я предупреждала!

В. Фаина Георгиевна, вы же лукавите... Вы столько лет на сцене...

ФР. Хорошо, давайте на прямогу! Это подло с вашей стороны! Если бы у меня было лицо, как у Любви Орловой. А у меня ужасный нос... Моя трагедия! У меня из-за него не сложилась личная жизнь! Вы что хотите, чтобы зритель испугался?

В. Бог с вами, Фаина Георгиевна! Вы же красавица!

ФР. Вы это серьёзно?

В. Абсолютно!

ФР. Ну, тогда, так и быть, буду сидеть на переднем плане... А этот, так сказать, актёр... Я не могу репетировать, когда от партнёра нечем заразиться — даже насморком! Знаете, в чём беда сегодняшнего театра? Из него ушёл трепет! Понимаете — трепет! Самое главное для артиста! Я ведь работаю трудно, всё время недовольна собой. Не провала я боюсь, а... У меня же кроме театра ничего нет, это вся моя жизнь, и так страшно распорядиться ею неправильно... Ну вот, у меня опять схватило голову! Я всё-таки не буду сегодня репетировать... Не могу! Дорогой, вы же знаете, актёр — это не профессия, это диагноз!

...На премьерe был триумф. И на каждом спектакле этой «Странной Миссис Сэвидж».

(без перехода) Однажды Завадский закричал мне из зала: «Фаина, вы своими выходками сожрали мой замысел!».

«То-то у меня чувство, будто наелась говна», — достаточно громко пробурчала я ему.

«Вон из театра!», — крикнул мэтр.

Тогда я, подойдя к авансцене, ответила ему: «Вон из искусства!!!»

Хотя, наверное, сколько бы шпилек, колкостей, иронии ни звучало в моих репликах в сторону Завадского, все они были направлены не на человека — на режиссёра.

(берёт в руки газету со стола)

Вот вчера прочла в газете подборку своих изречений. Опять украл кто-то. (читает)

Семья заменяет всё. Поэтому, прежде чем её завести, стоит подумывать, что важнее: всё или семья.

В моей старой головушке есть всего пара, ну от силы тройка мыслей, просто они порой разводят такую беспокойную возню, что кажется, будто у меня их 1000.

— Что Раневская думает о браке? — Союз глупого мужчины и глупой женщины порождает мать-героиню. Союз глупой женщины и умного мужчины — мать-одиночку. Союз умной женщины и глупого мужчины — обычную семью. Союз умного мужчины и умной женщины — лёгкий флирт.

Почему на красивых женщин мужчины обращают гораздо чаще внимание, нежели на умных? — Это — очевидно, ведь слепых мужчин гораздо меньше, чем глупых.

Кто умнее — мужчины или женщины? — Женщины, конечно. Вы когда-нибудь слышали о женщине, которая потеряла голову только от того, что у мужчины красивые ноги?

Почему женщины так много времени и средств уделяют своему внешнему виду, а не развитию интеллекта? Просто слепых мужчин гораздо меньше, чем умных.

Фаина Георгиевна, на что похожа женщина, если её поставить вверх ногами? — На копилку. — А мужчина? — На вешалку.

Так что же, Фаина Георгиевна, у вас совсем нет никаких недостатков? — В общем, нет. Правда, у меня большая ж-ноль-па и я иногда немножко привираю...

Если женщина говорит мужчине, что он самый умный, значит, она понимает, что второго такого дурака не найдёт.

Почему женщины живут дольше мужчин? — Наверное, потому, что всегда на свидания опаздывают.

Кто спутник вашей славы? — Одиночество.

(без перехода) Вот недавно в санаторий ездила. Сидела за столом с занудой, который всё время хаял еду. И суп холодный, и котлеты несолёные, и компот несладкий. За завтраком он брезгливо сказал: «Ну что это за яйца? Смех один. Вот в детстве у мамочки, помню, были яйца!» — А вы не путаете её с папочкой? — осведомилась у него.

Я там одной перезрелой даме сказала, что та по-прежнему молода и прекрасно выглядит. — Я не могу ответить вам таким же комплиментом», — дерзко ответила та. — А вы бы, как я, соврали! — посоветовала ей.

Вопросы, на которые сама себе не смогла ответить. Почему, если человек умный и честный — то беспартийный. Если умный и партийный — то нечестный. Если честный и партийный — дурак.

Что такое одиночество? Это когда в доме есть телефон, а звонит будильник.

Что делать с идиотами вокруг? Идиотов и клоунов из своей жизни отпускайте. Цирк должен гастролировать.

Поклонница попросила мой домашний телефон. — Дорогая, откуда я его знаю? Я же сама себе никогда не звоню!

Известно, что позволяю себе крепкие выражения, и когда мне сделали замечание, что в литературном русском языке нет слова «ж-па», ответила: — Странно, слова нет, а ж-ноль-па есть...

Я жила со многими театрами, но так и не получила удовольствия.

Вчера спала с незапертой дверью. Подумала: «А если бы кто-то вошёл?! Но сразу себя пресекла: — Ну сколько можно обольщаться!»

Придумала, что ответить одному драматургу, который принёс новую пьесу. — Ну-с, Фаина Георгиевна, и чем же вам не понравился финал моей последней пьесы? Отвечу: — Он находится слишком далеко от начала.

И его любовнице, которая закатила глаза: — Я обожаю природу. — Спросила: — И это после того, что она с тобой сделала?

— 85 лет при диабете — не сахар.

— Жемчуг, который я буду носить в первом акте, должен быть настоящим, — требует капризная молодая актриса. — Всё будет настоящим, — успокоила её. — И жемчуг в первом действии, и яд — в последнем.

— Вы не поверите, Фаина Георгиевна, меня ещё не целовал никто, кроме жениха.

Ну что я могла ей сказать? — Это вы хвастаете, милочка, или жалуется?

А вот ещё — смешное. Великая русская актриса Александра Яблочкина пребывала в девицах до старости. Как-то она спросила, как, собственно, занимаются любовью. После подробного рассказа Яблочкина воскликнула: — Боже! И это всё без наркоза!!!

(шум зрительного зала, голос помощника режиссёра) Внимание! Всех занятых в первом акте прошу приготовиться. Осветители, снимайте свет в зале! Свет на просцениум... Билетёры, займите свои места. Полчаса до начала.

РАНЕВСКАЯ. ВОСПОМИНАНИЯ

ФР. Такая овация в финале была! Администратор сказал, что спектакль шёл больше положенного на целых полчаса! А с банкета я сбежала. Еле дошла домой! Ноги гудят... На улице подбежал восторженный зритель: «Великолепно! Великолепно! А сколько вам лет?» Говорю: «В субботу — 115». «Великолепно! В такие годы — и так играть!» — Ну, не паразит?.. *(через паузу)* А маразматик-затейник Завадский на премьеру-то не пришёл! Ну конечно, его же волнует только собственный успех!

...Я заметила, что если не есть хлеб, сахар и не пить пиво с рыбкой, да, морда становится меньше, но грустнее. К тому же, нет полных женщин, есть тесная одежда! *(берёт телеграмму со столика)* А это что за телеграмма? *(читает)*

«Дорогая Фаина Георгиевна! Я в командировке, но мысленно с вами. Для театра вы гораздо больше, чем просто актриса! С искренним восхищением, ваш Юрий Завадский! *(прослезилась от умиления и кричит)* Люди, товарищи! Дайте мне ножницы. Я отрежу свой поганый язык!.. Правду говорят, что от любви до ненависти и обратно — один шаг. Мы с Завадским, этим выкидышем — учеником Вахтангова, только тем и занимаемся, что шагаем туда-сюда... Ха-ха!

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР РАНЕВСКОЙ И ВАРПАХОВСКОГО, который появляется из-за задника с телефонной трубкой в руке.

В. Фаина Георгиевна, Варпаховский. Звоню ещё раз поздравить с премьерой, в суматохе не успел сказать, вы сегодня превзошли все мои ожидания, вы — величайшая актриса!

ФР. Голубчик, вы же знаете, как я люблю комплименты! Поэтому успокойтесь, выдохните и повторите всё, что вы только что сказали, с самого начала и помедленнее.

В. Простите за этот поздний звонок, но я понял, что не засну, если вам не позвоню.

ФР. Леонид Викторович, спасибо и за комплименты, и за сегодняшнюю премьеру! Святой вы человек! Но вы же знаете актёров. Уже через год так всё разболтают отсебятиной! Вы обязательно должны прийти, сделать замечания и почистить спектакль.

В. Ведь кто-то уже на генеральном прогоне пел «Жил был у бабушки серенький козлик».

ФР. Вам не понравилось?

В. Нет, нет, вы это делали, конечно, гениально, но какое отношение американская миллионерша имеет к серенькому русскому козлику, который живёт у бабушки? Так что я обязательно приду через некоторое время и подкорректирую спектакль, но только... боюсь..., придётся начать с вас, Фаина Георгиевна...

ФР. Тогда не приходите!

(голос по трансляции) Всем службам. Десять минут до начала. Полная готовность. Актёры, прошу на сцену. Фаина Георгиевна, где вы? Вас все ждут! Кто-нибудь видел нашу юбиляршу?!

(подходя к прищипленной к стене поздравительной газете) Вот газету коллеги на прощание приготовили. Фразы мои ими любимые вспомнили. После банкета капуста покажут. Есть в театре замечательный артист Толя Адоскин — большой мастер этого жанра. Настоящий интеллигент и артист блистательный. Настоящий мастер перевоплощения. Его в кино часто приглашали. Никто лучше эсэсовцев не изображал. И внешне — вылитый... И Юрский в капустнике блеснёт — он и поёт здорово.

Мои околотеатральные глупости вспомнили *(поморщившись, читает)* Совсем совести нет. «Однажды юбиляр оконфузилась, забыла фамилию актрисы, с которой играла. Брякнула, не думая: — Ну эта, как её... Такая плечистая в заду».

Если не спится, надо считать до трёх. В крайнем случае... до полчетвёртого.

Жить надо так, чтобы тебя помнили и сволочи.

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на диеты, жадных мужчин и плохое настроение.

Всё сбудется, стоит только расхотеть...

Сказка — это когда женился на лягушке, а она оказалась царевной. А быль — когда наоборот.

(подходя вплотную к поздравительной газете) Даже ордена мои и медали для капустника сфотографировали. Нет, всё-таки свинство — доживать до старости. Страшно, когда внутри 18, а на тонометре 165 на 110. И понимаешь, что тебе уже пора. И на банкет идти не хочу. Будут комплименты заезженные говорить, шутковать. А многие радоваться, что из театра ухожу...

(надевая шляпку, шарфик, перчатки) Этот спектакль требует от нас с Пляттом адской отдачи.

«...Это не спектакль — кровоточащая рана. Слов нет, только слёзы. Мы с мужем пока живём в своём доме, пенсионеры... Очень боюсь пережить его, во-первых, люблю, во-вторых — не хочу стать бабкой-приживалкой у детей... И оставить его одного тоже больно, он обладает ясным умом, но беспомощен в быту, доверчивый, щедрый и добрый, но кажется мне беззащитным... Смотрю этот спектакль и плачу, потому что переживания стариков стали так близки и понятны с возрастом. Я уже не говорю про гениальную игру великих артистов.

...Смотрела и утирала слёзы! Мне довелось работать в доме престарелых! Как много обманутых детьми стариков проживает в этих домах! Они, как дети, постоянно ждут, что их заберут и выгладывают в окошко своих детей! Душа разрывается!!! Какое счастье, что запись спектакля сохранилась, и можно соприкоснуться с чем-то великим!»

ФР. Когда репетировала спектакль, впервые была рада, что у меня нет детей!

(звучат три продолжительных театральных звонка)

ФР. Пора. В последний раз! И Эфрос, и Варпаховский, и Юрский, и все мои близкие в зале. И даже враги! *(рвёт на куски тетрадь воспоминаний, предварительно вырвав одну страницу)* Вот он — итог моей жизни. Один кровоточащий жирный вопросительный знак. *(возможно,*

знак высвечивается на заднике, укрупняясь) Почему так мучительно жить, когда ты не часть серой безликой массы и не готов безропотно ей следовать? И почему так невыносимо жить, когда не похож на других? Во всём — в одежде, внешности, в жизненных ценностях и приоритетах? Может, потому я в конце жизни осталась практически одна. Почти все мои близкие люди покинули этот мир. Меня любят единицы, ненавидят многие. Может, неправильно прожила жизнь, живя в нереальном — иллюзорном мире? Сражалась за свои идеалы, стремилась быть честной, принципиальной... Хотя, кто знает? Как сказал поэт: «Не думай, что бывает жизнь напрасной, как будто есть удавленная жизнь?»

(трескуче звучит третий звонок, громкие нетерпеливые стуки в дверь)

Иду, иду. Я — готова! *(что-то судорожно ищет, переворачивая в гримёрной всё вверх тормашками)*

Проклятие! Где мой парик?! *(нервно звонит по внутреннему телефону)* Алло-алло, гримёры-пастижёры, чёрт вас побери. Где моя Таня, где мой парик?! Разгильдяи! Таня, ты? Я что, лысая и голая должна на сцену выйти? И почему ты не в гримёрке? Ах, это я просила сегодня меня не гримировать? А парик где? В ящичке стола? *(находит, нахлобучивает парик на голову)* Так бы и сказала. К чёрту! *(выходит на авансцену)*

«Как здесь чудесно, Барк! Ты помнишь? Я всю жизнь мечтала когда-нибудь повторить нашу поездку. Ведь мы с тобой с тех пор так никуда и не выбрались. Ты мой дорогой! Извини, что хромаю. Хотела показать тебе мои новые туфли и новую шляпку. Тебе нравится? У нас был отличный дом. Мы всегда были здоровы. *(с грустной улыбкой)* Мы прожили хорошую жизнь. *(с тоской)* И я всегда была счастлива с тобой, Барк. Каждый час. Каждую минуту. Все эти пятьдесят лет.

Я часто думаю: каждому человеку отводится в жизни определённое количество счастья. Только одни тратят его сразу, а другие, как мы, растягивают на долгие-долгие годы...»

Короткое затемнение. Через несколько мгновений свет снова зажигается.

ФИНАЛ

Из кулис с разных сторон на авансцену выходят герои пьесы. На экране или полиэкране высвечиваются фото Раневской и обложка её книги.

Фаины Раневской не стало 19 июля 1984 года. В спектакле «Дальше — тишина» актриса в последний раз вышла на сцену. Много лет прошло с того вечера, но память о ней жива в наших сердцах. Постоянный страх её жизни — умереть недооценённой — оказался беспочвенным. Раневская вошла в десятку лучших актрис мира XX века. Книга её воспоминаний вновь и вновь переиздаётся многотысячными тиражами, мысли разлетелись по всему русскоязычному миру, цитируются и по-прежнему вызывают восхищение остротой мысли, точностью аблюдений.

Актриса часто повторяла фразу Льва Толстого: «Смерти нет, но есть любовь и память сердца». Наш спектакль посвящён памяти величайшей актрисы — Фаины Георгиевны Раневской...

ПОКЛОН. ЗАНАВЕС

ОБ АВТОРЕ

Виктор Дальский (Виктор Рашкович) — писатель, сценарист, переводчик, продюсер. Творческую карьеру начал в Санкт-Петербурге. Публиковался в «Литературной газете», «Юности», «Авроре», «Театре». Долгие годы активно сотрудничал с «Театром миниатюр А. Райкина». По его сценариям поставлено немало телевизионных, документальных и научно-популярных фильмов.

В 1993-м, после переезда в Нью-Йорк, стал сооснователем (с А. Журбиным) и директором первого в стране русско-американского театра «Блуждающие Звёзды».

Виктор Рашкович — президент основанной им компании *Lege Artis Entertainment*, которая многократно успешно продюсировала гастроли в США, Канаде и Европе известных российских и израильских театров,

Лучшее признание профессионального уровня Виктора как импресарио — неоднократное успешное сотрудничество с крупнейшими Нью-Йоркскими международными фестивалями искусств — Линкольн центра и «Бруклинской академии музыки». Он удостоен престижной награды СМИ «Лучший русскоязычный продюсер года Америки».

В литературно-художественном журнале «Времена» опубликованы его серия коротких рассказов и пьеса «Короткий век любви», намеченная к постановке в театре на офф-Бродвее.

Чья-то прошлая жизнь. РАССКАЗЫ Семён Каминский

Книга прозаика и журналиста Семёна Каминского представляет собой наиболее полное собрание его рассказов. Кажется, что жанр короткого рассказа наиболее актуален в наше время высоких скоростей и нехватки времени на чтение художественной литературы. Поэтому мастера этого жанра, к которым относится и Семён Каминский, умеют лаконично и, в то же время, ёмко вложить в своё повествование размером с пару страниц целую жизнь конкретного человека, суть которой зачастую сводится к одному-двум событиям, ставшим знаковыми и судьбо-определяющими, и потому незабываемыми для героя.

Следует заметить, что книга С. Каминского предназначена не для беглого прочтения, а для внимательного осмысленного сопереживания мыслящего человека, имеющего свой жизненный опыт и занозившие сердце вечные вопросы выбора: между правдой и ложью, между предательством чего-то главного в самом себе и победой над собой, между жизнью и смертью, наконец. И в данном контексте фабулы сюжетов начинают восприниматься без привязки к определённому историческому периоду или географическому месту проживания героев, хотя в заглавии книги и указывается вполне конкретный город, и во многих рассказах автор не скупится на чёткое определение места и времени сюжета. Читатели, которые узнают в этих миниатюрах что-то близкое для себя, прошедшие по тем же улицам знакомых им населённых пунктов, по тем же дорогам личностного становления людей своего поколения, прочитают рассказы Семёна Каминского как письма старого друга, близкого и знакомого человека. Но и те читатели, которые относятся к иному поколению, имеющие жизненный опыт, отличный от опыта автора книги, не смогут остаться равнодушными ко всему, рассказанному им, и уж тем более книга не вызовет внутреннего отторжения, потому что читатель не устоит перед обаянием рассказчика, перед обаянием качественной, серьёзной прозы, мастерски написанной настоящим профессионалом своего дела.

Немного об авторе: Семён Каминский (1954 г.р.) — прозаик, редактор, издатель. Живёт в Чикаго с середины 90-х годов. Публикуется в различных литературных изданиях России, Украины, США, Канады, Израиля, Германии, Финляндии, Дании, Латвии. Лауреат нескольких литературных премий. С. Каминский — член Союза писателей XXI века, Международной ассоциации писателей и публицистов, Международной федерации русских писателей и Объединения русских литераторов Америки, член редсовета международного литературно-публицистического журнала «Времена».

Приобрести книгу можно через сайт издательства:
<https://mgraphics-books.com/product/somebody-past-life>

**С ВОПРОСАМИ
 ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

✉ mgraphics.books@gmail.com / info@mgraphics-books.com
 🌐 www.mgraphics-books.com ☎ 781-990-8778 (9 AM-4 PM)

ТЁМНАЯ КОМНАТА, РЫЖИЙ ЧЕМОДАН Игорь Щепёткин

В этом сборнике увлекательных рассказов Игорь Щепёткин выводит повествование за грань реализма. Завораживающая манера автора пересекает границы и условности, затрагивающие естественное и сверхъестественное, чтобы передать неожиданный и тревожный опыт современной жизни. Черпая вдохновение у таких писателей, как Валентин Распутин, Франц Кафка, Эдгар По и Владимир Набоков, автор ведёт читателей в путешествие по советской и постсоветской истории, исследуя эфемерные и потаённые пространства человеческой психики.

Тематику прозы Игоря определить непросто. Колер её — не чёрно-белый. Лирический герой всегда в балансе: сомнений, попыток найти выход, который не противоречит главной ценности, имя которой — человечность. Проза Игоря Щепёткина напоминает нам о том, что реальное иногда неотличимо от призрачного, о том, как судьбы разных людей пронизаны сказками и мечтами и как живые часто делят мир с мёртвыми. В его прозе продолжают потрясения войн двадцатого века, отбрасывающие длинную тень на персонажей, которые борются со смертью и ищут смысл жизни. В рассказе «По северной ветке» мальчик и его отец отправляются собирать ягоды вглубь сибирского леса, где неожиданно натываются на колючую проволоку, оставшуюся от заброшенного лагеря, — признака мира, крушение которого ещё не закончилось. В другом рассказе мы узнаём о боевых ранах мудрого дедушки, которому удалось пережить войну, сохранив своё воображение и юмор.

Посредством сопоставлений жестокости и красоты, мифа и реальности, репрессий и свободы Щепёткин создаёт трогательные портреты людей, которые переживают глубокие утраты и с трудом обретенные прозрения. Это сборник можно назвать «книгой не для всех» — слишком многое идёт на полутонах, оттенках, реминисценциях. Может быть, она для тех, кто умеет быть в резонансе. И стоит отметить, интересные и своеобразные иллюстрации талантливой израильской художницы Лилии Гойзман.

Об авторе: Игорь Щепёткин родился в 1962 году в г. Новосибирске. Обучался в Томском медицинском институте (1980–1985) по специальности биофизика. Работал в НИИ онкологии (г. Томск). С 2004 года и по настоящее время работает научным сотрудником Университета штата Монтана, США. Доктор медицинских наук. Автор более 150 научных статей в области медицины. Его перу принадлежат рассказы и автобиографическая проза (опубликованы в журналах «Союз писателей», книжной серии «Отражение. XXI век»). Член Союза писателей Северной Америки (2022).

Приобрести книгу можно через сайт издательства:
<https://mgraphics-books.com/product/dark-room-ginger-suitcase>

**С ВОПРОСАМИ
 ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

 mgraphics.books@gmail.com / info@mgraphics-books.com
 www.mgraphics-books.com 781-990-8778 (9 AM–4 PM)

...«Всем привет, это Дональд Трамп, надеюсь, ваш любимый президент всех времен, лучше Линкольна, лучше Вашингтона».

Неважно, что он никогда не был ни астронавтом, ни шерифом, ни супергероем. Ни дня не служил ни в армии, от которой ловко откосил в годы Вьетнама, ни на каком государственном посту. Это не помешало ему стать президентом США. В тот момент это хотелось назвать случайностью, причудой политической фортуны. В действительности же это дефолт системы, которая должна была воздвигнуть преграды на пути этой случайности.

А еще он лучший и самый любимый президент в истории США. Кто это решил? Он сам. История слишком серьезное дело, чтобы оставлять ее историкам, журналистам, общественному мнению, народной памяти. Он сам себе окончательный арбитр, а заодно и американской политике и всемирной истории.

Александр Пумпянский

*Во глубине, о нет, не руд,
Во глубине бесчестной брани,
До смерти мёртвые, заране,
Творили вы неправый суд!*

Михаил Ковсан

...Коллекция моих ночных кошмаров весьма богата: я видел как эски из «Вагнеров» отрезали своему голову, отрезали обычным кухонным ножом. На моих глазах живьем сожгли старуху и её внука. Я видел трупы, раскатанные танками, целое отделение салаг, впредсоединенное в жирную коричневую глину. Кровь, смерть и грязь перестают пугать — к ним человек привыкает просто. Но вот что действительно страшно — это люди. На что они способны...

Валерий Бочков

*Есть странная печаль в ямбическом стихе,
в его сцепленьи слов — лексического ряда.
(И даже иногда в обычной чепухе,
которую в стихах терпеть зачем-то надо ...).
Мне с ямбом хорошо. Он уважает слух.
В нём сила и покой пожившего мужчины,
усмешка, иногда ребяческий испуг,
а то и просто сбой без видимой причины...*

Геннадий Русаков

...Я сильно надавил на ссадину. Из раны тут же выступила кровь, и я обмакнул в неё перо. Я попробовал написать своё имя в самом верху листа. Получилось. Миссис Грин начала зачитывать диктант. Всякий раз, как она делала паузу, я обмакивал перо в свою кровь. Я не таился, учитывая обстоятельства, собственное поведение представлялось мне совершенно логичным. А кроме того, я же подписался собственной кровью. Здорово, правда?...

Эрих фон Нефф

...До Парижа... Если бы... Раз эти не взяли на перроне, значит, будут ждать на следующей станции. Не они — так другие. Куда им торопиться? Однако всё же проще было бы меня прямо на перроне заграбастать, типа «операция «Перехват»...

Эмилия Песочина